

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1972

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ—1972

НОМЕР ПОСВЯЩЕН 900-ЛЕТИЮ
«ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК»
МАХМУДА КАШГАРИ

В номере публикуются материалы Всесоюзной тюркологической конференции, созванной в городе Фергане 7—9 октября 1971 года Министерством высшего и среднего специального образования Узбекской ССР, Академией наук Узбекской ССР и Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР, в связи с 900-летием «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

А. Н. КОНОНОВ

МАХМУД КАШГАРСКИЙ И ЕГО «ДИВАНУ ЛУГАТ ИТ-ТҮРК»

О жизни и деятельности первого тюрколога-энциклопедиста Махмуда ал-Кашгари — Махмуда Кашгарского, к сожалению, известно очень мало. Единственным источником информации о нем является его собственный труд «Диван/у/ лугат ат/ит/-түрк», название которого передают на русский язык по-разному: «Свод тюркской лексики», «Диван тюркских языков», «Собрание тюркских наречий (языков)», «Словарь тюркских языков». По нашему мнению, последний перевод больше других соответствует содержанию труда Махмуда Кашгарского.

Из «Словаря тюркских языков» известно, что Махмудом Кашгарским создан еще один труд, непосредственно связанный с первым, — «Китаб-/и/ джавāхир ан-нахв фī лугāt ат-түрк — Книга драгоценностей синтаксиса тюркских языков». Однако это произведение до сих пор не обнаружено.

На первом листе Словаря приводится полное имя его составителя — Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммед и полное имя его отца — Хусейн ибн Мухаммед.

Отец Махмуда Кашгарского, родом из Барсхана ~ Барсгана (БА, III, 417—418; СМ, III, 424)¹, переселился в Кашгар, где, вероятно, и родился Махмуд, принявший нисбу Кашгари (то есть родом из Кашгара — Кашгарский).

До сих пор точно не установлены ни дата рождения, ни дата смерти великого тюрколога, не известно также, где и когда написал он свое сочинение, где умер. По этому поводу существуют только более или менее остроумные гипотезы.

По исчислению О. Прицака, Махмуд Кашгарский родился между 1029 и 1038 годами н. э., а работу над Словарем начал в 1072 и закончил в 1078 г. н. э.²

Некоторые сведения о родственниках Махмуда Кашгарского можно почерпнуть из того же Словаря: «наших предков-эмиров огузы называют

¹ Ссылки на Словарь для удобства пользования приводятся по переводам Бесима Аталая (БА — *Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay, cilt I, Ankara, 1939; cilt II, Ankara, 1940; cilt III, Ankara, 1941*) и Салиха Муталлибова (СМ — Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони [Девону лугот ит-турк]. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов, т. I, Тошкент, 1960; т. II, Тошкент, 1961; т. III, Тошкент, 1963). Стамбульское типографское издание Словаря условно обозначается МК. — Некролог Бесима Аталая (1882—1965) см.: *Türk Dili*, № 171, Ankara, 1965, стр. 208—212.

² См.: О. *Pritsak. Mahmud Kâşgarî kimdir? — «Türkiyat Mecmuası», cilt X. İstanbul, 1953, стр. 246.* Подробнее о времени составления Словаря сказано ниже.

хамир; огузы не могут произнести букву (звук) элиф (с хамзой), а потому превращают ее в *h*» (БА, I, стр. 112; СМ, I, стр. 136). Очевидно, в данном случае *h* является субститутотом хамзы.

Из сказанного можно заключить, что, по всей вероятности, предки Махмуда Кашгарского являлись эмирами (беками). Возможно, они управляли областями (вилайетами), населенными огузами, или же находившиеся под их командованием войска состояли преимущественно из огузов³.

О. Прицак⁴ считает, что приведенная выше цитата из Словаря подтверждает принадлежность Махмуда Кашгарского к дому Караханидов.

Одним из предков Махмуда Кашгарского мог быть или Харун (ал-Хасан) бин Сулейман, носивший титул Богра-хан, первый завоеватель Мавераннахра и покоритель Бухары (992 г. н. э.), столицы Саманидов, или Наср бин Али (ум. 1012—1013 г. н. э.), «который в 999 г. н. э. отнял всю Среднюю Азию (Мавераннахр) у Саманидов и основал новую династию Караханидов или илек-ханов со столицей в Кашгаре»⁵. По мнению О. Прицака, последняя версия менее вероятна, тогда как П. К. Жузе считает ее единственно возможной.

Если предположение о том, что отец Махмуда Кашгарского принадлежал к караханидской династии достаточно достоверно, то весьма возможно, что он являлся правителем Барсхана ~ Барсгана. Основываясь на свидетельстве ряда исторических источников, О. Прицак приходит к выводу, что Хусейн бин Мухаммед, эмир Барсхана, внук первого завоевателя Мавераннахра, есть не кто иной, как Хусейн бин Мухаммед, отец Махмуда Кашгарского⁶.

✓ Принадлежность Махмуда Кашгарского к высшим кругам караханидской знати подтверждается следующими фактами:

1) «Наш предок, — пишет Махмуд Кашгарский, — тот самый эмир, который отвоевал тюркские земли у саманидов; его звали хамир (т. е. эмир) Текин»⁷ (БА, I, стр. 112; СМ, I, стр. 136)⁸;

2) Упомянув в начале своего труда о себе, Махмуд Кашгарский отмечает, что принадлежит к самым родовитым из тюрок (БА, I, стр. 4; СМ, I, стр. 44).

Принадлежность Махмуда Кашгарского к караханидской знати не вызывает сомнений. Аристократическое происхождение позволило ему получить отличное по тому времени воспитание и образование, убедительным свидетельством чего является его Словарь.

Начальное, а может быть и высшее, образование Махмуд Кашгарский мог получить в своем родном Кашгаре, ставшем при илек ~ илиг-ханах крупным политическим и культурным центром⁹.

³ См.: *Köprülüzade M. Fuat. Türk Dili ve Edebiyatı hakkında araştırmalar. İstanbul, 1934*, стр. 40.

⁴ См.: О. Прицак. Указ. раб., стр. 243—246.

⁵ П. К. Жузе. *Thesaurus Linguae Turcorum*. — «Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета», т. II, 1927, стр. 29.

⁶ См.: О. Прицак. Указ. раб., стр. 243—244.

⁷ Так восстанавливает это имя Бесим Аталай.

⁸ Как предполагал В. В. Бартольд, «возможно, что здесь автор (т. е. Махмуд Кашгарский. — А. К.) уже перестает говорить от себя и возвращается к словам того источника, на который делает ссылку несколько выше, где говорится: „Сообщил мне Низам ад-дин Ибраджи Туган-тегин б. Мухаммед Чахыр-Тунка (Тонка. — А. К.) -хан со слов своего отца“». — В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 84—85. Нам кажется, что текст Словаря не дает достаточных оснований для подобного заключения, так как Махмуд Кашгарский ссылается на названное лицо не в связи с фактами собственной биографии, а касаясь легенды о постройке по повелению Александра Македонского (Зюлькарнейна) городов в стране уйгуров (БА, I, стр. 111—112; СМ, I, стр. 135—136).

⁹ См.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, стр. 456.

В пользу этого предположения можно привести еще один довод.

М. Хартман¹⁰ в известном сочинении ас-Самани «Китаб ал-ансаб» обнаружил сведения, относящиеся к родословной учителя Махмуда Кашгарского по имени ал-Хусейн ибн Халафа ал-Кашгари, нисба которого свидетельствует о его происхождении из Кашгара.

В то время, когда Махмуд Кашгарский работал над составлением своего Словаря, другой выдающийся представитель культуры тюркоязычного мира—Юсуф Баласагунский писал свою знаменитую дидактическую поэму «Кутадгу билиг — Знания, приносящие счастье». Этот факт также указывает на высокое развитие наук и искусств в тех краях.

Во всех странах, где господствовал ислам, в том числе, несомненно, и в Кашгарии, в программу мусульманских школ того времени входило изучение грамматики арабского языка, мусульманской догматики, юриспруденции, начал арифметики, Корана и хадиса.

Глубокие лингвистические, географические, исторические и прочие знания Махмуда Кашгарского, обнаруженные им при составлении Словаря, были приобретены, вероятно, позднее.

В исследовательской литературе, посвященной Махмуду Кашгарскому и его труду, нередко упоминаются центры мусульманской культуры — Бухара, Нишапур, Самарканд, Мерв, Северный Иран и, конечно, Багдад. Именно там он мог получить энциклопедическое образование. Кроме ряда тюркских языков, Махмуд Кашгарский знал также арабский и персидский языки.

На основании сказанного им в начале своего труда (БА, I, стр. 4; СМ, I, стр. 43) с известной долей вероятности можно предположить, что Махмуд Кашгарский бывал, а может быть, и жил в Бухаре и Нишапуре.

Сам Махмуд Кашгарский ничего не говорит о первоначальной цели своего, по-видимому, многолетнего странствования по землям тюрков. Его собственные высказывания сводятся лишь к следующему: «Хотя я происхожу из тюрков, которые говорят на самом чистом языке,¹¹ ...которые по происхождению и роду своему занимают самое первое место ... я за пядью пядь исходил все илы, селения, степи тюрков. Я полностью запечатлел в уме своем живую и рифмованную речь тюрков (караханидских или хаканских. — А. К.), туркмен, огузов, чигилей, йагма, кыркызов... И вот, эту книгу, — после столь долгого изучения и поисков, — я написал самым изящным образом, самым ясным языком... этому сочинению я дал название „Диван лугат ат-түрк“» (БА, I, стр. 4; СМ, I, стр. 44).

Составлению Словаря, естественно, предшествовала многолетняя работа по собиранию лингвистического, исторического и этнографического материала. Однако истинную причину, заставившую Махмуда Кашгарского покинуть родные места и отправиться странствовать по тюркским землям, можно только предполагать.

Первой из этих причин могла быть любовь к родному языку, желание возвысить тюркские языки, доказать, что они ни в чем не уступают арабскому (БА, I, стр. 6; СМ, I, стр. 45—46). Это могло побудить Махмуда Кашгарского создать свой Словарь, то есть в данном случае им руководили те же соображения, которые четыре столетия спустя заставили Алишера Навои написать свой знаменитый трактат «Суждение о двух языках».

¹⁰ См.: *M. Hartmann. Divan Lûgat at-Türk'e ait birkaç mülâhaza. — «Millî Tettebbüleri Mestuası», cilt II, № 4, 1331 г. мали (1914—1915 г. н. э.), стр. 168—169.*

¹¹ Самым чистым Махмуд Кашгарский признает хакаанско-тюркский язык (см. стр. 14).

Второй причиной могли быть происходившие в 448—449 годах (1056-1057—1057-1058 годы н. э.) в Восточной караханидской державе кровавые события, возможно, угрожавшие и жизни Махмуда Кашгарского. Это обстоятельство также могло вынудить его покинуть свою родину¹².

Очевидно, идея создания труда, содержащего различные сведения о тюрках, их языках, фольклоре, истории и этнографии, возникла у Махмуда Кашгарского как результат наблюдаемого им все возрастающего политического и военного влияния тюрков в мусульманском мире. На это указывают и его советы нетюркам: «Чтобы предохранить себя от поражения их (тюрков) стрелами, самое достойное, самое подходящее для благоразумного человека дело — крепко держаться их пути. Для того, чтобы они (тюрки) могли прислушаться к (вашим) бедам, для того, чтобы овладеть их сердцами — путь один: говорить на их языке» (БА, I, стр. 3—4; СМ, I, стр. 43).

Желая наилучшим образом решить поставленную задачу и не имея возможности, живя в Кашгаре, собрать все необходимые сведения о живущих далеко тюрках, их языках, образе жизни и культуре, Махмуд Кашгарский отправился в странствие по их землям.

Первым издателем и переводчиком на турецкий язык Словаря Махмуда Кашгарского был Килисли муаллим Рифат, принявший впоследствии (согласно закону 1934 г.) фамилию Бильге (1876—1953)¹³.

Воспоминания Р. Бильге, опубликованные в стамбульской газете «Yeni sabah» (30.IX; 4, 7, 11, 14, 18.X.1945), вошли отдельной главой в книгу М. Ш. Улькюташыра¹⁴.

Р. Бильге пишет, что турецкий ученый и библиофил Али Эмири (1857—1924)¹⁵ приобрел список Словаря в 1333 г. мали (1914—1915 г. н. э.) на стамбульском рынке старой книги (Sahaflar çarşısı) и поручил ему привести рукопись в порядок. Килисли Рифат выполнил это поручение и, сняв с нее рукописную копию, приступил по распоряжению Министерства просвещения к типографскому изданию Словаря, который и вышел в Стамбуле: 1—2 тт. — в 1915 г., 3-й т. — в 1917 г.

Так началась новая жизнь Словаря Махмуда Кашгарского, принесшая его автору славу первого тюрколога.

Единственный — стамбульский (по месту нахождения) список труда Махмуда Кашгарского дошел до нас в копии, датированной воскресеньем 27 шаввала 664 г. хиджры (МК, III, стр. 332—333), то есть 1 августа 1266 г. н. э. Переписчик рукописи — Мухаммед ибн Абу-Бакр ибни Абу-л-Фатх ас-Сави, позднее ад-Димашки. Этот список в настоящее время хранится в Стамбуле, в публичной библиотеке Millet Kütüphanesi, в фонде Али Эмири.

Как явствует из нисб при имени переписчика, он был родом из Сава (Иран), а позднее переселился в Сирию в город Димашк ~ Дамаск.

¹² См.: О. Прицак. Указ. раб., стр. 245. — Против этого предположения решительно возражает турецкий филолог А. Джафероглу (A. Caferoglu. Kâşgarlı Mahmut. İstanbul, 1970, стр. 16—17).

¹³ О нем см.: А. D[ilâçar]. Rifat Bilge (1876—1953). — Türk Dili, № 19, Ankara, 1953; перепечатано в кн.: «Dilçilere saygı», Ankara, 1966, стр. 99—101.

¹⁴ См.: М. Ш. Улькюташ. Büyük Türk dilcisi Kâşgarlı Mahmut. İstanbul, 1946, стр. 39—62.

¹⁵ О нем см.: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. III, М., 1962, стр. 458—463; т. IV, М., 1968, стр. 466—467; Fr. Babinger. Die Geschichtssreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927, стр. 402—404, № 374.

Дамаск или какой-нибудь другой город Сирии, что менее вероятно, и был местом переписки Словаря с рукописи, писанной, как свидетельствует переписчик (МК, III, стр. 333; БА, III, стр. 441; СМ, III, стр. 453), рукою самого Махмуда Кашгарского.

Судя по многочисленным ошибкам, переписчик, по-видимому, не знал тюркских языков, арабским же владел весьма посредственно.

Издатель Словаря Килисли Рифат, а позднее и переводчик Бесим Аталай много потрудились над восстановлением отдельных мест текста, однако эта трудная текстологическая работа была выполнена ими далеко не безукоризненно¹⁶.

Как уже отмечалось, Словарь известен пока в одном — стамбульском — списке, что не исключает существования других списков труда Махмуда Кашгарского. О них имеются отрывочные сведения в ряде исторических сочинений¹⁷.

По мнению В. В. Бартольда и многих других исследователей Словаря, Махмуд Кашгарский «писал свой труд в Багдаде»¹⁸, столице халифата и центре арабской культуры, куда со всех концов «мусульманского мира», в том числе и из тюркских земель, стекались «ищущие знаний».

Однако в Словаре нет данных о месте создания этого замечательного труда, как нет и упоминания о Багдаде вообще.

По мнению П. К. Жузе, Махмуд Кашгарский, получив в родном городе среднее образование, продолжал пополнять свои знания в культурных центрах Средней Азии — Бухаре и других городах. Для завершения образования он отправился в Багдад, где у него и зародилась идея создания словаря. С этой целью он предпринял путешествие по землям тюрков и, собрав нужные материалы, возвратился домой в Кашгар. По завершении своего труда (по предположению Жузе, в 1074 г. н. э.), Махмуд Кашгарский «вторично посетил Багдад, чтобы лично преподнести свой труд „священной особе“ халифа»¹⁹.

Следовательно, по мнению П. К. Жузе, а также известного исследователя исторической географии Средней Азии Х. Х. Хасанова²⁰, Махмуд Кашгарский писал свой Словарь в Кашгаре. Это предположение вполне закономерно, так как, охотно приводя различные географические и этнографические сведения о многих городах и селениях, он нигде не упоминает о центре мусульманской науки — Багдаде.

Невольно возникает вопрос: был ли Махмуд Кашгарский в Багдаде? Возможно, что его слова о преподнесении своего труда в дар халифу ал-Муктади (БА, I, стр. 4—5; СМ, I, стр. 44) всего-навсего свидетельствуют о неисполненном намерении. Состояние единственного дошедшего до нас стамбульского списка, представляющего, по всей вероятности, рабочий (черновой) экземпляр Словаря, не дает основания полагать, что он мог быть преподнесен в дар халифу. Если же действительно Мах-

¹⁶ См.: Т. А. Боровкова. Относительно первого издания Словаря Махмуда Кашгарского. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 5, стр. 133—135.

¹⁷ Подробнее см.: *Ahmet-Zeki Validi (Togan). Mahmud Kâşgari'ye ait notlar. — «Atsız Mecmuası», № 17, İstanbul, 1932, стр. 3; М. Ş. Ulkütasir. Указ. раб., стр. 36 и сл.*

¹⁸ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 83; см. также: БА, I, стр. XV; В. И. Беляев. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв. — В сб.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. Л., 1938, стр. 31; И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. IV, стр. 268; А. Е. Крымский. Тюрки, их мови та літератури. I. Вып. II. Київ, 1930, стр. 192; М. Ф. Кёпрюлюзаде. Указ. раб., стр. 41; М. Ş. Ulkütasir. Указ. раб., стр. 13.

¹⁹ П. К. Жузе. Указ. раб., стр. 29—31.

²⁰ См.: Х. Хасанов. Махмуд Кашгарий. Тошкент, 1963, стр. 8—10.

муд Кашгари подарил свой труд халифу ал-Муктади, то остается непонятным, почему он не попал в арабские энциклопедические справочники. Библиотека халифов, безусловно, имела каталоги, и этот труд не мог сказаться незамеченным. Вызывает недоумение и тот факт, что средневековые энциклопедисты, библиографы и биографы не упоминают ни о Махмуде Кашгарском, ни о его Словаре. Исключение составляет крапчатая заметка в энциклопедическом справочнике «Кашф аз-зунун — Раскрытие значений (имен собственных)», автор которого известен у турок под прозвищем Катиб Челеби, а у арабов как Хаджи Халифа (1609—1657).

Все эти соображения заставляют внимательнее отнестись к предположению П. К. Жузе и Х. Х. Хасанова, что Словарь Махмуда Кашгарского был составлен в Кашгаре²¹, являвшемся, по всеобщему признанию, важным политическим и культурным центром того времени. По всей вероятности, там имелись хорошие библиотеки и жили эрудированные филологи и историки. С известной долей вероятности можно предположить, что местом создания Словаря могли быть и другие культурные центры Средней Азии, такие, как Бухара, Нишапур и Самарканд.

По словам переписчика единственного известного списка труда Махмуда Кашгарского, в колофоне автографа Словаря (МК, III, стр. 332—333) сказано: «Составление (этой книги) было начато в первый день джумада I (4) 64 г. [хиджры] (=среда, 25 января 1072 г. н. э.) и окончено после исправления, улучшения и четырехкратного переписывания в понедельник 10-го джумада II 466 г. [хиджры]» (=понедельник, 10 февраля, — у Жузе, — стр. 31 : 11 февраля, 1074 г. н. э.).

Бесим Аталай (III, стр. 451—452) и С. Муталлибов (III, стр. 453) приводят другую дату окончания Словаря, а именно: 12-е джумада II 466 г. хиджры (=12 февраля 1074 г. н. э.), что объясняется неверным прочтением следующих слов: *evm as-sanin, al-aşir* — понедельник, 10-е.

В самом тексте труда Махмуда Кашгарского имеются еще три упоминания о датах, связанных с работой над Словарем:

1) МК, I, стр. 3; БА, I, стр. 4—5; СМ, I, стр. 44: здесь указывается, что Словарь был преподнесен в дар аббасидскому халифу ал-Муктади.

Известно, что ал-Муктади был провозглашен халифом в месяце шабана 467 г. хиджры (=апрель 1075 г. н. э.) и умер в месяце мухарреме 487 г. хиджры (=февраль 1094 г. н. э.), Словарь же, как сказано в колофоне (см. выше), был закончен в феврале 1074 г. н. э., когда халифом был ал-Ка'им (1031—1075):

Следовательно, упоминание о том, что Словарь был преподнесен халифу ал-Муктади, могло появиться только после тех исправлений и улучшений, о которых говорится в колофоне. Начальные листы Словаря с упоминанием имени ал-Муктади относятся, по-видимому, к последней редакции, непосредственно предшествовавшей вручению труда названному халифу, если это вообще имело место.

Очевидно, Словарь редактировался и переписывался лишь частично. Это предположение подтверждает выдвинутую выше гипотезу о том, что до нашего времени дошел список с рабочего экземпляра — автографа труда Махмуда Кашгарского.

По мнению М. Хартмана²², несоответствие даты 466 г. хиджры времени правления халифа ал-Муктади объясняется тем, что Махмуд Каш-

²¹ См.: Х. Хасанов. Указ. раб., стр. 8.

²² См.: М. Hartmann. Указ. раб., стр. 168.

гарский закончил свое сочинение в 466 г. хиджры, а Введение к нему написал в 467 г. хиджры, и тогда же Словарь был преподнесен халифу.

2) МК, I, стр. 290; БА, I, стр. 346; СМ, I, стр. 331 — «Когда мы писали эту книгу, был [месяц] мухаррем 466 г. (х); наступил год змеи; когда пройдет этот год, наступит [4]67 г. (х.), год лошади».

Как отмечает Бесим Аталая (I, стр. 346), в рукописном экземпляре Словаря последняя дата написана так: «наступил год семидесятый» ([4]70 г. хиджры). Эти слова зачеркнуты и красными чернилами выведено: «наступил год шестьдесят седьмой» ([4]67 г. хиджры). (МК, I, стр. 290).

Мухаррем 466 г. хиджры начался 6 сентября и кончился 5 октября 1073 г. н. э. Год змеи в этот период приходится на вторую половину 469—первую половину 470 г. хиджры (1076—1077 г. н. э.), а не на 466 г. хиджры (1073 г. н. э.), как указано в Словаре²³.

Л. Базен²⁴ разделяет мнение Бесима Аталая (I, стр. XIV—XV), который считает исправленную красными чернилами дату [4]70 г. хиджры на [4]67 г. хиджры ошибкой (заметим, кстати, что этот год не соответствует году лошади); таких ошибок, по мнению Бесима Аталая, в оригинале много, а внесенные в него исправления не заслуживают доверия.

Следовательно, наиболее вероятной второй датой является 470 г. хиджры (1077—1078 г. н. э.), но в таком случае и первая дата — мухаррем 466 г. хиджры тоже неверна и должна быть исправлена на мухаррем 469 г. хиджры (август—сентябрь 1076 г. н. э.), что подтверждается третьей датой, упоминаемой в Словаре.

3) МК, III, стр. 116; БА, III, стр. 156; СМ, III, стр. 170: «[четыреста] шестьдесят девятый год [хиджры], когда мы пишем эту книгу, соответствует году дракона [нек йылы]». 469 г. хиджры = 1076—1077 г. н. э.

Год змеи, упомянутый в п. 2, приходится на 469 г. хиджры, названный в п. 3 годом дракона. Действительно, 469 г. хиджры соответствует второй половине года дракона (1076 г. н. э.) и первой половине года змеи (1077 г. н. э.), в течение которых, по-видимому, в текст Словаря вносились исправления и дополнения.

В п. 2 названа дата мухаррем 466 г. хиджры, которая находится в очевидном противоречии не только с датами, указанными в пп. 1 и 3, но и с датой, указанной в том же п. 2, где «следующим годом» назван год лошади, приходящийся на 470 г. хиджры.

На основании сказанного, представляется убедительным предположение, что дата «мухаррем 466 г. (х.)» оставлена по недосмотру при редактировании в 469 году хиджры.

Вопрос о времени начала и окончания работы над Словарем занимал многих ученых²⁵.

А.-З.-В.Тоган²⁶, рассмотрев четыре упоминающиеся в Словаре даты, приходит к следующему заключению: Словарь составлялся с 25 января 1072 по 10 февраля 1074 г. н. э., когда халифом был ал-Ка'им. В 1076—1077 гг. н. э. Словарь редактировался, а затем был преподнесен в дар халифу ал-Муктади. Следовательно, заключает Тоган, годом завершения работы над Словарем следует признать 470 г. хиджры (1077 г. н. э.).

²³ СМ.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 84; L. Bazin. Les dates de rédaction du «Divan» de Kāšğari. — Acta Orient, Hung. T. VII, Fasc. I. Budapest, 1957, стр. 21—22.

²⁴ СМ.: L. Bazin. Указ. раб., стр. 22.

²⁵ СМ.: М. Ş. Ülkütaşır. Указ. раб., стр. 29—32.

²⁶ СМ.: A.-Z.-V. Togan. «Divan-i Lügāt üt-Türk»ün telif senesi hakkında. — «İlsiz Mecmuası», 1932, № 16, стр. 77—78.

Наиболее вероятное решение трудной задачи установления точных дат составления и редактирования Словаря предложил Л. Базен²⁷. По его мнению, Словарь начал составляться 25 января 1072 г. н. э. В дальнейшем он подвергся четырехкратному редактированию: 1) 464 г. хиджры (1072 г. н. э.); 2) 466 г. хиджры (1073 г. н. э.); 3) 469 г. хиджры — 2-я половина года дракона (1076 г. н. э.) и 1-я половина года змеи (1077 г. н. э.); 4) как полагает Л. Базен, указанная в колофоне дата окончания Словаря — 466 г. хиджры — очевидная ошибка. Он предлагает исправить эту дату на 12 джумада II 476 г. хиджры (= 27 октября 1083 г. н. э.), что совпадает со временем правления ал-Муктади и соответствует датам, указанным в более поздних редакциях Словаря. Таковы в общих чертах различные точки зрения и гипотезы о дате создания Махмудом Кашгарским его Словаря.

Материалы, собранные Махмудом Кашгарским во время его странствований по землям тюрок, позволили ему охватить в своем труде огромные лексические богатства. Тем не менее остается в силе предположение В. В. Бартольда о том, что многочисленные исторические и географические сведения, сосредоточенные в Словаре, могли быть заимствованы Махмудом Кашгарским из трудов его предшественников²⁸.

«Эту книгу я составил, — пишет Махмуд Кашгарский, — расположив слова по порядку букв в слоге, украсив ее мудрыми изречениями, рифмованной прозой, пословицами, стихами и прозой. Каждое слово я поставил на надлежащее место, чтобы стремящийся к знаниям нашел его на своем месте, чтобы ищущий обрел его в своем ряду... Эту книгу я разделил на восемь глав:

I. Книга хамзы (слов, начинающихся с элифа).

II. Книга правильных — салим — (слов, не имеющих в своем составе элифа, вава, йая).

III. Книга удвоенных — муза'аф — (слов, имеющих две одинаковые буквы).

IV. Книга подобноправильных — мисаль — (слов, имеющих в начале йай).

V. Книга трехбуквенных.

VI. Книга четырехбуквенных.

VII. Книга назализованных.

VIII. Книга слов с двумя согласными».

«Каждую книгу, — продолжает Махмуд Кашгарский, — я разделил на две части: имя и глагол... Каждую (часть речи. — А. К.), в соответствии с их порядком, я поделил на разделы... Чтобы каждый мог легко понять, я использовал (в словаре. — А. К.)... термины, принятые в арабском языке» (БА, I, стр. 6; СМ, I, стр. 45).

Здесь же Махмуд Кашгарский пишет, что он имел намерение перечислить наряду с «употребительными» (мустамель) также «неупотребительные» (мухмель) слова, как «это сделано в труде ал-Халиля «Китаб ал-'айн»²⁹, чтобы [каждому] было ясно, что язык тюрок ничем не уступает арабскому языку».

²⁷ См.: L. Bazin. Указ. раб., стр. 23—24.

²⁸ См.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 87.

²⁹ «Первым арабским словарем, распределявшим материал в порядке букв (хотя и не алфавитном), явился знаменитый «Китаб ал-'айн» основателя арабской метрики ал-Халиля (ум. около 791 г. н. э.). До него существовали, по-видимому, только глоссарии, объединявшие слова по признаку их значения» (И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. I, стр. 363).

Вопреки своему первоначальному намерению, Махмуд Кашгарский отказался строго следовать системе ал-Халиля, ограничив свою задачу, ради краткости и удобства, регистрацией только употребительных слов, что несколько не обеднило Словарь, так как под термином «мухмель» он имел в виду, следуя арабской лексикографической традиции, возможность образовывать новые слова путем перестановки звуков.

Немецкий ориенталист Г. Бергштрессер³⁰ высказал мнение, что непосредственным образцом для Махмуда Кашгарского послужил «Диван ал-адаб фи байан лугат ал-'араб — Собрание литературных произведений в изложении на языке арабов», автором которого был Ибрахим Исхак ибн Ибрахим ал-Фараби (ум. 350 г. хиджры = 961 г. н. э.)³¹.

Архитектоника Словаря Махмуда Кашгарского, по мнению Г. Бергштрессера, очень напоминает архитектуру труда ал-Фараби. Предположение Г. Бергштрессера, несколько не умаляя заслуг Махмуда Кашгарского, указывает лишь на широкую эрудицию и глубокие познания последнего в области лексикографии своего времени.

Махмуд Кашгарский не был слепым последователем лексикографической традиции, выработанной арабскими составителями словарей; он разработал свою методику, обусловленную морфологическими особенностями тюркской лексики.

Не без гордости Махмуд Кашгарский заявляет, что он принял такую систему расположения слов, которую до него никто не применял, и такой порядок распределения слов, о котором до него никто не помышлял (МК, I, стр. 5—6; БА, I, стр. 7; СМ, I, стр. 46—47).

Словарь ал-Халиля составлен по фонетико-физиологическому принципу: сначала идут гортанные, затем палатальные, свистящие и шипящие, язычные, губные, полугласные³².

Махмуд Кашгарский построил свой словарь на основе структурно-алфавитного принципа с учетом деления лексики на части речи.

Следуя лишь формально обычному для арабской лексикографической практики порядку расположения слов, Махмуд Кашгарский находит способы выявить особенности тюркской фонетики и грамматики. Его словарь содержит многочисленные фонетические, морфологические, синтаксические наблюдения, преподносимые, как правило, в сравнительном плане.

По богатству содержания Словарь Махмуда Кашгарского представляет собою единственный в своем роде труд, в котором представлены:

- 1) лексика с указанием племенной принадлежности;
- 2) сведения о расселении тюркских племен;
- 3) классификация тюркских языков;
- 4) сведения по тюркской исторической фонетике и грамматике;
- 5) сведения по истории, географии, этнографии, поэзии и фольклору тюрков;

³⁰ См.: G. Bergsträsser. Das Vorbild von Kāšgari's Divān lugāt at-türk. — «Orientalistische Literaturzeitung», 1921, № 7—8, стр. 154—155.

³¹ К мнению Г. Бергштрессера присоединился и К. Броккельман, см.: C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur. Erster Supplementband Leiden, 1936, стр. 195—196.

³² См.: В. А. Звегинцев. История арабского языкознания. М., 1958, стр. 45.

6) самая старая тюркская карта мира³³.

1. Лексика. Словарь содержит около 7500 слов, отражающих лексику тюрков (караханидских, хаканских), туркменов, огузов, чигилей, ягма и кыркызов. Значение большинства слов объясняется и уточняется с помощью соответствующего иллюстративного материала; с этой целью широко используются пословицы и поговорки (общим числом 290)³⁴, четыре довольно длинных элегий (мерсийе), дастаны, хикматы, афоризмы, песни, поэтические отрывки и т. п.

Из тюркских поэтов упоминается лишь один — Чучу или Джуджу (БА, III, стр. 238; СМ, III, стр. 256).

Махмуд Кашгарский включал в свой Словарь только те слова, которые считал тюркскими по корню. Однако в определении происхождения ряда слов он явно ошибался, часто принимая за тюркские иноязычные слова.

Далеко не всегда имеются указания, какому из тюркских племен принадлежит приводимые в словарных статьях образцы фольклора, реалии быта и т. п. Часто невозможно определить, даже приблизительно, к какой области расселения тюрков (от берегов Волги, пределов Рума и до границ Китая) относится тот или иной иллюстративный материал.

В Словарь включены названия гор, степей, рек, озер и т. п., расположенных в землях тюрков-мусульман; географические названия и номенклатура, встречающиеся в землях тюрков-немусульман, регистрировались лишь в отдельных случаях (БА, I, стр. 27; СМ, I, стр. 63).

В целом Словарь в настоящее время является часто единственным источником информации о жизни тюрков XI в.: о предметах их материальной культуры, реалиях быта (одежда, обувь, головные уборы, жилище, домашняя утварь, инструменты, хозяйственные постройки, ткани, украшения, оружие, доспехи, конская сбруя, сельскохозяйственные орудия, музыкальные инструменты и т. п.), об этнонимах и топонимах, родоплеменном делении, о терминах родства и свойства, о титулах и наименованиях различных должностных лиц, названиях пищи-пития, о домашних и диких животных и птицах, терминах животноводства, о растениях и злаках, об астрономических терминах, о народном календаре, названиях месяцев и дней недели, о географической терминологии и номенклатуре, о городах, о названиях болезней и лекарств, анатомической терминологии, о металлах и минералах, о военной, спортивной и административной терминологии, об именах различных исторических и мифологических героев, о религиозной и этической терминологии, о детских играх и забавах и т. д.

2. Сведения о расселении тюркских племен. Наглядное представление о расселении тюркских племен во второй половине XI в. дает круглая карта мира, приложенная к Словарю. Центром карты автор сделал Кашгар и Семиречье с городом Баласагуном.

По Махмуду Кашгарскому (БА, I, стр. 28; СМ, I, стр. 64), тюрки в основном подразделяются на двадцать племен³⁵; они идут чередой от Яфета (Яфеса), сына Нухи (Ноя), до Тюрка, сына Яфета. Каждое из этих племен (кабила) состоит из многих родов (оймак, уруг), число которых «знает один Всевышний бог».

³³ В этой статье мы ограничиваем свою задачу кратким изложением сведений, касающихся первых четырех пунктов.

³⁴ СМ.: *Ferit Birték*. En eski Türk savlari. Ankara, 1944.

³⁵ СМ.: С. П. Толстов. Города гузов. — «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 55—102.

«Я описал, — замечает Махмуд Кашгарский, — только племена, а родовые деления оставил без внимания. Однако я описал родовые деления огузов, даже мелкие, и тамги их, которые они ставят на свой скот, потому, что в знании всего этого есть у людей нужда. Кроме того, я указал, начиная с востока, все места, где обитает каждое племя. К Руму ближе других живет племя беченек (печенег), затем следуют: кыфчак, огуз, йемек, башгырт, басмыл, кай, йабаку, татар, кыркыз (они живут близ Чина³⁶ — Китая); все вышеуказанные племена обитают в направлении от Рума на восток; затем идут: чигиль, тухси (тохси), йагма, уграк (ыграк), чарук (джарук), чомыл (чумыл, джумул), уйгур, тангут, хытай — это название Чина; затем — Тавгач³⁷ — так называют Мачин. Эти племена обитают между югом и севером. Всех их, в отдельности, я показал на круглой карте».

Придавая огузам особое значение, Махмуд Кашгарский подробно рассматривает их родовые деления и тамги: «Огуз — тюркское племя (кабила). Огузы — туркмены³⁸; их двадцать два рода (уруг)³⁹, у каждого из них есть свой особый знак, а для животных особая тамга» (БА, I, стр. 55—58; СМ, I, стр. 89—91).

О расселении племен и народов, их языках и наречиях Махмуд Кашгарский сообщает следующие любопытные сведения:

«Чапарка ~ Джабарка (Япония). Языки этой страны нам не известны, т. к. эта страна далеко [от нас], ее отделяет большое море.

Чин и Мачин. У народов этих стран свои особые языки; горожане хорошо знают тюркский язык. В переписке [с нами] пользуются тюркским письмом.

Иаджудж-Маджудж. Языки их не известны...

Тубу́ты и хотанцы имеют свои языки и свою письменность. Ите и другие плохо знают тюркский язык.

Уйгуры говорят на тюркском языке; говоря между собою, они пользуются различными говорами (наречиями); они употребляют тюркское письмо, состоящее из 24 букв. Кроме того, у уйгуров и жителей Чина есть свои особые письмена; ими они пишут счетные книги и деловые бумаги. Эти письмена никто, кроме уйгуров-немусульман и жителей Чина, читать не может. Сказанное относится к жителям городов.

Чомыл ~ чумыл ~ джумул'ы имеют свой особый язык, отличный от языка других степных народов; они знают также тюркский язык.

Кай, йабаку, татар, басмыл'ы говорят на своих языках⁴⁰, вместе с тем они хорошо говорят и по-тюркски.

Кыркыз, кыфчак (кыпчак), огуз, тухси (тохси), йагма, чигиль, уграк (ыграк), чарук (джарук) гово-

³⁶ О различных названиях Китая и его частей в средние века; см.: P. Pelliot. Notes on Marco Polo, I. Paris, 1959, стр. 264—278.

³⁷ См.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 87.

³⁸ «Туркменами называлась лишь часть огузов, которая ассимилировалась с европеоидным, преимущественно ираноязычным населением». — С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 6. Махмуд Кашгарский «называет туркменами не только огузов, как другие авторы, но и карлуков». — В. В. Бартольд. Указ. раб., т. V, стр. 206.

³⁹ Родовые (племенные) деления огузов известны из двух источников: по Махмуду Кашгарскому и по Рашид-ад-дину, который приводит двадцать четыре названия; подробнее см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 91, прим. 91.

⁴⁰ Возможно, на языках монгольской семьи; ср.: В. В. Бартольд. Указ. раб., т. V, стр. 207.

рят по-тюркски, но имеют свои наречия. Языки йемеков и башгыртов к ним близки.

Булгары, сувары, как и беченеки (печенеги), говорят по-тюркски, но концы некоторых слов они укорачивают⁴¹.

Самый легкий язык — язык огузов, самый правильный, самый лучший язык — язык тухси (тохси) и йагма. Правильный тюркский язык и у народов, обитающих — вплоть до страны уйгуров — вдоль рр. Или, Иртыш, Иамар⁴², Итиль (Волга). Среди них самый ясный и самый сладкоречивый язык — язык народов страны Хаканийе (то есть государства Караханидов).

Жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски. Жители городов Тыраз (Тараз, Талас=Джамбул) и Бейза также [говорят по-согдийски и по-тюркски].

Язык населения всех городов (области) Аргу, от Испиджаба (Испиджаб=Чимкент) до Баласагуна, — порченый. В Кашгарии есть селения, жители которых говорят на языке кенджеков⁴³. Жители городов говорят на хаканско-тюркском языке» (БА, I, стр. 29—30; СМ, I, стр. 65—66).

3. Классификация тюркских языков. Махмуду Кашгарскому принадлежит первый опыт классификации тюркских языков; его классификация основывается на признаках чистоты (правильности) языка (речи), а также на фонетических и грамматических признаках, что позволяет считать его пионером сравнительно-сопоставительного изучения тюркских языков.

Чистой (правильной) речью, чистыми (правильными) языками Махмуд Кашгарский считал речь и языки, не подвергшиеся иноязычному влиянию. На этом основании он делил известные ему языки на две группы: 1) чистые, несмешанные, правильные языки; 2) смешанные, неправильные, порченые языки.

«Самым чистым и правильным языком является язык тех, кто знает только один язык, кто не смешивается с говорящими на иранских языках, кто не бывал в чужих краях. Язык тех, кто водится со знающими два языка горожанами, — порченый. Два языка знают согдаки, кенджеки и аргу. Некоторые из хотанцев, тубут'ов (тибетцев) и тангутов говорят на двух языках, бывают в городах, [а потому] их язык порченый. Они позже [других] пришли в эти [тюркские] земли...» (БА, I, стр. 29; СМ, I, стр. 65).

По фонетико-морфологическим признакам Махмуд Кашгарский делит тюркские языки на две группы⁴⁴.

Восточная группа: языки чигилей, тухси, йагма, хаканско-тюркский — язык городского населения Кашгарии и языки других племен вплоть до Мачина.

Западная группа: языки йемеков, кыпчаков, огузов, печенегов, булгаров, суваров и других племен, обитающих на восток от Рума.

⁴¹ Вероятно, имеется в виду потеря конечного согласного *g*: *kapug* > *kapu* 'дверь'. — Ср.: А. Caferoğlu. Türk dili tarihi, II. İstanbul, 1964, стр. 35, § 10.

⁴² См.: В. В. Бартольд. Указ. раб., т. V, стр. 207.

⁴³ Отуреченное сельское население Кашгарии. См. там же.

⁴⁴ Эту тему обстоятельно разработал Х. Г. Нигматов в своей кандидатской диссертации: «Морфология тюркского глагола по материалам Словаря Махмуда Кашгарского». Л., 1970, стр. 32—34. (Рукопись). Используется с разрешения автора.

Фонетические признаки

Восточная группа

Анлаут

1. Глухой согласный [т]:
тевей 'верблюд'.
2. Средняяязычный [й]:
йинджу 'жемчуг',
йелкин 'гость'.
3. [м]: *мен* 'я', *мун* 'суп',
минг 'тысяча'.

Инлаут

1. Звонкие согласные [з, д]:
бүгде 'кортик'.
2. Губно-зубной [в]:
товар 'имущество'.

Западная группа

Анлаут

1. Звонкий согласный [д]:
девей 'верблюд'.
2. [дж] ~ Ø (нуль):
джинджу 'жемчуг',
элкин 'гость'.
3. [б]: *бен* 'я', *бун* 'суп',
бинг 'тысяча'.

Инлаут

1. Глухие согласные [к, т]:
бүкте 'кортик'.
2. Губно-губной [ш]:
тошар 'имущество'.

По признаку наличия в инлауте межзубного з, переднеязычного з или среднеязычного й (*азақ* ~ *азақ* ~ *айақ* 'нога') восточную группу можно разделить на з-подгруппу (язык чигилей и хаканско-тюркский) и й-подгруппу (языки ягма, тухси и др. до Мачина), а западную группу — на з-подгруппу (язык йемеков, печенегов, суваров, болгаров) и й-подгруппу (языки огузов и кыпчаков; последние, по Махмуду Кашгарскому, имеют в инлауте з и й).

В языках восточной группы в составе корня и аффиксов преобладают узкие гласные: *син* 'ты', *бардым* ~ *бардум* 'я ходил'. В языках западной группы в той же позиции преобладают широкие гласные: *сен* 'ты', *бардам* 'я ходил'.

Морфологические признаки

Восточная группа

1. Форма на -*фу/-қу/-ку/-гү*:
барғу, *kelgü*.
2. Форма на -*ғучы/-қучы/-гучи/-кучи*: *барғучы*.
3. Форма на -*ған/-қан/-ген/-кен*: *барған*.
4. Прош.-кат. вр. на -*ды/-ты* + личн. афф.

Западная группа

1. Форма на -(й)*асы/- (й)еси*:
барасы, *kelesi*.
2. Форма на -*дачы/-тачы/-дечи/-течи*: *бардачы*.
3. Форма на -(й)*ан/- (й)ен*:
баран.
4. Вместо прош.-кат. вр. на -*ды/-ты* — неспрягаемая форма на -*дуқ*.

4. Сведения по тюркской исторической фонетике и грамматике. Кратко изложены данные об арабском и уйгурском алфавитах (БА, I, стр. 8—9; СМ, I, стр. 47—48). Здесь же сообщаются сведения о звуках (у Махмуда Кашгарского — буквах), специфически присущих тюркским языкам (*п, ч, ж, ғ, г, нг*), при произношении которых нетюрки испытывают большие затруднения. Указывается ряд букв арабского алфавита, которые в тюркских словах не используются из-за отсутствия соответствующих звуков.

Говоря об образовании имен от глаголов, Махмуд Кашгарский замечает (БА, I стр. 10; СМ, I, стр. 50): «Имена бывают двух родов: коренные и производные. Имена существительные (и прилагательные) — производные от глаголов образуются с помощью двенадцати букв (аффиксов): -а, -т, -и (дж), -ш, -ф, -к₁, -к (твердый кяф), -г (мягкий кяф, произносимый между к₁ и к), -л, -м, -н, -в.

Исходной основой для образования производных имен существительных от глаголов Махмуд Кашгарский считает 3-е лицо ед. ч. прош. кат. вр.: билге 'умный', 'мудрый' от билди 'он знал', кесме 'локон', 'прядь' от кесди 'он отрезал' и т. д. (БА, I, стр. 11; СМ, I, стр. 51), что точно соответствует арабской схеме глагола.

Вместе с тем Махмуд Кашгарский, остро чувствующий специфику тюркских языков, в другом месте Словаря заявляет, вопреки сказанному выше, что корнем (основой) глагола является императив (МК, I, стр. 153; БА, I, стр. 175; СМ, I, стр. 185).

Следуя арабской грамматической схеме, Махмуд Кашгарский делит слова (и располагает их в Словаре) по числу букв (БА, I, стр. 16—17; СМ, I, стр. 55—56); двухбуквенные: ат 'лошадь', эр 'муж'; трехбуквенные: аз(у)к⁴⁵ 'пища', й(а)зук 'грех'; четырехбуквенные: й(а)зм(у)р 'дождь'; пятибуквенные: к₁(у)р(у)сак₁ 'желудок'; шестибуквенные: к(ө)м(ү)лд(ү)р(ү)к 'нагрудник (часть верховой сбруи)'; семибуквенные: з(а)рғ(у)нчм(у)д⁴⁶ 'базилика (бот)'. — В тюркских языках, — замечает Махмуд Кашгарский, — семибуквенных слов нет.

Стремясь показать, что тюркские языки ни в чем не уступают арабскому, Махмуд Кашгарский распространяет на тюркский лексический материал каноны арабской фонетико-грамматической схемы; так, например, он говорит о долгих (мадда) и смягченных (лин) гласных, обозначаемых буквами элиф, вав, йай (БА, I, стр. 17—18; СМ, I, стр. 56—57).

Глаголы бывают двух-, трех-, четырех-, пяти-, шестибуквенные. С помощью следующих букв (аффиксов): -а/-е, -т, -р, -с, -ш, -ж, -к, -л, -н, -ла, -лы основе сообщается новое (словообразовательное или словоизменительное) значение (БА, I, стр. 19—22; СМ, I, стр. 57—60).

Под термином «сыфат» объединяется пять разновидностей отглагольных форм, которые, как правило, в европейской практике объединяются под термином «причастие»; это — формы на -тачы/-дачы, -аган/-еген, -ығсақ/-игсек, -ғулук/-гүлүк, -ығылы/-игли. (БА, I, стр. 24—25; СМ, I, стр. 61—62).

О масдарах. Махмуд Кашгарский делит масдары на: 1) «собственно масдары»: барды 'он ушел', келди 'он пришел'; барыр 'он уйдет', келир 'он придет'; 2) «несобственно масдары», представляющие собою словосочетание: менинг барығым болса манга тушғыл 'если мне случится пойти, присоединяясь ко мне!'; — кейик келиги болса оқта 'если сайгак подойдет (близко), стреляй!'. Этот же тип масдара представлен в следующих словосочетаниях: барығ барды 'он много ходил', тепик тепти 'он долго топтал ногами' (БА, I, стр. 26—27; СМ, I, стр. 62—63).

* *

*

Словарь Махмуда Кашгарского представляет собой в полном смысле слова золотые россыпи любопытнейших и тончайших наблюдений

⁴⁵ В скобки взяты буквы, не изображаемые в арабской графике.

⁴⁶ Судя по оригинальному начертанию — это слово восьмибуквенное (!).

оский за-ад фонетикой, грамматикой и лексикой ряда тюркских языков, един-
одов: ко-твенное в своем роде сочинение, донесшее до нашего времени бесцен-
ные) —ые лингвистические, этнографические, фольклорные, географические,
укв (аф-исторические сведения о хакаанских (караханидских) тюрках, туркменах,
ий кяф,гузах, ягма, чигилях, кыргызях. Изучение всех этих богатств явится
лучшей данью памяти первого тюрколога Махмуда Кашгарского —
ществи-лексикографа и лингвиста, этнографа и фольклориста, географа и исто-
и. прош.-рика — автора бессмертного «Словаря тюркских языков».

‘локон’,
51), что

специ-
ски ска-
ив (МК,

й делит
16—17;
буквен-
зм(y)p
енные:
енные:
мечает

араб-
ческий
к, на-
х, обо-
—57).
ые. С
-л, -н,
слово-

отгла-
диня-
-еген,
М, I,

енно
елир
ово-
ится
йгак
сле-
епти

мы-
ний

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ЭПОХА МАХМУДА КАШГАРСКОГО

*«Пядь за пядью исходил я все или, селения
и степи тюрков»*

Махмуд КАШГАРСКИЙ

Махмуд Кашгарский родился в иле, одним из основателей которого был его прадед. Впоследствии он принял нисбу ал-Кашгари — по названию города, который сами тюрки именовали *Ордуке́нт*, то есть «столица». Он вырос среди народа, называемого им *хаканийя* и говорившего, по его словам, на «самом ясном и самом сладостном из тюркских языков». Центром созданной им карты он сделал Кашгар и Семиречье. В его «Диване» собрано свыше девяти тысяч тюркских слов, большей частью из языков племен Кашгарии и Семиречья. Записывая и толкуя слова, Махмуд Кашгарский рассказывает и о носителях языка, о том, где они живут и чем занимаются, с кем общаются и какие поют песни. По этим сведениям нельзя восстановить их историю, но можно многое узнать об их быте, обществе и культуре. Караханидское государство раскрывается перед нами по материалам «Дивана» как бы изнутри, благодаря чему Словарь Махмуда Кашгарского становится бесценным источником для исторических и социологических исследований.

Вот, например, некоторые сведения, сообщаемые «Диваном»: «Жители городов Кашгарии говорят на хаканийско-тюркском языке». Вряд ли требуется более веское подтверждение тому, что в середине XI века основными носителями оседлой и даже городской культуры на востоке тогдашнего тюркского мира были сами тюрки, вчерашние кочевники. Поэтому противопоставление Ирана и Турана, как олицетворения оседлости и кочевничества, в царстве «дома Афрасиаба» утратило свою силу. Существование богатой средневековой городской культуры в Семиречье и Восточном Туркестане открыто археологами. «Диван» Махмуда Кашгарского показал, кто были горожане его времени.

Изменения в этническом составе городов оставили в языке неизгладимые следы: тюркский язык жителей городов или тех из тюрков, кто с этими жителями постоянно общался, Махмуд Кашгарский называет «порченным». Объясняет это автор «Дивана» тем, что, несмотря на преобладание в составе городского населения Кашгарии и Семиречья тюрков, рядом с ними жили согдаки и кенджеки, аргу и хотанцы, тибетцы и тангуты, языки которых непосредственно влияли на язык тюрков. Влияние культурных и исторических традиций в городах слишком велико, и Махмуд Кашгарский не без сожаления утверждает, что лишь в среде тюрков, живущих прежней кочевой жизнью и не общающихся постоянно с горожанами, сохраняется «самый чистый и правильный» язык.

Особое место в Караханидском государстве Махмуд Кашгарский отводит согдийцам, которые первыми в некогда исконных областях кочевого быта стали носителями среднеазиатской городской культуры. В городах Семиречья, прежде всего в крупнейших из них — Баласагуне и Таразе — согдийский язык, по свидетельству Махмуда Кашгарского, был столь же распространен, как и тюркский. Археологами установлено, что заселение Семиречья согдийцами началось за 700—800 лет до времени, в которое жил Махмуд Кашгарский. Однако только его Словарь фиксирует существование в Семиречье XI века согдийского языка и культуры, в то время, как у себя на родине, в Самарканде и Бухаре, согдийцы под натиском дари (фарси) утратили свой язык, а их культура, испытав сильнейшее влияние общемусульманской культуры халифата, подверглась ассимиляции. В настоящее время обнаружены новые документы, пополнявшие сведения о культурном воздействии согдийцев на тюрков и уйгуров караханидской эпохи, подтверждающие точность и достоверность сообщений Махмуда Кашгарского.

В начале нашего века на территории Киргизии, недалеко от Таласа, в ущелье Терексай были обнаружены наскальные курсивные надписи. Ныне установлено, что эти надписи — посетительская эпиграфика караханидских князей X века (одного из них звали Кюль-тегин Алп-тархан). Написаны они по-согдийски, а датированы эрой Иездигерда¹. Другой документ конца X начала XI в. — ярлык с уйгурским письмом из Восточного Туркестана. В нем упоминаются два пленника-согдийца и говорится также, что переписка между тюркскими князьями о судьбе пленников велась первоначально на согдийском языке².

Вызывает споры вопрос о том, какой из племенных языков Караханидского государства был родным для Махмуда Кашгарского. Обычно полемика сводится к попыткам этнической атрибуции Караханидов. В. В. Бартольд, как бы предвосхищая критику столь узкой постановки вопроса, еще в 1926 году писал: «Караханиды называли себя только турками и домом Афрасиаба; ни одна из существовавших турецких народностей не имела в их государстве преобладания и ни один источник не говорил, из какой народности вышла сама династия»³. Означает ли сказанное В. В. Бартольдом полную детрибализацию караханидского общества и усвоение им не племенной, а какой-то иной государственно-правовой традиции? «Диван» Махмуда Кашгарского свидетельствует, что в его время племенное деление сохраняло вполне реальное значение, хотя в территориальном отношении племена и были разбросаны и раздроблены на группировки, каждая из которых уже не составляла некоего политического единства или культурно-идеологической общности. Ничего, кроме происхождения, например, не связывало две группы чигилей, одна из которых названа в «Диване» «племенем кочевников», а о другой говорится, что ее представители являются жителями города близ Тараза, поселившимися там в столь незапамятные времена, что Махмуд Кашгарский приписывает постройку их города Искандеру Зу-л-Карнайну. Вместе с тем Махмуд Кашгарский отмечает еще одну тенденцию: он противопоставляет государственный язык, называемый им

¹ См.: С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. — В сб.: «Страны и народы Востока», т. X, 1971, стр. 137.

² См.: Л. Ю. Тугужева. Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВ АН СССР. — «Тюркологический сборник 1971». М., 1972, стр. 248.

³ В. В. Бартольд. Лекции по истории турецких народов Средней Азии. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 93.

«хаканийским», иным племенным языкам, «речь тюрок» — речи туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыркызов.

Рассмотрим несколько подробнее эту проблему в историческом аспекте. О происхождении Караханидов существует семь гипотез. В. В. Бартольд ограничил круг поисков в этом вопросе тремя племенами (карлуки, ягма, чигили). Однако теперь уже ясно, что и чигили, и ягма, а также тухси, входили в карлукскую конфедерацию племен и их история неразрывна.

Еще в 766 г. карлуки, до того один из племенных союзов Тюркского каганата (551—744 гг.), овладели Семиречьем, а затем Кашгарией и частью Ферганы. Ко времени Махмуда Кашгарского история их поселений на этой территории и господства над ней насчитывала уже 300 лет. В 840 г., после падения Уйгурской империи, возникли объективные условия для фактически независимого существования государства карлуков, находившегося до этого времени в вассальной связи с каганами Отюкенской черни. По свидетельствам ал-Джахиза, Гардизи, ал-Мас'уди и Тахира Марвази, верховная власть над тюркскими племенами после утраты уйгурами их былого могущества переходит к карлукскому ябгу. Происхождение из рода Ашина — правящего рода Тюркского каганата — позволило карлукским вождям облечь эту власть в соответствующее легитимное одеяние и, отбросив старый титул ябгу, принять новый — каган. «Ябгу, — пишет автор «Худуд ал-алем» (X в.), — это прежний титул царей карлуков». Вряд ли следует говорить о реальности этой власти над тюркскими племенами Средней Азии даже в IX в. Старая традиция тут имела скорее морально-идеологическое значение. И все же нельзя пренебрегать основной тенденцией этих сообщений. Из среды карлуков, пишет ал-Мас'уди, происходит «каган каганов», и он имеет власть над всеми тюркскими племенами, а его предками были Афрасиаб и Шана (то есть Ашина!). Политические амбиции караханидского царствующего дома выражены здесь предельно ясно.

Собственно караханидское предание (кашгарская традиция) называет первым государем караханидской династии Бильге Кюль Кадыр-кагана, с которым вел войну один из саманидских эмиров. Удалось установить, что этим эмиром был Нух ибн Асад, совершивший в 840 г. поход против семиреченских тюрок и завоевавший Исфиджаб. Именно в этом году, по сообщению Гардизи, ябгу карлуков и принял титул каган. Круг источников замыкается — единственным каганом в 840 г. был родоначальник караханидской династии и прежний ябгу карлуков Бильге Кюль Кадыр-каган.

Караханиды возникли не внезапно, как это считалось еще совсем недавно. Караханидский каганат явился естественным следствием развития древнетюркской государственности, носителями которой стали карлуки⁴. Однако новая империя отнюдь не воспроизводила прежние образцы.

Массовые миграции тюркоязычных племен из Центральной Азии на запад привели во второй половине IX в. к образованию в степях Монголии некоего демографического вакуума, который почти немедленно начал заполняться монгольскими (киданьскими и татарскими) племенами. Впрочем, в X в. этот вакуум был еще столь ощутим, что основатель Киданьской империи Амбагянь обратился к уйгурам, переселившимся в оазисы Восточного Туркестана, с предложением вновь занять пустующие земли, но получил отказ. Отюкен — древняя ставка тюркских империй

⁴ О государстве Караханидов см. подробнее: С. Г. Кляшторный. Эпоха «Кутадгу билиг». — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 82—86.

Центральной Азии в XI в. был для Махмуда Кашгарского всего лишь названием какого-то места в «степях татар».

Центры древнетюркской государственности переместились в Кашгарию и Семиречье, в земли кимаков и огузов, а там процесс становления государства проходил в существенно иных условиях, нежели на прежних территориях.

Оказавшись в зоне мощного воздействия интенсивной оседлой цивилизации, тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и нашли приемлемые пути интеграции в давно сложившихся хозяйственно-культурных регионах Средней и Передней Азии. Внешним выражением этой интеграции, по крайней мере в ее идеологическом аспекте, была сравнительно быстрая (X—XI вв.) исламизация тюркских племен, создавшая предпосылки для политического приятия новых династий в мире абсолютного господства мусульманской религии.

Определившийся в X—XI вв. хозяйственно-политический симбиоз привел к специфической форме социальных отношений — раннефеодальной военно-ленной системе, хотя и возникшей двумя столетиями ранее, но получившей быстрое и полное развитие лишь в тюркских империях Средней и Передней Азии. Государства Караханидов и Сельджукидов, продолжавшие на первых порах традиции тюркских каганатов, не стали, однако, их повторением ни в экономическом, ни в социальном плане. Здесь возникла и оформилась политическая система с иной, отличной от центральноазиатской, культурной ориентацией.

Возвращаясь к характеристике этнических процессов, мы можем констатировать, что на основной территории Караханидского государства, то есть в Кашгарию, Семиречье и Фергане, на протяжении трех с половиной веков, по мере складывания здесь феодальной государственности и приобщения тюркских племен к оседлой, прежде всего городской цивилизации, оформлялась надплеменная этническая общность с единым, общеупотребительным языком и единой письменной культурой. Создание этой общности было прервано монгольским нашествием, изменившим этническую ситуацию на востоке Средней Азии.

К востоку от Кашгарию было расположено буддийское государство уйгурских идикутов с центрами в Турфане (Кочо) и Бешбалыке. Описывая уйгуров, Махмуд Кашгарский прежде всего подчеркивает их экономическую и социальную близость иранскому населению Восточного Туркестана и Средней Азии, а также наличие у них высокой письменной культуры. В частности, он упоминает два алфавита, которыми пользовались уйгуры. Один из них, общеизвестный курсивный из 24 букв, Махмуд Кашгарский называет «тюркским письмом». Про второй же говорит, что он употребляется для деловых бумаг и читать его умеют только «неверные», то есть только уйгуры-немусульмане. Речь здесь, по-видимому, идет о древнетюркском руническом алфавите. Вспомним, что самые поздние памятники этого письма связаны именно с Турфаном и что самые ранние уйгурские юридические документы, найденные в Турфане и Дуньхуане, в отличие от основной их массы, написаны руническим письмом. Запись Махмуда Кашгарского является, таким образом, последним свидетельством, подтверждающим «пережиточное бытование» рунического письма у турфанских уйгуров⁵. Из известных нам рунических

⁵ Возможно, что Фахр ад-дин Мубаракшах Марварруди, писавший столетием позднее Махмуда Кашгарского, также имеет в виду руническую письменность, которую он называет «токуз-огузской», то есть уйгурской. См.: А. М. Шербак. О рунической письменности в юго-восточной Европе. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 81.

памятников В. Банг пытался датировать XI—XII веками лишь колофон одной из уйгурских рукописей⁶.

Махмуд Кашгарский упоминает воинственные племена йемеков, обитавших на севере, в Прииртыше, чьих набегов опасались в Кашгарии. Он приводит тюркские стихи одного из своих земляков: «На реке Иртыш йемеки засучивают рукава, у них отважные сердца, они собираются идти на нас». Йемеки или кимаки прошли ко времени Махмуда Кашгарского сложный путь этнического и социального развития. После 840 года, когда в кимакский и огузский племенные союзы влились остатки бежавших из Монголии уйгурских племен (эймюров, баяндуров), а также татар, значительно активизировалась ранее начавшаяся территориальная экспансия огузов, кимаков и кыпчаков в западном, северо-западном и юго-западном направлениях. Северо-восточное Семиречье становится объектом раздоров между карлуками и кимаками, решившихся в пользу последних. После появления кимаков между оз. Алаколь и р. Или и перенесения к Алаколю их ставки здесь завершился процесс сложения Кимакского государства, ядром которого стали, как о том свидетельствует «Худуд ал-алем», двенадцать кимакских племен. Отрывочные сведения об этом государстве имеются лишь у ал-Идриси, использовавшего одно из самых ранних сочинений тюркского автора, написанное по-арабски, — несохранившуюся до нашего времени книгу кимакского царевича Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки. Впрочем, в начале XI века Кимакское государство пало под натиском центральноазиатских племен, отброшенных на запад киданями; за ними осталось лишь Прииртышье⁷.

Между тем, как рассказывает ал-Мас'уди, огузы, в союзе с карлуками и западной ветвью кимаков — кыпчаками, в конце IX в. вели жестокую борьбу у Джурджанийского озера (Аральского моря) с печенежскими племенами. Вскоре в низовьях Сыр-Дарьи и Приаралья складывается варварская империя янгикентских ябгу, а печенеги и кыпчаки появляются под стенами славянских городов и византийских крепостей.

Словарю Махмуда Кашгарского свойственна одна любопытная и никем еще не отмечавшаяся особенность. В то время как лингвистический и фольклорный материал в нем относится в основном к территории государства Караханидов, сколько-нибудь существенная информация, имевшая тогда политическое значение, касается только огузов. Автор сам объясняет это. По его словам, тюрки живут от Мачина (то есть Китая) до Рума (то есть Византии); их двадцать племен, а что касается более мелких подразделений, то число их «знает лишь Аллах». «Я описал, — продолжает Махмуд Кашгарский, — только племена, а родовые деления оставил без внимания. Однако я записал даже мелкие родовые деления огузов, а также тамги, которые они ставят на свой скот, потому что в знании всего этого есть нужда у людей».

Какая же «людская нужда» заставила Махмуда Кашгарского сделать для огузов исключение и подробно описать их в «Диване»? За тридцать лет до начала составления Словаря огузские племена, покинувшие приаральские степи, под предводительством вождей из рода кынык и семьи Сельджука, вторглись в Хорасан и разгромили армию газневидского султана Мас'уда под Денданаканом. Так было положено начало образованию Сельджукской империи. В 1055 г., в то время, ко-

⁶ См. об этом: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 50.

⁷ О Кимакском государстве см.: Б. Е. Кумеков. Города кимаков. — «Вестник АН КазССР», 1969, № 6; его же. Некоторые источники ал-Идриси о стране кимаков. — «Известия АН СССР, серия общественная», 1969, № 5; его же. Страна кимакоев по карте ал-Идриси. — В сб.: «Страны и народы Востока», т. X. М., 1971.

гда Махмуд Кашгарский только начинал свои скитания, огузская армия Тогрул-бека вступила в Багдад. Багдадские халифы, пожаловавшие Сельджукам титул «султанов ислама», попали под их политический контроль. За год до создания Махмудом Кашгарским той редакции «Дивана», которую он посвятил халифу Муктади, то есть в 1071 г., султан Алп-Арслан нанес поражение византийской армии Романа Диогена и открыл дорогу тюркскому завоеванию Анатолии. Только через двадцать лет после этого султан Меликшах отправляется на восток, доходит до Ферганы и принимает в Узгене выражение покорности со стороны караканидского владетеля Кашгара. Нет оснований полагать, что Махмуд Кашгарский дожил до этого последнего события, и уж во всяком случае оно не могло найти отражения в его «Диване».

Все это означает, что подробная информация об огузах и его совет овладевать их языком были обращены не к жителям Ферганы или Мавераннахра и не к хорасанцам, которые и без того хорошо знали огузов, а к тем, читавшим по-арабски людям, которым Сельджуки были еще мало знакомы и которым предстояло еще приспособиться к жизни под их властью. Подобный удел ожидал прежде всего население Ирака и Сирии, находившихся в постоянном контакте с сельджукским войском, состоявшим из огузов. Писать в расчете на их нужды Махмуд Кашгарский мог только поселившись там вскоре после сельджукского завоевания. Именно тогда еще остро чувствовался родоплеменной партикуляризм при разделе и осуществлении власти над вновь завоеванными землями, и информация Махмуда Кашгарского о родовом делении огузов была особенно ценной.

По замечанию К. Маркса, появление Сельджуков «изменило все отношения в Передней Азии» (Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 109). Но это была уже другая эпоха, и Махмуд Кашгарский застал лишь ее начало.

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

МАХМУД КАШГАРИ КАК ДИАЛЕКТОЛОГ

Труд Махмуда Кашгари «Divanü lugat-it-türk» относится к числу недостаточно изученных тюркоязычных памятников. Как советские, так и зарубежные тюркологи до сих пор ограничивались лишь общими рассуждениями и оценками, а также использованием материалов этого труда для сравнения или установления архаичности тех или иных слов и форм. Поэтому дальнейшее изучение «Дивана» в самых различных аспектах является совершенно необходимым.

«Диван» Махмуда Кашгари представляет собой и весьма ценное диалектологическое исследование. Автор не ограничился в нем простым описанием различных тюркских диалектов, он сравнивал последние между собой и сопоставлял с литературным языком того времени. Многие оценки и выводы автора не утратили своего научного значения и по сей день.

Махмуд Кашгари обладал всеми необходимыми познаниями диалектолога. Он хорошо знал тюркские племена и их языки. Собирая материал, ученый обошел огромную территорию от Верхнего Чина до Бухары, прошел через Мавераннахр, Хорезм и Фергану. При этом он с большой точностью устанавливал границы расселения различных племен и народностей на этих обширных пространствах. «В течение многих лет, — писал он, — я скитался по тюркским, туркменским, огузским, джигилским, ягминским, киргизским городам, селам, становищам, составлял словари их языков, устанавливал различные особенности их слов.

Всю эту работу я проделал не потому, что не знал языка, а для того, чтобы отчетливо определить тончайшие оттенки значений и форм слов различных племен.

Ведь в знании языка я был самым выдающимся, самым большим специалистом, самым сметливым...»¹

При подготовке «Дивана» перед ученым встала нелегкая задача транскрибирования собранных материалов. Однако Махмуд Кашгари, стоявший на уровне достижений арабской филологической школы в области фонетики, успешно решил и эту сложную проблему.

Воспользовавшись известным ему уйгурским алфавитом, Махмуд Кашгари ввел в транскрипцию, помимо 18 знаков, общих для арабского и уйгурского письма, еще 7 дополнительных букв (для передачи звуков р, ž, ž, f, γ, g, η)².

¹ Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren: Besim Atalay, cilt I, Ankara, 1939, стр. 4 (в дальнейшем — МК).

² См. там же.

граф
прео
знак
И вс
гари
ских
един
пере
mâş

шед
види
не м
да f
Дей
свид
слое
искл
тру
лгу?

рас
он с
и вз
кам

ми,
гла
зна
Ма
нап

чен
яба

лен
хыт

точ

бот
то
сож

точ
бен

Особенную трудность представляла передача с помощью арабской графики специфических звуков тюркских языков. Но ученый искусно преодолел эту трудность. Так, например, комбинируя диакритические знаки *харэке* с *алифом* и *хамзой*, он сумел указать долготу гласных и т. д. И все-таки особенности арабского алфавита не позволили Махмуду Кашгари отразить в своем труде все оттенки звуков, существовавших в тюркских диалектах того времени. В этом убеждает хранящийся в Стамбуле единственный экземпляр памятника, переписанный, по свидетельству переписчика Мухаммеда бин Абу-бекр бин Абу фатх ас-Саби ад-Дамашка, с автографа самого Махмуда Кашгари.

Правда, в предисловии к переводу труда Махмуда Кашгари, вышедшему в 1939 году в Стамбуле, Бесим Аталай пишет: «...переписчик, видимо, совершенно не знал тюркского языка, ибо в противном случае он не мог бы допустить тех ошибок, которые были невозможны для Махмуда Кашгари и которые, несомненно, относятся к рукописи переписчика»³. Действительно, о наличии ошибок в рукописи Мухаммеда бин Абу-бекра свидетельствует целый ряд разночтений в первом стамбульском издании словаря. Вместе с тем отсутствие других экземпляров памятника, исключая возможность подготовки критического текста «Дивана», затрудняет установление оппозиции широких и узких гласных, различение глухих и звонких аффрикат и т. д.

В предисловии к «Дивану» Махмуд Кашгари приводит данные о расселении тюркских племен и распространении их языков. Кроме того, он сообщает краткие сведения о самих тюркских народностях, их языках и взаимодействии последних с общелитературным языком, а также с языками неродственных народов.

«Тюрки в действительности представлены двадцатью народностями, — пишет Махмуд Кашгари. — ...Я перечислил только коренные и главные народности, опустив племена. Я описал лишь то, что необходимо знать каждому, — огузские племена и тамги их животных»⁴. Кроме того, Махмуд Кашгари определил границы расселения каждой народности в направлении с запада на восток.

Махмуд Кашгари указывает, что ближе других к западу живут печенеги, далее следуют кыпчаки, огузы, йемеки, башгырты, басмылы, кай, ябаку, татары и кыркызы.

Еще далее, пишет Махмуд Кашгари, между севером и югом расселены джигили, тухси, ягма, ыграки, чаруки, джумулы, уйгуры, тангуты, хытай и тавгачи⁵.

Ученый составил карту, на которой с достаточной для того времени точностью указал расселение тюркских племен.

Таким образом, Махмуд Кашгари всю свою исследовательскую работу построил на материале языков упомянутых двадцати народностей, то есть почти всех тюркских народностей Средней Азии в X—XI вв. К сожалению, им не были охвачены языки хазарских и орхонских тюрков.

Описывая племенные языки, Махмуд Кашгари характеризовал их с точки зрения: 1) степени «чистоты» и 2) фонетико-морфологических особенностей.

³ МК, I, стр. XVI.

⁴ МК, I, стр. 28.

⁵ Там же.

Под «чистотой» и «правильностью» языка он понимал отсутствие в нем следов иноязычного влияния. По этому признаку Махмуд Кашгари делит тюркские племенные диалекты на «чистые» и «смешанные». Он пишет, что самым чистым и правильным языком является язык тех, кто владеет только одним языком, не общается с персами и не посещает чужие страны. Язык тех, кто общается с двуязычными горожанами, — порченный. Двуязычными народностями являются: согдаки, генджакки, аргу.

Хотанцы, тюбюты и часть тангутов, пишет Махмуд Кашгари, пришли к тюркам позже. Чин и Мачин говорят на своих языках.

И далее: «Вместе с тем горожане хорошо владеют тюркским. Свои письма пишут по-тюркски. Тюбюты и хотанцы имеют свои языки и письмо. Оба они по-тюркски говорят хорошо. Уйгуры имеют собственно тюркский язык и в то же время при общении между собой употребляют отдельный говор. Они... применяют тюркское письмо, состоящее из 24-х букв. Им пишут свои книги, письма. Кроме того, уйгуры и китайцы имеют еще другие письмена, которыми пишут свои документы.

Народность, состоящая из джумулов, владеет другим языком, хорошо знает тюркский. Точно так же и народности кай, ябаку, татар, басмыл. Каждая народность имеет отдельный говор, вместе с тем хорошо разговаривает и по-тюркски.

Собственно тюркские народности — кыркызы, кыпчаки, огузы, тухси, ягма, джигили, ыграки, чаруки — имеют только один язык. К ним близки языки йемеков и башкыр.

До печенегов в области Рума языки суваров и булгаров — с усечением концовок ряда слов — являются тюркскими. Легким из языков является огузский, а самый правильный язык — тухси и ягма.

Вплоть до уйгурских городов вдоль рек Иртыш, Итил народ имеет правильный тюркский язык... Баласагунцы употребляют согдийский и тюркский. Точно так же народ городов Талас и Бейза. До Баласагуна языки всех городов Аргу смешанные.

Имеются села Кашгара, где говорят по-генджакски. В самом городе разговаривают хаганийским тюркским языком»⁶.

Что касается оценки племенных диалектов с точки зрения доступности и простоты, то Махмуд Кашгари к таким диалектам относил диалекты огузов, тухси и ягма.

Как известно, при сравнительном описании диалектов в синхронном плане диалекты всегда сопоставляются с литературным языком. Махмуд Кашгари также сопоставлял собранный им диалектологический материал с тогдашним литературным языком Средней Азии, так называемым караханидским языком XI века, в основе которого лежал диалект «хаканских тюрков». «Самый ясный, изящный язык, — утверждал он, — «хаганийе», то есть язык народа страны Хаганов»⁷.

В начале своей книги Махмуд Кашгари характеризует основные фонетические и морфологические особенности тюркских племенных диалектов, отличающие последние от литературного языка.

Например, автор отмечает, что «в исконном слове в исконном слове изменение происходит в связи с заменой некоторых букв другими или выпадением их»⁸, и указывает на ряд конкретных замен и выпадений звуков, которые можно сгруппировать следующим образом.

⁶ МК, I, стр. 29—30.

⁷ МК, I, стр. 30.

⁸ МК, I, стр. 30—31.

1. В именах существительных и глаголах огузы и кыпчаки начальное *j* заменяют *!* (алифом) или звуком *ž* — *ž*. Тюрки путника называют *jelk'in*, огузы и кыпчаки — *elk'in*. Тюрки теплую воду называют *julyu suw*, огузы и кыпчаки — *ulyu suw*. Тюрки жемчуг называют *jinzu*, огузы и кыпчаки — *žinzu*. Тюрки удлинившийся волос верблюда называют *jyudu*, огузы и кыпчаки — *žyudu*.

2. Аргунцы в середине и конце слов *j* заменяют звуком *p*. Тюрки барана называют *koj*, аргунцы говорят *kop*; тюрки бедного называют *žuwaž*, аргунцы говорят *žuwan*; тюрки в значении «какая вещь» употребляют *kaju nepu*, аргунцы говорят *kapu*.

3. Встречающийся в начале слов *m* сувары, огузы и кыпчаки заменяют звуком *b*. Тюрки говорят *men bardum* 'я пошел'; сувары, огузы и кыпчаки — *ben bardum*. Тюрки суп называют *mün*, сувары, огузы и кыпчаки говорят *bün*.

4. Огузы и близкие к ним букву *t* заменяют буквой *d*. Тюрки верблюда называют *tewej*, огузы — *dewej*. В значении «дыра» тюрки употребляют *ot*, огузы — *öd*. Тюрки кинжал называют *bükte*, огузы — *büde*. Тюрки лох называют *jig'de*, огузы — *jik'dä*.

5. Тюрки произносят *و* — *w* между *ف* — *f* и *ب* — *b*, огузы и близкие к ним произносят как *و* — *v*, тюрки говорят *ew* (дом), огузы *ev*, тюрки — *aw* (охота), огузы — *av*.

6. Ягма, тухси, кыпчаки, ябаку, татары, кай, джумулы и огузы букву *ž* (δ—dh) всегда заменяют буквой *j* и никогда не произносят звук *ž*.

Березу тюрки называют *кабуңаңаžu*, другие — *кажуң*.

Тюрки говорят *кабуң* 'тесть, зять', другие произносят *кажуң*.

Джигили и другие тюрки произносят *ž* (зал), кыпчаки, йемеки, сувары, болгары, тяготеющие к Руси и Византии, вместо *ž* (δ) произносят *z*.

Первые называют ногу *أَذَق* — *адак*, вторые произносят «*azak*».

Джигильские тюрки употребляют *karun tobdy* в смысле «насытился», другие народности говорят *tozdy*.

7. Хотанцы и генджаки *!* (алиф) в начале слова превращают в *h*. Ввиду того, что хотанцы и генджаки прибавляют несуществующую в тюркском языке букву *h*, Махмуд Кашгари не считает их тюрками.

Тюрки отца называют *ata*, мать — *apa*, а хотанцы и генджаки говорят *hata* и *hapa*.

8. Огузы и кыпчаки в именах существительных и глаголах в середине слов звук *γ* не произносят. Тюрки серую ворону называют *čomuk*, огузы и кыпчаки — *čomuk*, тюрки горло, глотку называют *tamuk*, огузы и кыпчаки — *tamak*, тюрки говорят *ol ewde baraγan* 'он всегда домой идущий', огузы и кыпчаки произносят *baran ol*, тюрки употребляют предложение *ol er kulynu uraγan ol* 'этот мужчина всегда бьет своего раба', огузы и кыпчаки говорят *uran ol*.

К морфологическим особенностям, отличающим огузские племенные диалекты от литературного языка, Махмуд Кашгари относит прежде всего причастие *γu*. У огузов и кыпчаков *γu* переходит в *asu*, например: тюрки говорят *barγu jer*, что означает «место, по которому следует идти», а огузы говорят *barasy jer*; тюрки говорят *turγu oγur* 'время, в которое следует вставать', огузы — *turasy oγur*⁹.

⁹ МК, I, стр. 31—33.

Вышеуказанные особенности, отличающие огузские и кыпчакские племенные языки от литературного языка — «тюрки хагани», — сохраняются и в настоящее время.

Звуковые соответствия $z : d : j$; $m : b$; $t : d$, наличие или отсутствие j , g , $γ$, наличие или отсутствие причастных форм на $γu$ и asy , или на $γap$ и $āp$ и т. д. и в настоящее время являются основными отличительными признаками кыпчакской группы тюркских языков от огузской.

На основании современного значения термина *lûgat* в тюркских языках труд Махмуда Кашгари «*Divanü lûgat-it-türk*» называют «Словарем тюркских языков», тогда как в арабском языке *lûgat* означает также «наречие, речь» и Махмуд Кашгари употреблял термин *lûgat* именно в этом широком значении. Недаром автор в словарные статьи включил ценные сведения по фонетике, грамматике, семантике и этимологии тюркских языков XI века. Поэтому название книги Махмуда Кашгари «*K'itabu divanü lûgat-it-türk*» следует переводить «Собрание тюркских наречий (языков)».

Остановимся также на тех зафиксированных в «Диване» грамматических явлениях, которые имеют большое значение для исторической диалектологии.

В своем труде Махмуд Кашгари большое место отводит производным и непроизводным именам и глаголам. Причем глаголу, этой самой богатой и самобытной грамматической категории тюркских языков, Махмуд Кашгари уделяет наибольшее внимание.

Как отмечает Х. Г. Нигматов, в «Диване» зафиксировано 294 производных глагола с аффиксом $-la/-lä$ и 225 отыменных глаголов с аффиксом $-lan/-län$ ¹⁰.

Употребление этих продуктивных аффиксов показывает, что синтетизм в древности преобладал над аналитизмом, в настоящее же время некоторые производные слова передаются аналитическим способом; например: *örg'üzlendi* — *kuz örg'üzlendi* 'девушка стала обладательницей косы', *etmek'lendi* — *er etmek'lendi* 'человек стал обладателем хлеба, то есть у него прибавилось хлеба' и т. д.¹¹

Представляют интерес встречающиеся в «Диване» слова с показателями множественного числа $-ap$ и $-γut$, например: *ägāp* 'люди' (от *äg* 'человек'), *alγaput* 'богатыри' (от *alp* 'богатырь'). Из других архаичных аффиксов можно указать на аффикс $-syγ/-sig$, обозначающий объект сравнения, например: *kulsyγ er* 'мужчина, похожий на раба'; *Bu kary ol oylynsyγ* 'Этот старик, как тот юнец'¹².

Так же любопытны приводимые Махмудом Кашгари примеры форм прошедшего очевидного времени, восходящие к причастной форме. Огузы, кыпчаки и сувары, в отличие от аргу, уйгуров, джигилей, тухси и ягма, во всех лицах прошедшего очевидного времени употребляют аффикс $-duk/-dük'$, например: *men ja kurduk* 'я натягивал лук', *biz ja kurduk* 'мы натягивали лук', *olar tayka arduk* 'они взошли на гору', *men munda turduk* 'я здесь стал', *ol k'eldük'* 'он пришел', *biz k'eldük'* 'мы пришли'¹³.

¹⁰ См.: Х. Г. Нигматов. Отыменное основообразование тюркского глагола в XI веке. — «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 34, 36.

¹¹ См.: МК, I, стр. 312, 314.

¹² См.: МК, III, стр. 128.

¹³ МК, II, стр. 61.

К числу ценных наблюдений Махмуда Кашгари относится обнаруженное им в диалектах аргу чередование $\eta \rightarrow \gamma$ в глагольных аффиксах 2-го лица единственного числа, например: *tapynduγ* 'ты поклонился', *sep anu kaγurduγ* 'ты заставил его бежать'¹⁴.

Подобное явление было недавно обнаружено и в говорах Кедабекского района Азербайджанской ССР: *goumsuk* 'ты родственник', *baγuγ-suk* 'ты смотрел', *g'örüfsük* 'ты увидел'.

«Диван» Махмуда Кашгари представляет собой типичный диалектологический словарь тюркских языков. Источником всего лексикографического материала книги является разговорный язык.

Общее число слов, зафиксированных в «Диване» (8375), естественно, не охватывает всего словарного состава всех тюркских языков. Автор отбирал только те слова, которые представляли интерес для сопоставления с литературным языком и другими диалектами, а также способствовали объяснению определенных грамматических явлений и т. д. Сам Махмуд Кашгари пишет: «Я в своем труде выбрал подходящий для словаря наиболее характерный лексический материал и указал, с какими изменениями произносятся сходные слова различные упоминаемые мною племена. На основе этого указанные здесь правила можно применить ко всем другим словам»¹⁵.

В предисловии к словарю Махмуд Кашгари отмечает, что он весь запас тюркских слов делит на две группы: к одной из них он относит слова архаические, то есть вышедшие из употребления, к другой — слова живого, современного автору языка.

В первую очередь Махмуд Кашгари включал в свой словарь лексику живого языка, то есть диалектальные слова, сознательно избегая архаических слов, чтобы по возможности, как он сам указывает, сократить объем словаря. Затем по специально разработанной системе он упорядочил отобранные им слова, снабдил их подробными толкованиями и соответствующими примерами.

Слова в «Диване» расположены в следующем порядке. Первое место, как правило, отводится именам существительным, за которыми следуют глаголы. В каждом из подразделений, состоящем из соответствующих частей речи, слова располагаются в зависимости от нарастания в них числа буквенных знаков (от двух до семи). Причем вначале приводятся слова, начинающиеся с *хамзы*.

«Диван» Махмуда Кашгари по праву считается ценнейшим памятником тюркских языков XI века. Только благодаря этому труду в настоящее время имеется возможность восстановить архетипы многих слов и форм и дать объяснение некоторым современным явлениям в ряде тюркских языков.

Труд Махмуда Кашгари сыграл, в частности, важную роль в установлении происхождения азербайджанского языка.

С «Диваном» Махмуда Кашгари азербайджанскую научную общественность познакомил проф. Б. Чобанзаде в середине 20-х годов. Им же в начале 30-х годов впервые было высказано, опирающееся на материалы «Дивана», предположение об образовании азербайджанского языка на основе огузских и кыпчакских племенных языков.

Правда, в «Диване» Махмуда Кашгари говорится о тюркских языках Средней Азии и не упоминаются тюркские языки народов, живших

¹⁴ МК, II, стр. 61.

¹⁵ МК, I, стр. 7—8.

по другую сторону Каспийского моря, то есть тюркские языки Кавказа. Однако приводимые в «Диване» материалы из огузско-кыпчакских языков позволяют заключить, что целый ряд отмечаемых в них явлений присущ и азербайджанскому языку, например, наличие звонких согласных в начале, середине и конце слов; отсутствие в анлауте звука *j*, выпадение в середине слов звуков *g*, *γ*; наличие в начале слов звуков *b*, *m* и *x*. Присутствие некоторых грамматических форм и данные лексики также подтверждают мысль о том, что азербайджанский язык действительно образовался на основе огузских и кыпчакских племенных языков.

вар
ся с
слов

обы
язы
ских
и т.
ства
вий.
ми
их
тели

изуч
фор
веко

сос
ков
Дл
ост

уст

их
зре
щи

язы

пле
ми.
'ра

каза.
язы-
гений
глас-
ыпа-
п и х.
акже
ельно

А. М. ДЕМИРЧИЗАДЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД МАХМУДА КАШГАРИ

«Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, несмотря на свою словарную структуру, приводимые в нем толкования слов и т. д., не является словарем в общепринятом понимании. Поэтому в названии «Дивана» слово لغات *lugat* должно переводиться не «словари», а «языки».

По своему содержанию «Диван» также далеко выходит за рамки обычного словаря. В нем сосредоточены достаточно полные сведения о языках тюркских народностей и словоупотреблении в них, о семантических, грамматических и фонетических особенностях тюркских языков и т. д. Создавая свой труд, Махмуд Кашгари исходил из близости и сходства изучаемых им тюркских языков, наличия в них больших соответствий. «...А такие соответствия, которые нельзя объяснить заимствованиями из одного языка в другой, предполагают их общее происхождение. Но их надо систематически истолковать, в этом и состоит задача сравнительно-исторического языкознания»¹.

Махмуд Кашгари был «пионером сравнительно-сопоставительного изучения тюркских языков»². Применение им, хотя и в элементарной форме, сравнительно-исторического метода в тюркологии на несколько веков опередило индоевропейское языкознание.

Материальную основу сравнительного метода составляют словарный состав, грамматические формы и фонетический строй родственных языков. Именно на этой основе и построил свой «Диван» Махмуд Кашгари. Для пояснения особенностей сравнительного метода Махмуда Кашгари остановимся на нем подробнее.

1. Лексика

Многие важные закономерности, указывающие на родство языков, устанавливаются путем сравнения словарного состава последних.

А. Махмуд Кашгари, рассматривая отдельные слова, указывает на их принадлежность к тому или иному племенному языку. С этой точки зрения все слова, приведенные в «Диване», можно разделить на следующие группы:

1) Слова, имеющие одинаковую форму и значение во всех тюркских языках.

Такие слова составляют большинство, и автор не указывает на их племенную принадлежность. Назовем их условно *общетюркскими словами*. Например: *baĵ* 'богатый', *eŝ* 'товарищ', *baŝ* 'голова', *jol* 'дорога', *iŝ* 'работа' и т. п.

¹ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. стр. 15.

² Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 6.

2) Слова, одинаковые по форме и значению в языках лишь нескольких тюркских племен. Такие слова условно назовем *межплеменными словами*. Например: *susyak* 'посуда для воды' — в карлукском и кыпчакском языках (I, 391)³; *гугнак* 'служанка' — в языках ябаку, гай, джумулов, басмалов, огузов, ямаков и кыпчаков (I, 393); *gat* 'заноза, фрукты' — в языках ямаков, кыпчаков, гай, татар, джумулов (III, 120); *benek* 'семя' — в языках аргу и некоторых других (I, 323); *jubakulak* 'лихорадка' — в языках ябаку и ямак (III, 41); *bal* 'мед' — в языках сувар, кыпчаков и огузов (I, 130) и др.

3) Слова, относящиеся только к определенному племенному языку, можно условно назвать *племенными словами*. Например: *tumsa* 'кафедра, трибуна' — в языке аргу (I, 354); *гадук* 'деревянная посуда' — в языке аргу (I, 319); *čig'it* 'семена хлопчатника' — в языке аргу (I, 297); *tüpek* 'тюрьма' — в языке барсаганов (I, 342); *soyut* 'творог' — в языке карлуков (I, 297); *čarup* 'чинара' — в языке ягма (I, 347); *četük* 'кошка' — в языке огузов (I, 325); *butyk* 'бурдюк' — в языке кашгарцев (I, 315); *ajbañ* 'лысый' — в языке джигилей (I, 106) и др.

В «Диване» таких слов много, причем большинство из них составляют кыпчакские, огузские и джигильские.

4) Слова, употребляемые в одном или нескольких племенных языках, с небольшими грамматическими или фонетическими отклонениями.

Эти слова также условно можно назвать *измененными племенными словами*. Например: *k'ünzük* 'карман' в огузском языке произносится как *k'ünzek* (I, 139), вместо *jandy* 'разгорелся' в таком же значении употребляется *jaldy* (III, 47—48); *баграм* 'праздник' в огузском языке произносится как *bağram* (I, 401); *čašur* 'шатер' в огузском языке произносится *čašur* (I, 339); *gapak* 'сливки', в языке аргу и болгар произносится *gajak* (I, 321); вместо *aba* 'мать' туркменские карлуки произносят *apa* (I, 80).

5) Слова, имеющие в разных племенных языках одно звучание, но разное значение, обозначаются нами как *равнозвучающие, отличающиеся по значению*. Например: *ašatmak* 'угостить чем-нибудь' — это слово все турки употребляют в значении «угощение царей и вельмож», а огузы — в значении «еда, кушание вообще» (I, 181); *syrt* 'тыл, спина' — огузы так называют и русло реки, небольшое ущелье (I, 287); *gurt* 'червь' — все турки употребляют это слово в значении «червь», а огузы так называют и волка (I, 287); *taryu* 'просо' — все турки употребляют это слово в значении «пшеница», а огузы — в значении «просо» (I, 311).

Б. Махмуд Кашгари отмечает также переносные значения отдельных слов. Например, слово *jüg'ruk* 'быстро скачущий конь' огузы употребляют в переносном значении: *jüg'ruk* *bilg'e* 'знающий человек'.

В. Махмуд Кашгари рассматривает в «Диване» и заимствованные слова. При этом он либо прямо указывает на язык-источник, либо высказывает на основании сопоставления с арабскими или фарсидскими словами предположение о их происхождении. Например: *نوم* *nom* 'религия' — слово заимствовано из китайского языка (III, 127); *قرت* *garyt* 'грабеж' — в языке туркменов предположительно заимствовано из арабского *غارت* *ğaret* (III, 298); *كزج* *k'üzež* 'чаша' — это слово похоже на арабское, *كزه* *kuzeh*, здесь буква *o* (*h*) заменена буквой *ç* (*ž*) (I, 300); *كرت* *k'irit* 'ключ' — это слово близко к арабскому слову *آقلىد* *iklid*, здесь заменены буквы *k—k'*, *l—r*, *d—t*, а начальный алиф (*ʾ*) опущен (I, 298); *تنا*

³ Здесь и далее ссылки на издание Ахмеда Рифата, т. I—III. Стамбул, 1915—1917. Римской цифрой обозначен том, арабскими — страница.

tene 'штука' предположительно восходит к фарсидскому دانه *danā*, а тюрки, уподобив его словам своего языка, произносили تانا *tene* (III, 44).

Одновременно Махмуд Кашгари указывает также на некоторые слова тюркского происхождения, заимствованные арабами и фарсами, и по этому поводу дает любопытные пояснения. Например: دغا *day* 'клеить, клеймо', фарсы это слово заимствовали у тюрков; так как у них нет стад баранов, как у тюрков, поэтому у них не могло быть и этого (собственного) слова (III, 153; II, 276); يلما *jalma* 'кафтан, плащ' фарсы, переняв у тюрков, произносили يلمه *jälmä*, а арабы, переняв у персов, переделали в يلمق *jalmak*.

Махмуд Кашгари об этом слове пишет: «...Я это слово слышал далеко от границы у самых грубых, неграмотных тюрков. У них часто бывают дожди и снег, поэтому им для защиты тела нужен плащ. Поэтому никто не может сказать, что тюрки заимствовали это слово у персов» (III, 35).

Г. Махмуд Кашгари, объясняя происхождение отдельных слов, или делает исторические ссылки, или же анализирует их структуры.

Например, этимологию слова *tutmaž* 'вид хлеба' он связывает со следующей легендой: будто Александр Македонский, решив наказать народ, обрек его на голод, тогда люди стали просить Александра: *tutma* аз 'не оставляй голодными', откуда и возникло слово *tutmaž*.

В ряде случаев автор объясняет изменение слова выпадением отдельных звуков. Например: *kajda* 'где' — образовалось от слова *kajuda* (I, 350); *perek* 'для чего' — от слова *pe g'erek* (I, 329); *išlag* 'женщина' — от слова *išler* (I, 95, 106); *gür* 'сухой', от слова *gürü* (III, 122).

Иногда Махмуд Кашгари восстанавливает первоначальный облик слова, исходя из особенностей фонетического строя тюркских языков, указывая при этом правильное произношение того или иного слова. Например, он считает неверным такое произношение слова: بالق *balyk* 'грязь' как بلك *balk* или يلق *belk*, ибо у тюрков в одном слове рядом больше двух согласных, как в языке аргу, быть не может (I, 316).

Или он отмечает, что, поскольку в тюркских языках отсутствует звук ه [h], то произношение слова اوهى *uhi* определяется влиянием других языков, правильный же фонетический облик этого слова — اکی *uk'k'i*.

Хотя Махмуд Кашгари не занимался систематически этимологизированием, однако в отдельных случаях он старался установить происхождение того или иного слова, опираясь на фонетические законы. Здесь следует отметить, что вообще установление происхождения отдельных слов в тюркологии связано со значительными трудностями, и метод, используемый в индоевропейском языкознании, не может быть применен к тюркским языкам без учета их специфики. А. Мейе по аналогичному поводу утверждает следующее: «Языки с короткими, зачастую с односложными словами, не обладающими развитой флексией, по самой своей структуре исключают возможность строгих этимологических доказательств. Чтобы добиться достоверных построений для этих языков, надо открыть другой метод»⁴.

Махмудом Кашгари используется своеобразный критерий для установления того, бытует ли интересующее его слово с определенным зна-

⁴ А. Мейе. Указ. раб., стр. 39.

3 Советская тюркология, № 1

чением в языке, то есть оно является живым или мертвым. Сущность этого критерия заключается в следующем. Махмуд Кашгари берет буквенный состав отдельных слов на основе арабского правописания, где, как известно, в основном пишутся согласные, перемещает буквы, входящие в эти слова, и если в результате получается значимое слово, то этот новый состав букв он считает живым, употребительным, называя его *مستعمل*.

Если же перемещенный буквенный состав ничего не означает, то Махмуд Кашгари считает такие слова неупотребительными, неживыми и называет их *مهمل*. Например, из слова *قار* — *gar* перемещением буквенного состава получается: *راق*—*رقا*—*ارق*—*قرا* и из них живыми он считает слова *قار* — *gar*, *قرا*—*gara*, *ارق* — *ark*, *راق* — *rak*; слово же *رقا* — *rka* — мертвым, так как в тюркских языках не существует такого слова или аффикса.

Таким образом, Махмуд Кашгари для характеристики и установления отдельных слов использует весьма оригинальный метод и любопытный критерий. Возможно, что этот критерий может быть в усовершенствованном виде использован в дальнейшем. Он весьма продуктивен также для определения первоначальной формы слова и его различных вариантов.

Из вышеизложенного видно, что Махмуд Кашгари не просто приводит слова и их значения, как это обычно делается в словарях. Он глубоко анализирует словарный состав тюркских языков, формулирует свои критерии сравнения слов, что можно расценить как зачатки сравнительного метода.

II. Грамматика

В своем «Диване» Махмуд Кашгари сравнивает не только слова, но и основные особенности грамматического строя отдельных тюркских языков.

Характерной чертой тюркской грамматики Махмуд Кашгари считает неизменяемость корня и образование грамматических форм присоединением к корню аффиксов.

Махмуд Кашгари, подобно древнегреческим и арабским филологам, все слова распределяет по трем частям речи: *اسم* — имя, *فعل* — глагол, *حرف* — вспомогательные частицы. В «Диване» в основном дается объяснение грамматических форм имени и глагола, которые автор делит на две группы: первоначальные — *موضوعه* и производные — *مشتقه*.

Он группирует слова, подобно арабским лексикографам, в зависимости от числа содержащихся в них букв, выделяя по этому признаку шесть групп: *سباعي سداسي خماسي رباعي ثلاثي ثنائي* (двухбуквенные, трехбуквенные, четырехбуквенные, пятибуквенные, шестибуквенные, семибуквенные).

Отметим, что Махмуд Кашгари термин *حرف* (*harfun*) употребляет в основном в двух следующих значениях: 1) *حرف* (*harf*) — вспомогательная часть речи (включая и аффиксы), 2) *حرف* (*harf*) — буква. Он указывает, что в тюркских языках отглагольные имена образуются прибавлением к глагольной основе одного из двенадцати *харф*, то есть

аффи
харф

ское,

пост:
зывает
скол
ином
ной
навл

вать
чаю
в яз
бав
ском
фико
g'el

и по
одно

سى
Ма
(g',
س

щел

س

нен
мер

ши
ся

ри
чи
эн

чи
ти
ук
де

аффиксов; а для обозначения категории глагола используется десять *харф* (каждый из которых обозначает отдельный аффикс).

Махмуд Кашгари в «Диване» дал объяснение, хотя и несистематическое, всем основным грамматическим категориям.

При сравнении грамматических форм ученых отмечает общие и сопоставляет частные морфологические особенности тюркских языков, указывает на грамматические признаки, присущие лишь отдельным или нескольким племенным языкам. Рассматривая какую-либо форму в том или ином языке, он одновременно указывает на первоначальный облик данной формы, анализирует изменения, которым она подверглась, и устанавливает закономерности этих изменений.

Сравнительный метод Махмуда Кашгари можно проиллюстрировать следующим примером: для образования отглагольных имен (обозначающих предмет, время, пространство) в тюркских языках, в том числе в языках джигильском, ягма, тохси, аргу, уйгурском, к основе слова прибавляются аффиксы *غو* (-γu), *كو* (-g'ü); а в языках огузском, кыпчакском, беченекском и болгарском в том же значении употребляется аффикс *اسى* (-asy||-esi). Например: *turγu jer* / *turasy jer* 'место стоянки'; *g'elg'ü boldy* / *g'elezi boldy* 'придет скоро' (I, 13—14; II, 56, 58, 259, 291).

Махмуд Кашгари рассматривает аффиксы в их графической форме и потому изменения аффиксов в различных языках объясняет заменой одной буквы другой. Например, употребление в огузском языке аффикса *اسى* (-asy/-esi) взамен общетюркского аффикса *كو/غو* (-γu/-g'ü) Махмуд Кашгари объясняет тем, что «в огузском языке *غ* (γ) или *ك* (g', k') заменяются алифом *ا* (a, e), а *و* (u, ü) заменяется буквами *س* (s), *ى* (i, y)» (I, 14).

Употребление в огузском языке аффикса *غساق* (γysak) вместо общетюркского *غلق* (γuluk) он объясняет заменой буквы *ل* (l) буквой *س* (s) (I, 23).

По-видимому, Махмуд Кашгари стремился объяснить любые изменения (в том числе и грамматические) на основе фонетических закономерностей, что является особенностью его сравнительного метода.

Отметим, однако, и некоторые недостатки подобного подхода: в большинстве случаев не учитывается роль гласных и мало внимания уделяется фонетическому составу самих аффиксов.

III. Фонетика

Фонетические единицы в языках представляют собой важный материал для сравнительного метода. Поэтому правы ученые, утверждающие, что «без сравнительной фонетики не может быть сравнительного языкознания»⁵.

А. При внимательном изучении «Дивана» можно прийти к выводу, что основу сравнительного метода Махмуда Кашгари составляет фонетическое сравнение. Сам Махмуд Кашгари в предисловии к «Дивану» указывает на следующие фонетические законы тюркских языков, которые он называет основными (I, 31—25):

⁵ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 316.

Чередование звуков.

1) (j). в начале имен и глаголов заменяется в языках огузов и кыпчаков или алифом (ا) ⁶, или буквой ج (ǧ). Например: в языке тюрков يلكن *jelk'in* 'гость', у огузов и кыпчаков — ألكن *elk'in*; в языке тюрков يلىغ *jilyu* 'теплый', у огузов и кыпчаков — الىغ *ilyu*; в языке тюрков يىنچو *jipzu* 'жемчужина', у огузов и кыпчаков يىنچو *ipzu* или اينچو *inzu*.

2) ي (i) в середине или в конце слова заменяется в языке аргу буквой ن (n). Например: в языке тюрков قوى *goj* 'баран', у аргу — قون *gon*, в языке тюрков ژۇۋاј 'бедный', у огузов — ژۇۋان, в языке тюрков گاۋى 'какой', у огузов — گانى.

3) م (m) в начале слова заменяется в языке огузов, кыпчаков и суваров буквой ب (b). Например: в языке тюрков — تەپ 'я', у огузов, кыпчаков и суваров — بەپ, в языке тюрков — تۈپ 'похлебка, суп', у огузов, кыпчаков и суваров — بۈپ.

4) ت (t) огузами и близкими к ним народностями заменяется звуком د (d). Например: в языке тюрков — ۆت 'дыра', у огузов — ۆد.

5) د (d) заменяется огузами буквой ت (t). Например: в языке тюрков — بۈك'دە 'кинжал', у огузов — بۈك'تە, в языке тюрков — جىگ'دە 'лох', у огузов — جىگ'تە.

6) ق (w) у огузов заменяется و (v). Например: в языке тюрков — ءەۋ 'дом', اۋ 'охота', у огузов и в языках близких к ним народностей — ev, av.

7) Имеющаяся в словах джигилей и других тюрков буква ذ (ð) никогда не употребляется в языках ягма, тохси, кыпчаков, ябагу, татар, гай, джумулов и огузов и заменяется буквой ي (j). Например: джигили и другие тюрки говорят گاۋىۋ 'береза', а перечисленные выше народности говорят گاۋىۋ. Джигили и другие тюрки говорят شاۋىۋىن 'шурин', а огузы и другие перечисленные выше народности говорят شاۋىۋىن.

8) ذ (ð), имеющийся в языках джигилей и других тюрков, заменяется в некоторых кыпчакских говорах, языках ягма, суваров, болгар и всех тюркских племен, живущих до границы Руси, буквой ز (z). Например: джигили и другие тюрки говорят اۋاك 'нога', кыпчаки и другие говорят azak; джигили говорят تۆدۈ 'досыта', другие — tozdy.

Таким образом, слова, употребляемые в языке джигилей с буквой ذ (ð), в языках тохси, ягма, огузов, а также в языке аргу, живущих до Китайской границы, произносятся с буквой ي (j), а в языке кыпчаков и племен, живущих до границы Рума и Руси — с буквой ز (z): (اۋاك—ajak—azak).

9) В начале слова буква ا (алиф) заменяется в языке хотанцев и генджаков буквой ه (h): Эти пришлые народности не являются настоя-

⁶ Так как у Махмуда Кашгари фонетический анализ в основном построен на письменных фактах, то он «чередование звуков» называет «чередованием букв», точнее «заменой букв». Поэтому иногда «выпадение звука» объясняется им как «замена буквы», например, замена на письме начальной буквы ي алифом означает выпадение начального звука ي (j), которое часто имеет место и в современных тюркских языках: *jil/il...*

⁷ Под «языком тюрков» Махмуд Кашгари подразумевает большинство тюркских языков, помимо противопоставляемых им огузского и кыпчакского.

щими тюрками. Они слово ata 'отец' произносят hata, слово ana 'мать' произносят hana⁸.

10) Буква ا (r) заменяется буквой ل (l); напр.: arkady / alkady.

11) Буква ز (z) заменяется буквой س (s); напр.: gabzaldy / gab-saldy.

12) غ (γ) в именах существительных, обозначающих время и пространство, заменяется в языке огузов буквой ا (алиф). Например, тюрки говорят: barγu jer 'место, куда надо идти', огузы говорят barasy jer.

13) ق (g, k) заменяется буквой ك (k') (ماق-mak / ماك-mek').

Выпадение звуков.

Махмуд Кашгари указывает, что в языках огузов и кыпчаков غ (γ) в середине глаголов и имен выпадает. Например: у тюрков čotγuk 'ворона', а у огузов и кыпчаков čotuk; у тюрков tamγak 'небо', а у огузов и кыпчаков tamak; у тюрков barγan 'идущий', у огузов и кыпчаков baran; у тюрков игγan 'бьющий', у огузов и кыпчаков игan.

Кроме того, в языках огузов и кыпчаков в «мягких словах» (т. е. в словах с гласными переднего ряда) имеющийся в их составе ك (k'/g') выпадает.

Б. Помимо перечисленных в предисловии, ряд фонетических законов и процессов отмечается Махмудом Кашгари в отдельных главах «Дивана».

А. Чередование согласных

1) ب (b) || پ (p): в огузском языке aba 'мать', а у карлукских туркменов ara (I, 113).

2) ب (b) || ف (f): слово jubka 'юбка' произносится в отдельных говорах как jufka (III, 34).

3) ق — g, k || خ — x: тюрки говорят gaju 'какой', ganda 'где', а огузы и кыпчаки произносят хaju, хanda (III, 218).

4) ق — g, k || غ — γ: у тюрков — byšuk 'вареный', в языке ягма — byšyγ (I, 227).

5) ق — g, k || ج — ž: прототипом слова gagač является gažač 'вялено' (II, 227).

6) غ — γ || خ — x: слово boxsok 'кандалы' произносится иногда как boγsok (I, 387); в слове goγšašmak 'расслаблять' вместо غ (γ) произносится x (x) (II, 282).

7) ق — w || غ — γ: в таких словах, как gowurdu 'зажарил', garwatmak 'ощупью разыскивать', в некоторых говорах ق (w) заменяется звуком غ (γ) (II, 67, 173, 185, 272).

8) ق — w || م — m: кыпчаки произносят ewet 'да', огузы — emet или evet, а остальные тюрки — jemet (I, 51, 78, 85; III, 6).

9) م — m || ن — n: в слове byγun 'сустав' звук ن (n) заменил звук م (m) (I, 334).

10) ل — l || ن — n: такое чередование наблюдается иногда при образовании пассивного залога глагола; bitindi 'написано' вместо bitildi (II, 110, 126).

⁸ По-видимому, в этих случаях ا [h] в начале слова возник как следствие протезы.

11) ل — || — ر — г: слово arkady происходит от alkady и употребляется параллельно со словом garḡady 'проклинал' (I, 238).

12) نك — η — غ — γ: نك — η, имеющийся в тюркских языках, в некоторых говорах аргу заменяется звуком غ (γ): tarundyη || tarundyū 'прославлять бога' (II, 131).

13) ك — || — ش — k': в слове ülüš 'часть' ش (š) иногда заменяется буквой ك (k') и произносится ülük', последнее и является прототипом (I, 60).

14) س — || — ش — s: слово sufšamak 'шептать' произносится также и с س (s) — sufsamak (III, 286).

15) ت — || — س — s: у кыпчаков вместо ت (t) употребляется س (s), например, в слове sulak 'селезёнка' (I, 345).

16) ت — || — ج — t: у огузов произносится čašyr 'шатер', у одних тюрков — čašyr, у других тюрков — čatyr (III, 385).

Причину того, что Махмуд Кашгари не отнес приведенные выше чередования к числу иллюстрирующих фонетические законы, названные им в предисловии основными, следует видеть в том, что некоторые из этих чередований характеризовались им как особенности говоров, тогда, по-видимому, еще не совсем оформившихся. Поэтому, приводя эти чередования, он не указывает принадлежность их тому или иному племенному языку, а только отмечает: لَغَة فِيْهِ (то есть говор). Ряд фонетических чередований он объясняет изменением первоначального облика приводимого слова, ссылаясь при этом на прототип и делая помету أَصْلُهُ (то есть первоначальный); а при некоторых чередованиях он прямо указывает язык племени.

Заметим попутно, что указания и ссылки Махмуда Кашгари на три типа источника чередований согласных звуков и сейчас считаются важными элементами сравнительного языкознания.

Б. Чередование гласных

В связи с тем, что Махмуд Кашгари почти полностью отождествляет фонетические единицы с графическими, чередование гласных и другие важные фонетические процессы, связанные с гласными, не нашли должного отражения в его труде. Даже чередование, выпадение и прибавление некоторых гласных, обобщенно выражающихся буквами ا (алиф), و (вав) и ي (я), он объясняет чередованием этих букв с различными согласными, поскольку на письме эти буквы заменяются буквенными обозначениями согласных звуков. Однако Махмуд Кашгари не мог не указать на некоторые фонетические процессы, связанные с изменениями

знаков *хараке* $\left(\frac{\text{ا}}{\text{ي}}$), которые в основном обозначают отдельные

гласные звуки. Например, он пишет: «В языке генджаков سِن sin 'ты', а тюрки произносят سَن sen. В генджакском языке слова в большинстве случаев произносятся с *кесрой* (то есть со звучанием i, y), так как их язык груб. А до северного Китая, в языках джигилей, ягма, тохси слова чаще произносятся с *земмой* (то есть со звучанием u, ü, o, ö), а в языке суваров, огузов и кыпчаков слова произносятся с *фетхой* (то есть со звучанием a, ä, e). Здесь уместно привести следующий пример Махмуда

Кашгари: в слове «верблюд» тюрки букву ت (t) произносят с *кесрой*: تقي tiwi, а огузы — с *фетхой*: توأ teve; тюрки говорят بردم bardum 'пошел', то есть букву د (d) произносят с *кесрой*, что соответствует основным законам, а огузы и другие произносят د (d) с *фетхой* — بردم bardem, а это нельзя считать правильным. В языке аргу د (d) как аффикс прошедшего времени произносится с *земмой*, то есть بردم bardum, كلتم keldüm 'пришел', что тоже не соответствует закону. К этому и сводятся черты, отличающие названные группы» (III, 138—140).

Из сказанного можно сделать вывод, что Махмуд Кашгари в зависимости от чередований гласных делит тюркские языки на три группы:

- 1) произносящие слова с *кесрой* (т. е. с гласными i, y);
- 2) произносящие слова с *земмой* (т. е. с гласными u, ü, o, ö);
- 3) произносящие слова с *фетхой* (т. е. с гласными a, ä, e).

Для обоснования закономерности подобной группировки Махмуд Кашгари ссылается, в частности, и на такой пример: вопросительный аффикс у тюрков произносится с *земмой* مو — *ти, тй*, а некоторые огузы произносят с *кесрой* می — *ту, ти* (III, 214). Следы подобной группировки сохранились и в современных тюркских языках⁹. Они обнаруживаются даже внутри отдельных тюркских языков. Например, аффикс настоящего времени в шекинской группе говоров азербайджанского языка произносится с *кесрой* (-yr, -ir), в сальянской группе говоров — с *земмой* (-ur, -ür), а в группе казахских и айрумских говоров — с *фетхой* (-er, -ejr).

В. Закон гармонии звуков

Материалы «Дивана» показывают, что понимание Махмудом Кашгари закона гармонии звуков близко к современному. Он распространяет этот закон не только на гармонию гласных, но и на гармонию гласных с согласными, а также гармонию согласных.

Именно поэтому все слова тюркских языков он делит на следующие группы:

- а) твердо произносимые, или имеющие в своем составе буквы ق (g, k) или غ (γ),
- б) мягко произносимые, или имеющие в своем составе буквы ك (k', g').

Он указывает, что аффиксы, присоединяясь к основе слова, также подчиняются закону гармонии: если они присоединяются к словам первой группы, то в своем составе должны иметь или твердый гласный (гласный заднего ряда), или ق (g, k), или غ (γ); присоединяясь же ко второй группе слов, аффиксы должны содержать мягкий гласный (гласный переднего ряда) или ك (g', k'). Отсюда можно сделать вывод, что, говоря о соответствии аффиксов основам по твердости и мягкости, Махмуд Кашгари имеет в виду гармонию гласных. Когда же автор «Дивана» говорит о соответствии аффиксов составу слов, имеющих звуки ق, غ или ك, то он имеет в виду как гармонию гласных, так и гармонию гласных с согласными, то есть в аффиксе и в корне слова при этом должен быть соответственно звук-буква ق, либо غ, или ك.

⁹ См.: М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 20.

В некоторых случаях в «Диване» можно найти указание и на гармонию согласных. Например, говоря об аффиксе прошедшего времени **دى** (-dy, -di), Махмуд Кашгари отмечает, что если этот аффикс присоединяется к словам, оканчивающимся на глухой согласный, то **د** (d) переходит в **ت** (t), то есть вместо **دى** (-dy, -di) пишется **تى** (-ty, -ti). Например: *tarty, tutty, gačty* и т. п. В других случаях данный аффикс пишется через **د** (d). Например: *aldy, k'eldi, jazdy* и др. (II, 28). В «Диване» указывается также, что, если в конце слова **ق** (g) оглушается, то к слову присоединяется аффикс с глухими согласными. Например, *bakty* 'он посмотрел' (II, 29).

Общие правила закона гармонии звуков Махмуд Кашгари излагает в предисловии к первому тому (стр. 12—35), а более конкретные факты и уточнения дает во втором томе, в особенности там, где речь идет о грамматических формах глагола. Например:

- аффикс **كو غو** (-yu/-g'ü) — *urɣu, k'esg'ü* (I, 13)
 » **كان غان** (-yan/-g'en) — *barɣan, k'elg'en* (I, 23)
 » **ماك ماق** (-mak/-mek') — *saɣmak, sermek'* (II, 32—33)
 » **كل قل** (-gyl/-g'il) — *aɣgyl, g'irg'il* (II, 37).

В третьем томе «Дивана» даны правила формирования именных аффиксов на основе закона гармонии звуков, в том числе падежных окончаний.

Например, аффиксы дательного падежа имеют две формы: **قا** (ga) и **كا** (k'e, g'e). Аффикс **قا** (ga) присоединяется к именам, в составе которых имеются или **ق** (g, k), **غ** (ɣ), или же гласная заднего ряда; аффикс **كا** (k'e, g'e) присоединяется к именам, в которых имеется или **ك** (k', g'), или гласная переднего ряда. Например: *baɣga* 'к саду', *daɣga* 'к горе', *ataɣga* 'к отцу', *ewk'e* 'к дому', *tepik'e* 'ко мне' и др.

Итак, в «Диване» Махмуда Кашгари нашли свое отражение все следующие три вида закона гармонии звуков:

1) Гармония гласных:

а) к словам с твердым произношением, то есть имеющим в своем составе звуки *a, o, y, u*, присоединяются аффиксы, содержащие такие же звуки;

б) к словам с мягким произношением, то есть имеющим в своем составе звуки *ä, e, i, ö, ü*, присоединяются аффиксы, содержащие такие же звуки.

2) Гармония гласных с согласными:

а) к словам, имеющим в своем составе **ق** (g, k) или **غ** (ɣ), или же *a, o, y, u* (то есть твердо произносимым), присоединяются аффиксы с такими же звуками;

б) к словам, имеющим в своем составе *ä, e, i, ö, ü* или согласный **ك** (k', g'), присоединяются аффиксы с такими же звуками.

3) Гармония согласных звуков:

а) к словам, имеющим в своем составе **ق** (g, k) или **غ** (ɣ), присоединяются аффиксы с теми же согласными (созвучие g с ɣ);

б) к словам, имеющим в своем составе согласные **ك** (k', g'), присоединяются аффиксы с теми же согласными (созвучие k' с g');

в) имеет место созвучие некоторых глухих согласных с глухими, а звонких согласных со звонкими.

Общие выводы

Внимательное ознакомление с методом, примененным Махмудом Кашгари при исследовании тюркских языков, позволяет сформулировать следующие общие выводы:

1. Махмуд Кашгари долгое время прожил среди племен и народностей, говоривших на тюркских языках. Он стремился определить условия распространения этих языков, их группирование, внешние контакты, исторические изменения, то есть пытался воссоздать историческую перспективу развития этих языков.

2. Для воссоздания исторической перспективы автор останавливается на древних фонетических и грамматических особенностях тюркских языков и путем сопоставления устанавливает сходство или отличие от них современных ему тюркских языков.

3. Для сравнения языковых фактов Махмуд Кашгари по возможности пользуется приемом группировки, объединяя племенные языки на основе определенных общих признаков и противопоставляя их языкам, характеризующимся отсутствием этих признаков.

4. Сравнивая языковые единицы, Махмуд Кашгари отмечает наличие или отсутствие в них фонетических закономерностей. Замечая фонетические несоответствия с природой самого языка, он стремится выяснить их причины. Иногда эти несоответствия автор объясняет влиянием неродственных языков (например, наличие звука h в начале слова).

5. Для определения того, какой фонетический состав и структура слова являются более правильными и соответствующими первоначальному облику того или иного слова, Махмуд Кашгари прежде всего основывается на внутренней структуре тюркских языков, то есть он использует метод внутренней реконструкции (например, он указывает, что в тюркских языках не может быть рядом трех согласных в одном слове).

6. Махмуд Кашгари особое внимание уделяет изменению звуков и морфем в зависимости от различных занимаемых ими позиционных условий, указывая, что изменение звуков в начале, середине и конце слова не всегда носит одинаковый характер.

7. Махмуд Кашгари, опиравшийся в своем исследовании в основном на письменные знаки, больше говорит о согласных и о тех гласных звуках, которые обозначаются арабскими буквами: و، ا . Однако он дал почти полную фонетическую характеристику тюркских языков, используя при этом такие дополнительные средства, как *хараке*, буквенные сочетания, а также некоторые условные термины, поясняющие фонетические особенности тюркских языков, а именно: مشبعه — *мушбаат* (твердый), ركيكه — *рекикат* (мягкий) и т. п.

8. Для выяснения первоначального облика какого-либо слова или морфемы Махмуд Кашгари опирается на фонетические законы и правила (выпадение звуков, метатеза, ассимиляция, в том числе закон гармонии звуков, возможность сочетания нескольких согласных или гласных и др.).

9. Отдельные факты Махмудом Кашгари объясняются историческими условиями, языковой средой. Иногда для обоснования того или иного фонетического закона автор апеллирует к неродственным языкам, например, к арабскому, тем самым показывая их универсальность.

10. Таким образом, в труде Махмуда Кашгари нашли свое применение, хотя и в зачаточном виде, положения, которые можно и должно характеризовать как основные черты сравнительного метода.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что сравнительный метод в языкознании зародился в XI веке (пусть и в несколько элементарной форме) на базе изучения тюркских языков и его основоположником был Махмуд Кашгари.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. О. ОРУЗБАЕВА

СЛОВАРЬ МАХМУДА КАШГАРИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Материалы «Дивана» Махмуда Кашгари должны широко использоваться не только лингвистами, но и историками и этнографами. В частности, сравнение данных «Дивана» с лексико-грамматическими фактами киргизского языка позволило бы высказать более определенные суждения об истоках некоторой части родоплеменных образований, положивших начало формированию впоследствии киргизского народа.

Проблема этногенеза киргизов все еще остается нерешенной до конца, хотя давно уже привлекала и продолжает привлекать к себе внимание многих исследователей. Однако, за немногим исключением¹, лингвистический материал при этом все еще используется недостаточно, хотя при его помощи можно было бы убедительнее аргументировать многие гипотезы.

Исследование морфологической структуры лексических пластов киргизского языка показывает, что многие из собственных наименований (этнонимов, топонимов и антропонимов) являются нерасчленимыми образованиями с затемненной семантикой. На наш взгляд, выяснение этимологии подобных образований привело бы к результатам, выходящим за рамки простого определения структурного состава таких слов. В этом плане интересно сопоставить материалы «Дивана» Махмуда Кашгари с существующими в киргизском языке родоплеменными наименованиями.

Так, среди перечисленных Махмудом Кашгари названий племен значатся слова ава или java, iva [с пометой *огузский* (III, 31)]², которые сходны с первой частью киргизских этнонимов abadaп и abajylda (в составе племени sary bagyš), а также abak (в составе племени çekir sajak)³. Этноним tuxsy⁴ в своей основе идентичен с киргизским антропонимом Toksobaj. Мы считаем подобные сопоставления полезными, хотя и далеки от мысли прямолинейного отождествления лишь на основании звуко-

¹ Мы имеем в виду статьи и высказывания отдельных авторов (Д. Банзарова, В. В. Радлова, А. Вамбери, Л. Лигети, С. Н. Абрамзон, Б. М. Юнусалиева, Н. А. Баскакова, А. Н. Кононова, К. И. Петрова, Б. О. Орузбаевой, А. Джолдошбекова, К. Сейдахматова, С. Е. Яхонтова и др.) по этимологии киргизских этнонимов типа kurguz и пр.

² В скобках даются ссылки на узбекское издание «Дивана» (с указанием томов и страниц): *Махмуд Кашгарий*. Девону луготит турк. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, т. I, 1960; т. II, 1961; т. III, 1963; «Индекс-лугат», 1967.

³ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV. М., 1960, стр. 105.

⁴ В «Диване» этноним tuxsy повторяется неоднократно (см. «Индекс», стр. 396).

вого сходства данных «Дивана» со словами, встречающимися в современных тюркских языках.

Среди многочисленных этнонимических названий есть немало слов, восходящих к названиям животных и птиц, почитавшихся в древности многими народами в качестве культовых (тотемных). В киргизском языке, по-видимому, такое происхождение имеют этнонимы ајуу 'медведь', бөгү 'волк', жогу 'гриф', буу 'олень', ак бууга 'белый верблюд-самец', aksak koj 'хромая овца' и многие другие. Можно полагать, что и киргизские этнонимы tebej||töböj, adyk и adigine восходят к наименованиям животных, зафиксированным в «Диване» Махмуда Кашгари: tevej (III, 329), adyg||azyg||ajyk (I, 94) + ene (то есть медведица + мать). Примечательно, что в киргизском языке реликтовые формы сохранились именно в словах, являющихся собственными именами, тогда как древнее adyg||azyg||ajyk 'медведь' в современном киргизском языке, претерпев звуковые изменения, перешло в ајуу, а tevej 'верблюд' — соответственно в töb. Этноним же azyk, который в некоторых источниках приводится в виде азык, возможно, восходит к звуковой разновидности древнего adak||azak 'нога' и азык: kyzył азык 'лодыжка, шиколотка', а не к омонимичному с последним azyk 'провиант'.

Киргизский этноним basyz, по-видимому, также восходит к древней глагольной основе ба- 'привязывать' [ср. bad 'привязал' (III, 265)], которая в сочетании с формантом отрицания -suz означает «не имеющий привязи, без привязи». Этому этнониму в структурно-семантическом плане близки booke (<boo 'веревка, шнурок' + -k'e), boocu (<boo + -ču) и bujla (в совр. кирг. bujla 'деревянный костыль, продаваемый в носовой хрящ быка или верблюда и служащий для прикрепления повода'). Более того, в киргизском языке сохранились и такие реликтовые основы, как k'edergi 'помеха' и ketenčik 'движение вспять' (наряду с закономерными k'ijin 'после, затем'), восходящие к древнему k'ed 'конец, задняя часть', k'adin 'после, потом' (I, 230).

«Диван» Махмуда Кашгари является ценным источником и для установления структуры наиболее древних корневых морфем, сохранившихся в настоящее время в живых тюркских языках только в окостеневшей производной форме. Например: ajdi 'сказал, рассказал' (I, 184), ajyk 'обещание' (I, 112), ajyldy 'был сказан' (I, 267) и другие, содержащие корень aj- 'говорить, сказать', который прослеживается в следующих словах современного киргизского языка: ajt- (<aj- + -t — формант понудительности), ајуң (в парном сочетании ušak-ajung 'сплетни, пересуды'), ајуак 'доносчик', kajšajakču 'огрызающийся, неуступчивый, несговорчивый', восходящее к kajaša 'огрызание' + ajak 'говорящий'⁵. Современное киргизское tük 'пушок' восходит к древнему tü + -k' (ср. древнее tü 'волосок (на теле), волос, шерсть; перья, оперенье'⁶ с киргизским tülö- 'линять, сбросить шерстяной покров' (о птицах, животных), tülök 'время линьки (о птицах)' и tülük — только в сочетании tört tülük⁷ 'четыре вида домашнего скота (овцы-козы, коровы, лошади и верблюды)', где tülük можно рассматривать как сочетание древнего корня tü и словообразовательного аффикса -lyk.

Путем сравнения данных «Дивана» с материалом живых тюркских языков удастся не только установить облик наиболее древних звуковых структур отдельных корневых морфем и их формальных элементов, но и проследить изменение семантики многих слов, обособление значения не-

⁵ См. об этом: Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964, стр. 200.

⁶ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 594.

⁷ Б. О. Орузбаева. Указ. раб., стр. 89.

которых фонетически родственных образований. Например, если в «Диване» слово *tüg* означает «очищенное от шелухи просо» (III, 249), то в киргизском языке в форме *tük'* оно стало означать не только пушок, пух (см. выше), но и шелуху; отсюда — *tük'töb* 'очищать от шелухи (злаки)'. Если во времена Махмуда Кашгари глаголы *op* и *ör* означали и «пить», и «целовать» [ср., например, *eg suv opdy* 'человек пил воду' (I, 183) с *oi meni ördi* 'он меня поцеловал' и *mun ördi* 'пил суп' (I, 176)], то впоследствии значения их обособились. Так, *ör* в современном киргизском означает только «целовать», а *op* «глотать, вбирать в себя» (причем только в устойчивом сочетании *op tart*).

Киргизские глаголы *tök'* 'пролить' и *tükür-* 'плевать' восходят к древнетюркскому *tök'* 'вылить, пролить' (II, 240). Глагол *ba-* в «Диване» означает «смотреть», а в современном киргизском языке, утратив свою первоначальную семантику, он приобрел значение «воспитывать, присматривать»: *bala bak-* 'выходить ребенка', парное слово *baуур-как* 'воспитывать', *бакта* 'приемный'. Первоначальное же значение этого слова прослеживается лишь в устойчивых сочетаниях *külö bak-* 'взглянуть с улыбкой', *bašrak* 'заглянуть' (<*baš*+*bak*), *bet bakyrbajt* 'не подпускать, не соглашаться' и в служебном слове *basa* 'да, конечно' (<*ba* 'смотреть'+*sa*).

Древнетюркское слово *boz* 'рост' имеет киргизское соответствие *boj*: *bojluu* 'рослый', *bojою žetüü* 'достигнуть совершеннолетия', *bojdok* 'холостой, неженатый (о мужчине)', *bojunda bag* *перен.* 'беременная (только о женщинах)' и др. В то же время в устойчивом сочетании *boz bala*, *boz žigit* 'рослый мальчик, то есть взрослый, достигший совершеннолетия, но еще неженатый', слово *boz* сохраняет первоначальное значение и ничего общего не имеет с омонимичным *boz* 'серый'. В «Диване» Махмуда Кашгари: *k'ögrä* 'осенний приплод животных' (I, 393); *k'ögrä ot* 'побеги травы'; *k'ögrä jemiš* 'вторичный урожай фруктов'; *k'ögrä оуул* 'родившийся осенью ребенок'. Значение этого слова впоследствии сузилось: в киргизском языке *k'ögrä* означает только «шкурка ягненка», а что касается антропонимов *k'ögröš*, *k'ögrötaј*, то они, очевидно, связаны с одним из первоначальных значений этого слова — «родившийся осенью ребенок», то есть восходят к значению «последыш».

Общезвестно, что в древнетюркских языках существовали корни *al* 'красный, алый' и *kyz-* 'краснеть, накаляться', от которых образовались затем такие производные основы, как *aloо* 'пламя огня', *albuguu* 'пламенеть (об огне)'; *краснеть (о щеке)*, *kyzyl* 'красный', *kyzar-* 'краснеть' и многие другие. При этом постепенно утрачивалась семантика первичных корневых морфем *al* и *kyz*. Поэтому для установления первоначальной морфологической структуры таких производных образований, как *almončok*, восходящего к *al* 'красный, алый' и *mončok* 'бусы' и употребляющегося только в переносном значении «дорогой, обожаемый», *кузуи перен.* 'пьянеть, краснеть', *кузуи kanduu* 'вспыльчивый' и др., необходимо сопоставлять их с зафиксированными в «Диване» и других памятниках фактами: например, *al* (I, 185), *al žuvut* 'светло-красный оттенок' (III, 177), *k'uzyl öng* 'красная щека' (I, 76), *kyzdy* 'побагровел'⁸.

Сужение или расширение значения отдельных слов иллюстрируется также следующими примерами: *k'üzük* 'ткацкий станок' (I, 371) — кирг. *k'üzük* 'нити' (намотанные на специальную короткую палочку, которая продевается поперек утка и основы); *k'ölük* 'спина животного' (I, 372) — кирг. *k'ölük* или *at k'ölük* 'тягловое животное'; производные глаголы *k'özlä-* 'бить в глаза' (III, 315), *k'özläš-* 'смотреть взаимно' (II, 261) в

⁸ Древнетюркский словарь, стр. 450.

киргизском языке употребляются в значениях «нацеливаться», «сойтись на очную ставку» соответственно. По Махмуду Кашгари слово *k'iši* имеет значения не только «человек, люди» (III, 244), но и «женщина» (у ягма, I, 318), а в киргизском языке до недавнего времени наряду с первым значением сохранялось и другое — «мужчина», «хозяин» (ср., например, «*üjdö k'iši barbu?*» На такой вопрос в случае отсутствия хозяина женщины или дети отвечали «*žok!*»).

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что «Диван» Махмуда Кашгари содержит ценнейший материал для разностороннего, глубокого изучения истории киргизского языка, для обоснования некоторых существенных закономерностей формирования его грамматических и лексико-семантических особенностей.

Данные «Дивана» позволяют с большой достоверностью установить время возникновения некоторых звуковых, морфологических и семантических особенностей современного киргизского языка.

Т. М. ГАРИПОВ

МАХМУД КАШГАРИ И КЫПЧАКСКИЕ ЯЗЫКИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

«Диван» Махмуда Кашгари содержит наиболее ранние и в то же время достаточно точные сведения об исторической дифференциации тюркских племен и наречий.

Классификация Махмуда Кашгари по глубине детализации опередила десятки поколений исследователей, которыми вплоть до первой трети XX в. не были установлены отдельные конкретные лингвоэтнические образования в общей якобы аморфной массе неких «тюрко-татар», «турских народов», «турко-татарских языков».

Махмуд Кашгари первый причислил башкир и татар к тюркам. «Тюрки, — писал он, — составляют двадцать основных племен. Ближайшее к Руму племя печенег, затем кыпчак, огуз, ямак, башкир... татар, затем идет киргиз... У племени татар... свой язык. Вместе с тем они хорошо знают тюркский. Далее языки киргизов, кыпчаков, огузов, тухси, ягма [и других] — чисто тюркские. К ним близки языки ямаков и башкир»¹.

Эти высказывания Махмуда Кашгари, так же как и свидетельства других азиатских источников, как нам кажется, недостаточно учитываются сторонниками версии о нетюркском происхождении кыпчакских народов Приволжья, которая время от времени возрождается адептами европоцентризма.

Убедительные возражения против гипотезы о башкиро-мадьярском родстве представили в своих работах М. Ряснянен, Б. А. Серебренников и особенно Ю. Ф. Намет.

М. Ряснянен, анализируя угорско-башкирские языковые взаимодействия, устанавливает лишь одно слово, заимствованное башкирами у вогулов: *мышар* 'рябина', свидетельствующее лишь о более или менее продолжительном их соседстве².

Б. А. Серебренников независимо от своих предшественников на основании привлеченных им новых материалов также опровергает эту гипотезу³.

Ю. Ф. Намет указывает на историческую расстановку этнолингвистических сил в Башкирии, современной эпохе Махмуда Кашгари: «Прародиной венгров следует считать Башкирию... Однако между венграми и башкирами нет никаких близких связей. Речь идет только о том, что венгры, оставшиеся на прародине, в последующие за татарским нашествием».

¹ Ср.: Махмуд Кашгарий. Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк). Уч томлик. I том. Тошкент, 1960, стр. 64, 66.

² М. Räsänen. Gibt es im Baschkirischen etwas ugrisches? — «Acta Orientalia». Budapest, 1960, t. XII, fasc. 1—3, стр. 73—78.

³ См.: Б. А. Серебренников. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963, стр. 23.

вием столетия ассимилировались с тюркоязычными башкирами, переселившимися сюда»⁴.

Столь же сложна и не менее противоречива история языка казанских татар.

В «Диване» Махмуда Кашгари о кыпчаках Урало-Поволжья и их языках сказано следующее.

Термин «башкир» в тексте «Дивана» встречается в форме *بشغرت* *башгырт*, то есть пишется через *ғайн*, а на приложенной к словарю карте читаем: *башкырт* *بشكرت*, то есть пишется через *каф*. Обращает на себя внимание огласовка посредством *кясры* — в отличие от господствовавшей до XI в. у авторов восточного средневековья тенденции передавать данный этноним с помощью *фатхи*: *башгард* у Ибн-Фадлана, *байгард* у Мас'уди, *башгард*, *башжарт*, *басхарт* у Балхи. Это наводит на мысль о кыпчакской манере делабиализованного оформления подобного ряда слов у Махмуда Кашгари — без буквы *вав* и *даммы* — то есть так, как это пишется и произносится, например, у современных татар или кумыков: *башкырт*, *башкир*. Сами же башкиры называют себя *башкорт*, а в говорах и *башкурт* (сторонником такого произношения, в частности, являлся башкирский фонетист и орфоэпист Дж. Г. Киекбаев).

Итак, для автора «Дивана» принадлежность башкир к тюркам и близость их к кыпчакам несомненны.

Термин *татар*, как верно подметил издатель узбекского перевода «Дивана» С. М. Муталлибов, функционирует в тексте памятника неоднозначно: вначале Махмуд Кашгари упоминает о татарско-тюркском двуязычии, затем в Словаре прямо указывает: «Татар—тюрки халыкларның бер ыругы», после чего контекст дает основание заключить, что автор считал татар близкими по языку к *йабаку* и другим племенам.

Если сопоставить с этим характеристики враждовавшего в то время с тюрками народа *отуз татар* в большом «Кюль-Тегине» и причисление татар рядом историков от Рашид-ад-дина и «Юань-ЧАО-би-ши» до Б. Я. Владимирцова⁵ к монгольским племенам, то обнаружится непреодоленная до сих пор многозначность татарского глотто- и этногенеза.

Несколько загадочным представляется в «Диване» народ *йэмэк* «ямак». Махмуд Кашгари сближает его с кыпчаками и размещает в основном на Иртыше, то есть в непосредственном соседстве с башкирами. Учитывая зафиксированное сходство их языка с башкирским, можно предположить, что ямаки — это кыпчакские пращуры казанских татар, появившиеся на Волге до монгольского нашествия. Между прочим, в Предуралье и поныне распространены топонимы и антропонимы с основой *йэмэк*: русская фамилия одного из башкирских тарханов XVIII в. была *Емяков*, в татарских говорах выражение *йамак майы* означает «горчица».

Обращаясь к географическим данным Махмуда Кашгари, многие текстологи и картографы пытались установить, действительно ли эти данные исходят от автора «Дивана».

И. И. Умняков, основываясь на западноевропейской историографии (И. Маркварт, К. Миллер, А. Херманн и др.), полагал, что оригинал карты, составленный самим Махмудом Кашгари, не дошел до нас⁶. К копии

⁴ Ю. Ф. Немец. Венгерские племенные названия у башкир. — В кн.: «Археология и этнография Башкирии, IV». Материалы научной сессии по этногенезу башкир. Май, 1969 г. Уфа, 1971, стр. 262.

⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 210.

⁶ И. И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира XI в. Самарканд, 1940.

автографа «Дивана», датированной 27 шаввала 664 г. хиджры, то есть 1 августа 1266 г. христианского летоисчисления, по его мнению, приложена новая карта, имеющая существенные расхождения с картой самого Махмуда Кашгари.

Эта версия вызывает решительное возражение С. М. Муталлибова.

К сожалению, нет возможности сличить почерк надписей на карте с почерком оригинала рукописи в связи с утратой последнего. Все же текстологам следует помнить о двух написаниях этнонима *башкир*.

Как бы то ни было, значение древнейшей из дошедших до нас карт расселения тюрков XI в. (а по утверждению узбекского географа и топонимиста Х. Хасанова, возможно, и более раннего периода) трудно переоценить. Со своей стороны, мы констатируем, что согласно карте и тексту «Дивана» башкиры, татары, ямаки располагались в междуречье Иртыша-Или, а кыпчаки — западнее их по обе стороны Каспия в бассейне Итиля. Это вполне согласуется с новейшими историко-этнографическими исследованиями.

Башкирский этнограф Р. Г. Кузеев указывает, что башкиры пришли на Урал из района Приаралья (частью с юга, частью с востока), то есть как раз с верховьев Иртыша и долины Или.

Это подтверждается и сообщением Мас'уди о сражениях в начале VIII в. в низовьях Сыр-Дарьи между четырьмя тюркскими племенами — Баджнук, Банджане, Баджгард и Наукерде⁷.

Довольно часто *башкурт* входит в основу географических названий, например, оронимы *Башкурт* — горы возле Термеза и местность на Памире; гидронимы *Большая* и *Малая Башкурки* — названия двух притоков верхнего Иртыша; ойконим *Башкурская волость* в Западной Сибири и т. д.

Кроме того, имеются косвенные доказательства проживания прото-башкир в Центральной Азии. Птолемей писал про область *Пазакартия* — она же *Парт* — в Хорасане; в персидских дастанах встречается название *vašgird*; старые башкирские предания повествуют о родоначальниках башкир, выходцах из Бухары, называвшихся *кендже*, *кенджак*. Эти названия можно сопоставить с упоминаемым в «Диване» топонимом *Кенджез Синизи* возле Таласа и этнонимом *канджак* или *канчак* и др.

Наибольшую ценность «Дивана», несомненно, составляет и его богатейший словарный материал.

Из слов, снабженных Махмудом Кашгари языковыми и диалектными пометами (общим числом 25), лишь немногие могут быть локализованы исключительно в регионе Урало-Поволжья, как принадлежащие преимущественно башкирам, татарам, ямакам или кыпчакам (чаще всего совместно с огузами, суварам, ягма и другими).

Зато почти все эти лексемы имеют точные параллели в современных урало-поволжских языках. Некоторые же из них, будучи некогда утраченными, предстают как вновь обретенные, что особенно ценно с научной точки зрения. Сравним несколько кыпчакизмов «Дивана» Махмуда Кашгари с их нынешними аналогами.

Заглавное слово *кат* в значении «ягода, плод» и с пометами *ямак*, *кыпчак*, *кай*, *татар*, *джумул* отсутствует в живом татарском языке — вместо него используются другие лексические единицы: *жыләк*, *жәймеш*; однако оно сохранилось в составе композиты *карагат* 'черная смородина'.

⁷ См.: С. Г. Кляшторный. Кангюйская этнонимика в орхонских текстах. — «Советская этнография», 1951, № 3, стр. 54—63.

Глагол *бүт-* 'созревать, вырастать' ассоциируется с татарским *бөтәй-* 'поправлять';

йал- и *йан-* 'гореть' — по-видимому, разные залоговые формы от пра-корня **йа-*. Таким образом, подтверждается мнение А. Зайончковского о возможности изначального существования в пратюркском двухфонемных корней;

кетү 'сухорукий' трансформировался в башкирское *kitek* 'щербатый, с зубриной, отколотый';

кору 'шип, колючка' — в татарское *кура* 'стебель высохшего растения';

сулак 'селезенка' несколько неожиданно сопоставляется с татарским *сул йак* 'левая сторона', башкирским *һулакай* 'левый, левша' (досл. 'левачок') (вспомним, что селезенка располагается именно в левом подреберье).

Другое слово, также означающее у Махмуда Кашгари «селезенка», сопоставляется с межтюркским глаголом *тал-* 'утомляться' (об органах человека): кыпчакское *айағым талды* 'мои ноги устали, налились тяжестью, затвердели'. Поэтому *талак* может быть этимологизировано как «то, что подвержено утомлению; тяжесть, колотье в боку» и т. п.

Семантика *сувук* 'жидкий' (о хвосте) расширилась в татарском *сыйек* до «жидкого вообще» и «бедного, убогого» в переносном смысле. В диалектах сохранилось и значение «гибкий, упругий»: *сыйык чыбык* 'эластичный прут'.

Если *төз-* 'проголодаться' имеет какую-то связь с уральским *түз-* 'терпеть', то это как нельзя лучше иллюстрирует башкирская поговорка *Түзгәнә түш тейгән* 'терпеливому грудинка досталась'.

Думается, что слово *учан* 'двухпарусная лодка' в XI в. воспринималось как неологизм. Этот же оттенок сознательного словотворчества сохраняется и в татарском: *очан* 'метеорит'.

Обратимся к данным сравнительно-исторической фонетики и диалектологии.

Хорошо известно, что древнетюркские памятники не содержат специальных знаков для передачи межзубных согласных, и гипотеза В. Томсена об эквивалентности орхонских *д* и *дь* интердентальному *з* не нашла поддержки у В. В. Радлова. Однако недавно эта гипотеза вновь возродилась в допущении А. М. Щербаком трансформации пратюркского *з* в *д*, характерной для енисейских рун.

Примеры Махмуда Кашгари, написанные с буквой *зал*, дают представление о реальности звучания зубноязычного *з* в кыпчакско-ямакских *азак* 'нога', *азык* 'медведь' и др. В новотюркскую эпоху тенденция к восстановлению лингводентальных на месте прафонем *з*, с реализовалась в башкирском языке и частично в соприкасающихся с ним татарских говорах.

Иллюстрации с использованием буквы *са* в «Диване» отсутствуют, хотя в тексте эта буква упоминается.

Другое тонкое наблюдение Махмуда Кашгари касается субституции *й/н*: тюркск. *кайу*/аргу *кану* 'какой, который', что подкрепляется параллелями общетатарского *кайда* и мишарского *кан'е* 'где'.

Достоинны внимания указания Махмуда Кашгари на звукосоответствия *з/з/й* в различных племенных наречиях.

В этой связи нельзя не упомянуть о чрезмерно сдержанной оценке диалектологических наблюдений Махмуда Кашгари в монографии аме-

риканского алтаиста К. Х. Менгеса⁸, с которой солидаризировался и М. Рясянен в своих «Materialien...»

К. Х. Менгес ставит под сомнение корреспонденцию з/й в кыпчакском, ямакском, суварском и болгарском лишь на том основании, что Махмуд Кашгари лично не бывал в Булгаре. Но тогда можно было бы поставить под сомнение доводы всех тюркологов (не делая исключения и для заокеанских), не посетивших почему-либо ареалы распространения описываемых ими языков.

Думается, что для XI и ряда последующих веков Махмуд Кашгари был самым эрудированным и передовым диалектологом и фонетистом, хотя сам он и не считал раскрытие диалектных различий главной целью своего компендиума.

Как хорошо заметил туркменский исследователь «Дивана» С. Ахаллы, составитель «Дивана» ориентировался лишь на язык мусульманских тюрок и старался избегать заимствований. К тому же нельзя забывать о пестроте тюркского этноса, о причудливом смешении всех тюркских языков как во времена Махмуда Кашгари, так и после него.

Кыпчаки, например, согласно китайским хроникам, оказываются гораздо старше тюрок, которым в свою очередь противопоставляются огузы орхоно-енисейки.

Филолог и поэт, Махмуд Кашгари, завещая свой труд потомкам, писал:

«Любовь делает меня сильным!
Капли воды, выйдя наружу, обтекают горы!
Да распространится в народе о тебе слава!
Хорошенько оберегай свой язык,
Желай для себя добрых слов»⁹.

⁸ См.: К. Н. Menges. Qaraqalpaq Grammar. New York, 1947, стр. 30, сноска 7.

⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования М.—Л., 1951, стр. 307—308, 310, 312—313.

А. К. КУРЫШЖАНОВ

МАХМУД КАШГАРИ О КЫПЧАКСКОМ ЯЗЫКЕ

По данным Словаря Махмуда Кашгари, тюркские народы состояли из двадцати племен¹, каждое из которых объединяло несколько родов. *Қыфчақи* или *қывчақи* являются, по словам Махмуда Кашгари, «одним из тюркских племен» (I, 440)². О людях, перешедших на сторону кыпчаков или ставших кыпчаками, обычно говорили, как указывает Махмуд Кашгари, *қыпчақланды* (III, 368) или *қывчақланды* (II, 320, 324) 'он стал кыпчаком'.

Автор не уточняет значения слова «қыпчақ» (означает ли оно название народа, народности, племенного объединения, племени или рода) и не указывает территорию расселения кыпчаков, границы их владений, не говоря уже о хозяйственном укладе, политическом строе, культуре и т. п. Махмуд Кашгари, очевидно, умышленно не освещает и ряд других вопросов, касающихся родоплеменной структуры кыпчаков, их особенностей, тогда как описания огузских, в частности туркменских племен, даются им достаточно подробно. В работе Махмуда Кашгари слово *қыпчақ* употребляется как название не только племени, но и племенного объединения, союза различных племен и родов. Он пишет, что «йемеки (ямаки) являются одним из племен³ кыпчаков» (Индекс, 392; I, 314; III, 36), а сувары — частью кыпчаков (II, 64)⁴. Махмуд Кашгари нередко помещает отдельные слова этими названиями.

С. М. Муталлибов полагает, что *қаңлы* составляли в то время довольно крупную часть кыпчаков (I, 495). Несколько позднее (в XI в.) они уже расселялись по владениям различных племен (огузов, чигилей, кусманчей), постепенно растворяясь среди них (I, 496). У Махмуда Кашгари слово *қаңлы* встречается как имя собственное (ДТС, 419), а в языке

¹ В действительности тюркских племен, очевидно, было намного больше: в самом Словаре Махмуда Кашгари встречаются около 25 названий, судя по списку слов с языковыми и диалектными пометами. — См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 644 (в дальнейшем ДТС). Не исключена возможность, что кое-какие племена Махмуд Кашгари вообще не упомянул.

² Ссылка в скобках здесь и в дальнейшем дается по изданию С. М. Муталлибова: Махмуд Қашғарий. Девону луготит турк. Туркий сузлар девони. Уч томлик. Тошкент, т. I, 1960; т. II, 1961; т. III, 1963; индекс-лугат, 1967 (римские цифры в скобках указывают на том, арабские — на страницу).

³ В переводе на узбекский язык — «тоифа», что означает «племя», «род», а также «сословие», «группа». — Ср. «йемек — одно из тюркских (кыпчакских) племен» — ДТС, стр. 255.

⁴ В изданиях на узбекском языке пишется *суворин* (II, 64); *суварин* (Индекс, 394). В ДТС — *сувар* (644).

более древних тюркских памятников оно, как известно, означало «повозка», «телега», «колесница» (*там же*).

Следует еще отметить зафиксированное в русской летописи племя *токсобов*, из которого состояла часть половецких войск: «Се ведающе собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобича Колобича, и Етебича, и Терьтробича»⁵.

Данное название встречается в различных источниках старокыпчакского языка⁶. Его можно сравнить со словом *тукси* у Махмуда Кашгари (Индекс, 395).

Отсюда следует, что, когда Махмуд Кашгари говорит о кыпчакском языке, он, по всей вероятности, имеет в виду не только язык собственно кыпчаков, но и языки тех племен и родов, которые входили в состав кыпчакского племени или союза кыпчакских племен.

По отдельным высказываниям Махмуда Кашгари можно предположить, что владения кыпчаков простирались от г. Кашгара на востоке до р. Волги на западе, от страны Византии на юге до р. Иртыша на севере. Он пишет, что у границ Рума живут печенеги, а рядом с ними в сторону востока — *қыпчақи* (I, 64). Сувары жили по соседству с Византией (I, 66). Реку *Етіл* (Волга) обычно считали кыпчакской (I, 103). Она имела и другой рукав, протекавший по земле русской (*там же*). Один из населенных пунктов в области Кашгара называется, по его словам, *Қыпчақ* (I, 440). Следовательно, там, должно быть, жили кыпчаки. Йемеки (ямаки) жили на р. *Ертіш* (Иртыш). Это название происходит, по утверждению автора, от общетюркской основы *ерт-* 'проходить, миновать; проходить через что-либо, по чему-либо'. Ср. *ертіш-* (совместный залог от *ерт-*), *ертішмек* (имя действия от основы *ерт-*) и другие формы (Индекс, 48). Город *Тавар* и местность *Кантуан*, расположенные в районе г. Тараз, С. М. Муталлибов тоже относит к территории кыпчакских владений (I, 495).

Сведения, сообщаемые Махмудом Кашгари, подтверждаются данными советской исторической науки⁷. Кыпчаки занимали, как известно, довольно обширную территорию: от отрогов Тянь-Шаня до Балканских стран, которую в XI—XIV вв. обычно называли «Дешт-и Кыпчак». Они воевали и в Средней Азии и на Балканах. Во второй половине XII в. (точнее в 1185 г.) они сражались в Болгарии⁸. Но во время исторической битвы на р. Каяле (в 1185 г.) основная масса кыпчаков находилась у р. Дон: «Игорь к Дону вои ведет», чтобы «копие приломити конец поля половецкаго» и «главу свою приложить, а любо испити шелоомь Дону», и далее: «половци неготовами дорогами побегоша к Дону»: «Гзак бежит серым волком, Коычак ему след править к Дону великому» и «стязи глаголют — половци идуть от Дона и от моря», «ту ся копием приламат, ту ся саблям потручати о шеломи половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго»⁹. Махмуд Кашгари, говоря о языке кыпчаков, очевидно, имеет в виду тех кыпчаков, которые жили, как было сказано выше, от р. Волги к востоку до центра Восточного Туркестана.

Кыпчаки передвигались вслед за огузами по тем же территориям и в тех же направлениях. Маршруты огузов, как пишет В. А. Гордлевский,

⁵ «Слово о полку Игореве». М., 1968, стр. 7 (вступительная статья Д. С. Лихачева).

⁶ См.: Ш. А. Файзуллаева. Исследование языка памятника XIV в. «Китабу Булгат ал-Муштак фи лугат ат-турк ва-л-кифчак» Джамал ад-дина ат-Турки. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969, стр. 19; Ә. Құрышжанов, М. Мәженова. Әбу Хайян-қыпшақ тілінің зерттеушісі. Білім және еңбек, № 4, 1966, стр. 19.

⁷ См.: Советская историческая энциклопедия, т. II. М., 1968, стр. 283.

⁸ См.: «Слово о полку Игореве», упом. издание, стр. 5.

⁹ *Там же*, стр. 24—25.

были проложены из Монголии на запад к Приаралью¹⁰, и в IX—X вв. многочисленные их племена, говорившие на языке, близком языку орхонских тюрков, занимали земли к северо-западу от государства Саманидов. Район расселения огузов включал восточнокаспийские степи и территорию вокруг Аральского моря¹¹. В середине следующего столетия они вошли в состав государства сельджукидов в Малой Азии (1077—1299 гг.). Многие туркменско-огузские племена с самого начала образования государства занимали территорию в составе никейского эмирата от Эгейского и Средиземного морей на западе до Аральского моря и Индии на востоке¹². Следует полагать, что на пути в Малую Азию от основной массы огузских племен откалывались отдельные роды, семьи, говорившие на родном языке огузов или огузов-туркмен.

Кыпчаки постоянно соприкасались с огузами в период, когда жили вместе с ними где-то в Монголии. В дальнейшем, продвигаясь на запад вслед за огузами¹³ и занимая покинутые ими территории, оказывали сильнейшее влияние на язык оставшейся части огузов. Кроме того, кыпчаки общались с огузами на границах своих земель, как, например, на восточнокаспийских и приаральских территориях, в районе Судака и на юго-западных окраинах Дешт-и Кыпчак и т. д. Вполне вероятно, что, путешествуя по владениям тюркских племен, в частности кыпчакских, Махмуд Кашгари повсюду ощущал влияние огузов, убеждался в смешанном характере огузско-кыпчакских языков. Этим, по нашему мнению, объясняется то обстоятельство, что Махмуд Кашгари почти всегда употребляет помету «кыпчакский» рядом с «огузский», или, наоборот, «огузский» и рядом «кыпчакский». Иногда он указывает «огузский», полагая, что последующее «кыпчакский» само собой разумеется.

Язык кыпчаков Махмуд Кашгари относит к числу «чистых» и «правильно употребляемых» языков (I, 66). В рукописи им отмечены следующие фонетические, морфологические и лексические особенности кыпчакского языка, отличающие его от других тюркских языков.

Фонетические особенности. Махмуд Кашгари не дает подробного описания фонетической системы кыпчакского языка. Лишь в связи с освещением основных вопросов фонетики тюркских языков он указывает на своеобразное употребление тех или иных фонем, имеющих соответствующие варианты в других тюркских языках. Указания автора носят эпизодический характер. Поэтому говорить об их фонетической системе, а тем более характеризовать каждый из них с фонетической точки зрения весьма трудно. В связи с этим мы ограничимся описанием лишь тех фонетических явлений, которые Махмуд Кашгари наблюдал в кыпчакском языке того времени. Эти фонетические особенности в конечном счете сводятся к двум явлениям: выпадению и чередованию некоторых звуков, как гласных, так и согласных, а иногда и полугласных.

Редукции подвергаются звуки *й*, *ғ*, *к*. Так, например, встречающиеся в других тюркских языках слова *йелкін* 'путник', *йылығ сув* 'теплая вода' в кыпчакском языке употребляются без начальной *й*: *елкін*, *ылығ сув* (I, 67)¹⁴.

¹⁰ См.: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. I. М., 1960, стр. 70.

¹¹ См. там же, стр. 494.

¹² См.: Е. Лудшувейт. Вступительная статья. — В. А. Гордлевский. Избр. соч., т. I. М., 1960, стр. 8.

¹³ См.: Ә. Марғұлан. Қорқыт күйші. ҚСРО Ғылым Академиясының қазақ филиалының хабарлары. Тіл және әдебиет сериясы. Бірінші кітап. Алматы, 1944, 68 т. б. беттер.

¹⁴ По техническим причинам нами внесены следующие изменения в систему транскрипции С. М. Муталлибова: *ä*, *э* передаются через *e*, *j*—*й*, *j*—*ж*, *l*—*л*, *k*—*қ*, *ü*—*ү*, *ï*—*ы*, *ö*—*ө*, *v*—*в*.

Выпадение *ғ* является установившимся фонетическим явлением в кыпчакском языке: *тамақ* вм. *тамғақ* 'горло', *бушақ* вм. *бушған* 'внутренности' (I, 69), *танчады* вм. *танчғады* 'он опух' (III, 318), *чомуқ* вм. *чомғуқ* 'чомга' (ДТС, 153)¹⁵.

При сочетающихся двух однородных звуках ($k < kk$) один из них непременно выпадает: *үкі* вм. *үккі* 'сова' (I, 48). На основании выпадения отдельных звуков Махмуд Кашгари делает общий вывод о том, что «сокращенная форма слов лучше, чем полная» (I, 69) или что «глухие звуки удобны при произношении, а короткие слова — при написании» (I, 312).

Из характерных для тюркских языков чередований звуков кыпчакскому присущи следующие.

Чередование гласных *e||и* и *ы||а*. Так, например, кыпчаки, в отличие от других тюркских народов, говорят *жинчу* вм. *йенчу* и, наоборот, *кеме* вм. *кимі* 'лодка, судно' (III, 253). Широкие гласные они употребляют вместо узких: *теге* вм. *тиви* 'верблюд', *бардам* вм. *бардым* 'я пошел' (III, 153). В связи с последним примером следует отметить, что для языка почти всех ныне известных старокупчакских памятников характерна форма *-дым* (*-дум*) вм. *-дам*, ср. у Махмуда Кашгари форму *бардум*, которую он считает характерной для языков огузов, кыпчаков и суваров (I, 67). Основными фонетическими вариантами окончания перфекта в I л. ед. ч. в кыпчакском языке все же являются, как нам кажется, *-дым||-дім*, *-тым||-тім* наряду с *-дум||-дүм*, *-түм||-түм*¹⁶.

В начале слова характерно употребление *ж* вм. *й*: *жинчу* вм. *йенчу* 'жемчуг'¹⁷, *жуғду* вм. *йуғду* 'длинная шерсть под шеей у верблюда' (I, 66, 67, 94; III, 37), *ол мені жетті* вм. *ол мені йетті* 'он повел меня', *сүвда жундум* вм. *сүвда йундум* 'я купался' (II, 364; ДТС: *чет-*, *чун-*). По словам Махмуда Кашгари, чередование *й||ж* является одной из давно укоренившихся фонетических закономерностей тюркских языков.

В кыпчакском языке употребляется эмфатический звук *з* вместо *и* в других тюркских языках: *азығ* вм. *айығ* 'медведь' (I, 112), напр. *азчы нече ал білсе*, *азығ анча йол білер* 'сколько охотник знает хитростей, столько же медведь знает выходов из положения'. В другом месте Махмуд Кашгари пишет, что кыпчаки говорят *қайың* вм. *қазың* 'береза', *қайын* вм. *қазын* 'шурин' и не употребляют звука *з* (I, 68). Очевидно, все же употребляются оба звука, но предпочтение при этом отдается обычно первому.

В силу этого эмфатический *з* в кыпчакском языке переходит в обычный *з*: *азақ* вм. *азақ* 'нога'¹⁸, *қарын тозды* вм. *қарын тозты* 'желудок насытился' (I, 68).

¹⁵ В издании С. М. Муталлибова *чумуқ* и *чумчуқ* (I, 69). Н. Т. Сауранбаев читает *йумғақ*, *йумқ* 'грачи' — см.: Н. Т. Сауранбаев. Некоторые черты древнекупчакского языка. — «Вестник АН КазССР», 1948, № 12, стр. 14.

¹⁶ См.: A. von Gabain. Die Sprache Des Codex Cumanicus. — В кн.: «Philologiae Turcicae fundamenta», t. 1. Wiesbaden, 1959, стр. 67. Das Kipschakische von O. Pritsak, ibid, стр. 84.

¹⁷ У С. М. Муталлибова *йинжу*, в ДТС *женчу*. Дело в том, что в одном случае буква вначале огласована фатхой (*йенчу*), а в другом случае — кясрой (*жинчу*). У Н. Т. Сауранбаева *йанджу*, *джанджу* (вышеуказанная статья, стр. 13).

¹⁸ В ДТС указывается, что *қазын*, *азақ* характерны для кыпчакского языка, но в издании С. М. Муталлибова этого утверждения нет.

В кыпчакском употребляется также и обычный *з* вместо *й* в других тюркских языках: *өзле* в м. *өйле* 'полдень' (I, 137)¹⁹.

Иногда кыпчаки произносят *й* в м. ожидаемого *з*: *йайғуқ* в м. *йазғуқ*²⁰ 'соски кобылицы' (III, 34).

Изучение всех случаев чередований *й||з||з* позволяет установить следующую общую фонетическую закономерность в кыпчакском языке.

Общетюркский	<i>й</i> >	кыпчакский	<i>з</i> : <i>айығ</i> > <i>азығ</i> 'медведь'
»	<i>й</i> >	»	<i>з</i> : <i>өйле</i> > <i>өзле</i> 'полдень'
»	<i>з</i> >	»	<i>й</i> : <i>қазын</i> > <i>қайын</i> 'шурин'
»	<i>з</i> >	»	<i>з</i> : <i>азақ</i> > <i>азақ</i> 'нога'
»	<i>з</i> >	»	<i>й</i> : <i>йазғуқ</i> > <i>йайғуқ</i> 'соски кобылицы'.

В этой системе чередований звуков *й||з||з* недостает только употребления эмфатического *з* в м. обычного *з* : *з* > *з*.

В отличие от других тюркских языков кыпчакскому языку присущи следующие звуковые соответствия: употребление *х* вместо *қ*: *хайу?* в м. *қайу?* 'который?', *хызым* в м. *қызым* 'дочь моя', *ханда?* в м. *қанда?* 'где?' (III, 238)²¹.

Употребление *л* в м. *н*: *йалды* в м. *йанды* 'он горел' (III, 72)²².

Употребление *қ* в м. *н*: *бушақ* в м. *бушған* 'внутренности' (I, 69).

Употребление *б* в м. *м*: *бүн* в м. *мүн* 'бульон', *бен бардум* в м. *мен бардым* 'я пошел' (I, 67)²³.

Употребление *ш* в м. *м*: *ешет* в м. *емет*, *йемет*, *евет* (утвердительная частица, очевидно, заимствованная из арабо-персидских языков: *евет*), то есть *ш||м||в* (I, 85).

Употребление *т* в м. *д* или, наоборот, *д* в м. *т*: *күзеттеңи* в м. *күзетдеңи* 'охраняющий' и *бітітдеңи* в м. *бітіттеңи* 'пишущий' (II, 368), *теве* в м. *деве* (III, 153), *тозды* в м. *тозты* 'насытился' (I, 68).

Приведенные примеры можно свести в таблицу (см. табл. № 1; первые звуки общетюркские, вторые — кыпчакские).

К числу фонетических явлений, позиционно обусловленных нормами кыпчакского языка и, безусловно, связанных с особенностями живой разговорной речи (живое чередование), относятся: выпадение звуков *й*, *ғ*, *в*, чередование ряда звуков или переход *қ* > *х*, *н* > *л*, *м||в* > *ш*, *з* > *з*. Остальные примеры составляют группу исторических чередований в тюркских языках, позиционно не обусловленных нормами живой разговорной речи кыпчаков: *й* > *ж*; *з* > *й* или, наоборот, *й* > *з*; *з* > *й* или, наоборот, *й* > *з*; *м* > *б*; *т* > *д* или, наоборот, *д* > *т*.

Морфологические особенности языка кыпчаков, указанные Махмудом Кашгари, сведены в таблицу (см. табл. № 2).

¹⁹ В других памятниках старокыпчакского языка чаще всего встречаются формы *өйле*, *өйлен*. См., например: А. Курышжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970, стр. 178.

²⁰ Ср. в ДТС: *йазғуқ* — кыпчакское слово (стр. 646), в другом месте нет этой пометы (стр. 251).

²¹ В языке старокыпчакских памятников в подавляющем большинстве случаев употребляется *қ*, за исключением языка половецких документов XVI в., где *х* постоянно выступает в м. *қ*.

²² Характерным для языка старокыпчакских памятников считается вариант с *н*: *йанды*.

²³ По данным других источников, для кыпчакского языка характерно *м*: *муйун* 'отвар, похлебка' в «Тюркско-арабском словаре»; у Абу Хайяна и почти во всех памятниках старокыпчакского языка *мен* 'я' (см.: А. Курышжанов. Указ. раб., стр. 171, 173).

Ряд морфологических явлений, в частности некоторые словообразующие элементы, Махмуд Кашгари относит к числу общих для всех тюркских языков (к которым он, очевидно, причисляет и кыпчакский язык, хотя об этом прямо и не говорит). Так, например, аффикс *-Fy||-Fy* служит для образования имени существительного (названия вещей, предметов домашнего обихода и орудий труда) от основы глагола: *бычды* > *бычфу* 'ножик' (ср. *бычгуч* 'ножницы'), *урды* > *урфу* 'орудие, которым быют', *кесди||кести* > *кесгу* 'орудие для резания', *ебүсди* > *ебүсгу* 'решето, сито' (I, 52—53).

Таблица № 1

№№ п/п	Выпадение или чередование звуков	Языки	Примеры
1	й (I, 67)	кыпчак., огуз.	<i>йелкін</i> > <i>елкін</i> 'путник', <i>йылығ</i> > <i>ылығ</i> 'теплый'
2	ғ (I, 69)	кыпчак., огуз.	<i>тамғақ</i> > <i>тамақ</i> 'горло', <i>танчады</i> > <i>танчады</i> 'он опух'
3	к (I, 48)	кыпчак.	<i>үккі</i> > <i>үкі</i> 'сова'
4	и > е (III, 253)	кыпчак., огуз., сувар.	<i>кимі</i> > <i>кеме</i> 'лодка', <i>теви</i> > <i>теве</i> 'верблюдо'
5	ы > а (III, 153)	кыпчак., огуз., сувар.	<i>бардым</i> > <i>бардам</i> 'я пошел'
6	й > ж (I, 94)	кыпчак., огуз.	<i>йенчү</i> > <i>жінчү</i> 'жемчужина', <i>йетті</i> > <i>жетті</i> 'он повел'
7	й > з (I, 112)	кыпчак., огуз., ягма	<i>айығ</i> > <i>азығ</i> 'медведь'
8	й > з (I, 137)	кыпчак.	<i>өйле</i> > <i>өзле</i> 'полдень'
9	э > й (I, 68)	кыпчак., ягма, тухси, ябаку, татар., джу-мул., огуз.	<i>қазың</i> > <i>қайың</i> 'береза', <i>қазын</i> > <i>қайын</i> 'шурин'
10	з > з (I, 68)	кыпчак., ямак., сувар., болгар.	<i>азақ</i> > <i>азақ</i> 'нога', <i>тозты</i> > <i>тозды</i> 'насытился'
11	з > й (III, 34)	кыпчак.	<i>йазғуқ</i> > <i>йайғуқ</i> 'соски кобылицы'
12	қ > х (III, 238)	кыпчак., огуз.	<i>қайу</i> > <i>хайу</i> 'который?', <i>қыз</i> > <i>хыз</i> 'дочь', <i>қанда</i> > <i>ханда</i> 'где?'
13	н > л (III, 72)	кыпчак.	<i>йанды</i> > <i>йалды</i> 'он горел'
14	н > қ (I, 69)	кыпчак., огуз.	<i>бушған</i> > <i>бушақ</i> 'внутренности'
15	м > б (I, 67)	кыпчак., огуз., сувар.	<i>мун</i> > <i>бун</i> 'бульон', <i>мен</i> > <i>бен</i> 'я'
16	т > д (II, 368)	кыпчак., огуз.	<i>тебе</i> > <i>деве</i> 'верблюдо'
17	д > т (II, 368)	кыпчак., огуз.	<i>күзетдегі</i> > <i>күзеттегі</i> 'охраняющий'
18	м в > ш (I, 85)	кыпчак., ягма, тухси	<i>емет евет</i> > <i>ешет</i> (утвердит. частица)

Аффикс *-сық* указывает на профессию, назначение и обязанность субъекта и образует имя существительное от основы глагола: *ол ет тоғрағсық ерді* 'он был крошителем мяса', *ол сеңе оғрақсық ерді* 'он был приходящий к тебе' (III, 329).

Изучая морфологический состав тех слов, которые так или иначе относятся к кыпчакскому языку, можно констатировать следующие словоизменяющие форманты (хотя по этому поводу у Махмуда Кашгари непосредственных указаний нет):

Посессивные аффиксы:

I л. *-ым||-ім, -ум||-үм*;

II л. *-ың||-ің, -уң||-үң*;

III л. *-ы||-і, -у||-ү*.

Например, *хызым* 'моя дочь', *көлүң* 'твое озеро', *көкүң* 'твое происхождение', *сувы* 'его вода', *түбі* 'его дно', (III, 238; II, 328), *хайу?* 'который?' (III, 238), ср. *хай?* и *қай?* в других тюркских языках.

Таблица № 2

№№ п/п	Форманты	Грамматические значения	Языки	Примеры
1	-ң (III, 328)	окончание II л. ед. ч. повелительного наклонения (вежливая форма)	кыпчак., огуз.	<i>ет тоғраң</i> 'кроши мясо', <i>ефге оғраң</i> 'иди домой'
2	-ң (II, 54)	окончание II л. мн. ч. повел. наклонения	кыпчак., огуз.	<i>барың</i> 'идите'
3	-з (II, 54)	окончание II л. ед. ч. повелит. наклонения (вежливая форма)	кыпчак., огуз.	<i>барыңыз</i> 'идите'
4	-дачы дечи (III, 328)	показатель причастия	кыпчак., огуз., сувар. и др.	<i>тоғрадачы</i> 'отрезающий полосами', <i>оғрадачы</i> 'идуший'
5	-дуқ -дүк (II, 64, 65)	показатель причастия	кыпчак., огуз., сувар.	<i>ол йа қурдуқ</i> 'он натягивал лук', <i>біз йа қурдуқ</i> 'мы натягивали лук', <i>мен йа қурдуқ</i> 'я натягивал лук' ²⁴

Окончания падежей:

Дательный -қа||-ке, -ға||-ге, -ар||-ер, -қа||-ңе. Напр., *тағқа* 'в горы', *евге* 'домой', *бекке* 'беку', *тұмғулуғқа* 'к холоду', *аңар* 'ему', *сеңе* 'тебе', *меңе* 'мне' (II, 65, 227; III, 198, 329, 385).

Винительный -ны||-ні: *аны* 'его', *мені* 'меня' (II, 65, 364).

Местный -да||-де: *мунда* 'здесь' (II, 65).

Исходный -дын||-дін: *евдін* 'из дома' (II, 65).

Аффиксы множественного числа -лар||-лер: *олар* 'они' (II, 65).

Местоимения: *мен, бен, біз, ол, олар, аңар, сеңе, мунда* (I, 67; II, 65; III, 329), *кім?, ханда?, хайу?*

Глаголообразующие аффиксы:

-ли -ле: *қатланды* 'он дал фрукты' (III, 214), *йубылады* 'он обманул' (III, 314).

-ық||-ік: *ташықты* 'он вышел наружу' (II, 131). В Словаре Махмуда Кашгари глаголы, как известно, приводятся в основном во II л. ед. ч. От этой основы образуются формы спряжения (в прошедшем времени) путем прибавления следующих личных аффиксов:

I л. -дам||-дем, -дум||-дүм, -дым||-дім: *бардам* (II, 153), *бардум* (I, 67), *бардым* (I, 325) 'я пошел'.

II л. -дың||-дің: *ердің* 'ты последовал за ним' (III, 238).

III л. -ды||-ді, -ты||-ті: *йеңді* 'он победил' (III, 400).

Формы залогов:

Возвратный залог -н: *жундум* 'я мылся' (II, 364).

Понудительный залог -тур||-түр: *келтүрді* 'он привел' (II, 227).

Аорист -р, -ар||-ер, -ур||-үр: *төзер* 'он будет голодать' (III, 183), *күшерүр* 'он будет расти' (I, 103), *ташықар* 'он выйдет наружу' (II, 131),

²⁴ Источники старокыпчакского языка обычно указывают на формы *ол йа қурды, біз йа қурдуқ, мен йа қурдум* и т. д.

қыпчақлар 'он делает его кыпчаком' (III, 363). Сложная форма *-а турур*, то есть *а...ур*: *Етіл суы ақа турур*, *Қайа түбін қақа турур* 'Вода в Етиле течет, ударяясь о подножье скалы' (I, 103). Одной из форм аориста является аффикс *-мас||-мес*: *көк темүр кирү турмас* 'настоящее железо не останется без внимания' (I, 342).

Повелительное наклонение в III л. ед. ч. *-сун||-сүн*: *чыксун* 'пусть выходит', *кірсүн* 'пусть входит' (I, 342).

Деепричастие *-а||-е*: *ақа* 'течет, букв. протекая' (I, 103).

Имя действия образуется при помощи аффикса *-мақ||-мек*: *ташық-мақ* 'выйти наружу; выход' *төзмек* 'голодать; голодание' и т. д.

Вышеуказанные аффиксы с точки зрения общетюркских способов словообразования и словоизменения ничего нового не представляют. В более поздних старокыпчакских памятниках (XIII—XIV вв.) употребляются те же аффиксы.

Лексические особенности. Махмуд Кашгари снабдил пометой «кыпчакское» лишь 52 слова. Из них 16 слов он выделяет как чисто кыпчакские, остальные (36) относит к общетюркским. Основную часть кыпчакских слов (32) он считает общей с огузскими, а остальную — с другими тюркскими языками, в частности: с ямакским (6), суварским (6); с языками ягма (5), тухси (3), кай (2); с болгарским (2), татарским (1), туркменским (1), карлукским (1); с языками ясмылов (1), ябаку (2), чумулов (2), ыграков (1)²⁵.

Разумеется, автором указаны не все кыпчакские слова, равно как и не все их фонетические особенности и грамматические форманты. Например, он приводит слово *қат* 'фрукты', считая его общим для кыпчакского и чумулского языков, однако не распространяет эту общность на производную от этой основы форму *қатлан*. Из сочетания *ер тумлуғқа төзді* 'мужчина проголодался на холоде' автор выделяет лишь последнее слово *төзді* (III, 198), называя его кыпчакским, и этим ограничивается.

Из приведенных автором собственно кыпчакских²⁶ и общих для кыпчакского и других тюркских языков слов большинство — имена существительные. Так, например, личные имена: *Табар*, *Етіл*, *Ертіш*; этнонимы: *ямак*, *кыфчак*; названия животных: *аба*, *теве*; названия вещей, предметов, одежды, домашней утвари, пищи и т. п.; названия растений, деревьев, явлений природы и т. д.

В Словаре встречается несколько кыпчакских глаголов и имен прилагательных.

Однако все слова, указанные Махмудом Кашгари как кыпчакские, в фонетическом, грамматическом и лексическом отношениях в конечном счете не отличаются от общетюркских. Многие слова и формы, характерные, по данным Махмуда Кашгари, для других тюркских языков, встречаются и в кыпчакских письменных памятниках, однако не исключено и обратное явление: чисто кыпчакские особенности иногда можно проследить в письменных памятниках других тюркских народов. Исключение составляют некоторые фонетические признаки, ставшие атрибутами современных кыпчакских языков. Сказанное подтверждает правомерность предположения Н. А. Баскакова о том, что кыпчакский язык XI—XIV вв., «сохраняя в своей основе кыпчакские черты, приобрел также в результате поглощения кыпчакскими языками других родственных языков некоторые общие черты с огузскими и отчасти с болгарскими языками».

²⁵ См.: ДТС, приложение I, стр. 644—648.

²⁶ К «собственно кыпчакским» мы относим слова, имеющие помету «кыпчакское» без указания на их наличие в других тюркских языках.

ми», и что сохранившиеся памятники характеризуются и кыпчакскими, и огузскими чертами²⁷.

Возможно, что под этнографическим названием «кыпчаки» имелось в виду политическое военно-племенное объединение ряда тюркских народностей, племен и родов. Многие из них, находясь в зависимом положении и под угрозой физического уничтожения, отказывались от своих родовых имен, называя себя «кыпчаками». Но это, очевидно, не мешало им говорить на своих родных языках, постепенно превращавшихся в определенные диалекты кыпчакского языка, который, однако, по мнению ряда тюркологов, не стал единым языком народности. «В тюркском языкознании, — пишет Э. В. Севортян, — известны памятники нескольких древних кыпчакских языков, иногда удаленных друг от друга на многие тысячи километров. Каковы исторические связи этих разных языков, можно ли возвести их к одному языку-основе — все эти и многие другие важные вопросы еще ждут своей постановки...»²⁸ Поэтому думается, что в Словаре Махмуда Кашгари речь идет о языке, который Н. А. Баскаков называет «домонгольским кыпчакским» или «куманским», а также «половецким». Во времена Махмуда Кашгари эта часть кыпчаков была одним из доминирующих племен тюркских народностей, населявших степные районы от Тянь-Шаня до Дона, включая прилегающие области Кашгара, Джетысу, Средней Азии и южнорусских степей.

²⁷ См.: Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 146—147 и др.; его же. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 231—232 и др.

²⁸ Э. В. Севортян. Об ошибках казахских языковедов. — «Вопросы языкознания», 1953, № 2, стр. 115. См. там же: «О научных трудах по казахскому языкознанию».

В. И. АСЛАНОВ

„ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК“ МАХМУДА КАШГАРИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

Ни один письменный памятник или словарь не в состоянии охватить все лексическое богатство языка. Поэтому вполне естественно, что и в «Диване» Махмуда Кашгари зафиксированы далеко не все употреблявшиеся в тюркских языках 900 лет назад слова. Можно, например, не сомневаться, что существующее в ряде современных тюркских языков слово *er* со значением «рано» употреблялось наряду с *ertä* еще во времена Махмуда Кашгари. Хотя это слово и не встречается в «Диване» последнего, его можно обнаружить в «Диване» Кады Бурханеддина:

Bu dünlä k'öñülü isdäju vardum isiginä.

Dedi ki zülfümä tolasmys idi er axsam.

‘В такую ночь я отправился к ее двору просить свое сердце.
(Она) сказала: (оно) было в моих локонах рано вечером’.

Глаголы *ujal-* и *utan-* ‘стыдиться’, по-видимому, восходят к корню *ut||ud||uδ||uj||ü* ‘стыд’, ‘стыдиться’, не отмеченному в «Диване» Махмуда Кашгари, но встречающемуся в КДК¹:

Kādāmi kutsuz gālin dejinā,
Utsuz gālin desinlär (135).

‘Чем прослыть невесткой, приносящей несчастье,
Лучше прозываться бесстыжей невесткой’.

В «Диване» Махмуда Кашгари представлено, несомненно, производное слово *ajuk* ‘обещание’, следовательно, глагол *aj-* в ту эпоху мог означать не только «говорить», но и «обещать». В ДКБ мы встречаем глагол *ada-* в значении «обещать», восходящий, по всей видимости, к корню *aj-||ad-*:

Süd jerinä eskini içürdi bağa dajā,
Ol vāslini özgälärä adajā rāvamı? (299).

‘Кормилица вспоила меня вместо молока своей любовью,
Разве возможно, чтобы она обещала встречу другим?’.

Слово *ajrak* ‘лазутчик’, несомненно, не могло быть новообразованием в азербайджанском языке XVI века, когда было переведено «Шухаденаме», ибо несколько раньше в огузской группе тюркских языков,

¹ Список условных сокращений см. в конце статьи.

в частности в азербайджанском языке, звук *γ* в составе аффиксов начал редуцироваться, сохранившись лишь в наиболее древних образованиях. Следовательно, и слово *ajyak* могло возникнуть во всяком случае не позже составления «Дивана» Махмуда Кашгари:

Nečä ajyaylar Zijadoyluna dedilär k'i,
Müslimün ik'i oyly bu sähärda gizlödürlär (187).

‘Несколько лазутчиков сказали Зиядоглу, что
 Два сына Муслима скрываются в этом городе’.

Слово *us* ‘разум’ и производные от него глаголы *usla-* ‘разуметь’, *uslap-* ‘стать разумным’ употребляются в азербайджанских письменных источниках. И если в «Диване» Махмуда Кашгари из всех этих слов зафиксировано только производное *usla-*, то это говорит о том, что основа *us* встречалась в тюркских языках и в XI веке.

Производный глагол *karakla-* ‘грабить’, ‘производить разбой’ Махмуд Кашгари включил в свой «Диван». Слово же *караксу* ‘разбойник’, хотя и отсутствует в «Диване», встречается в «Кутадгу билиг» и в письменных источниках азербайджанского языка. Именно это дает нам основание утверждать, что и *караксу* входило в словарный состав тюркских языков эпохи Махмуда Кашгари.

То же можно сказать об основе производного глагола *zarla-*, который в «Диване» Махмуда Кашгари означает «реветь», «трубить». Основа данного глагола сохранилась до сих пор в азербайджанском языке. В письменных памятниках можно найти: *zar* ‘весть’, *zarçu* ‘глашатай’, *zarla-* ‘трубить’.

Слова, встречающиеся в общетюркских памятниках домахмудовской эпохи и зафиксированные в более поздних письменных источниках того или иного тюркского языка, свидетельствуют о том, что не все лексические единицы тюркских языков XI века были учтены в «Диване» Махмуда Кашгари. К таковым относятся: *günilä-* ‘завидовать’, *jasa-* ‘устраивать’, *az* ‘желание’, *buñ||muñ* ‘печаль’, *buñal-||muñal-* ‘печалиться’, *joluk-* ‘встречаться’ и многие другие.

Слово *uçruk* в «Диване» Махмуда Кашгари, *uçu||uçuk* в других тюркоязычных памятниках означает «сыпь», «налет на губах». Глагол же *uçip-* в форме возвратного залога в письменных источниках азербайджанского языка имеет значение «бояться», «дрожать (в основном от испуга)»:

K'öñül uçundy çu gördi gejsuläri çärisin (ДКБ, 223).

‘Сердце встрепенулось, как только увидело полчища ее локонов’.

Следовательно, у нас есть основание полагать, что в X—XI веках глагол *uç-* был полисемантическим и имел еще значения «дрожать», «бояться»², «встрепенуться», не зафиксированные в «Диване» Махмуда Кашгари.

Вместе с тем «Диван» Махмуда Кашгари до сих пор продолжает оставаться ценнейшим и достоверным источником изучения исторической лексикологии, фонетики, грамматики и диалектологии тюркских языков.

По нашим предварительным подсчетам, «Диван» Махмуда Кашгари содержит более 8000 лексических единиц. Из них более 5000 встре-

² В азербайджанских письменных источниках весьма часто в значении «бояться» выступает глагол *uşap-*, которого также нет в «Диване» Махмуда Кашгари.

чается в современном азербайджанском литературном языке, или в его диалектах и письменных источниках. В это число не включены слова, претерпевшие в современном азербайджанском языке в результате исторического развития семантические сдвиги, например: *ävlän* 'считать домом', *adaş* 'друг', *baldyg* 'выступ', 'вершина горы', имеющие в современном азербайджанском литературном языке соответственно значения: «обзавестись семьей», «тезка», «икра (ноги)».

Нами не учтены и слова, потенциально возможные в азербайджанском языке, но не представленные в существующих письменных источниках и словарях. Слова *başyl* 'с пятном на лбу', *bojmal* 'с пятном на шее' не встречаются в азербайджанском языке, однако наличие *täräl* 'с пятном на лбу', которое образовано по той же модели, что и предыдущие слова, позволяет предположить, что *başyl*, *bojmal* могли употребляться в азербайджанском языке. Приведем другой пример: сочетание *iç top* 'нижнее белье' не встречается в письменных источниках азербайджанского языка, хотя в письменном памятнике азербайджанского языка XVI века «Шухаденаме» употребляется слово *tiz top* 'штаны'. А если в языке имелось слово *tiz top*, то могло быть и *iç top*.

В данной статье нами рассматривается лишь небольшая часть ныне вышедших из употребления лексических параллелей, встречающихся в «Диване» Махмуда Кашгари и в письменных памятниках азербайджанского языка. Причем, эти лексические параллели мы ограничиваем лишь так называемыми архаизмами, до сих пор почти не рассматривавшимися в работах по азербайджанскому языку. Поэтому мы оставляем в стороне слова типа *aγ-* 'подниматься', *tamu* 'ад', *uçmaγ* 'рай', *jazy||jaban* 'степь', *bitig* 'письмо', *suç||jazyk* 'грех', 'вина', *gün* 'народ', *iray* 'далекий', *saγru* 'больной', *näsna||nästä* 'вещь', *tanyk* 'свидетель', *ijä* 'хозяин', 'владелец', *katy(γ)* 'сильно', 'крепкий', *äsrük* 'пьяный', *jarlyu* 'повеление', *tuγra* 'монограмма', *jäγta* 'грабеж' и т. п.

Слово *cig||cij* в письменных источниках азербайджанского языка имеет значение не только «сырой», но и «роса»:

Bärgi-näsrin üzrā, jarāb, ob d'zilmis inzülār,
Sübhdām väktindä düsmüs *čijmi* ja dārdānmidür? (Насми, 189).

'О боже, те жемчужины, нанизанные на листья гиацинта,
Роса ли, выпавшая в утреннюю пору, или пот?'

В результате фонетического расщепления от слова *čij* в современном азербайджанском языке образовались *čij* и *šeh*; за первым из них закрепилось значение «сырой», за вторым — «роса». Слово *či* 'сырость', 'роса', 'влажный', а также производные от него *čilä-* 'брызгать', 'намачивать', *čilät-* 'заставлять потеть' зафиксированы в «Диване» Махмуда Кашгари. Глагол *čilä-* употребляется в азербайджанской разговорной речи. Если согласиться с предположением о том, что глагол *čisä-* 'испускать мочу (о детях)', *čiš* 'возглас, побуждающий детей мочиться', а также диалектные *čisäk* 'мелкий дождь', *čisälä-* 'накрапывать (о дожде)' восходят к корню *či*, то можно, наверняка, заключить, что слово *či* с широкой семантикой в эпоху Махмуда Кашгари было употребительно во многих тюркских языках, в том числе и в азербайджанском. Оно могло иметь значения «сырость», «сырой», «влага», «пот», «роса», «моча».

Таким образом, *čilä-*, *čisä-* и *čisälä-*, где *-lä-*, *-šä-*, *-sälä-*, несомненно, являются аффиксальными элементами, восходят к одному и тому же

корню. Синкретичная глагольно-именная основа могла иметь также значения «потеть», «мочиться», «накрапывать (о дожде)» и т. п.³

Как известно, с помощью аффикса *-lyk||-lik'||-luk||-lük'* от ряда именных основ можно образовать слова со значением предмета одежды. Ср., например, *äl||älik'* 'рука' — *älik'* (в живой разговорной речи у азербайджанцев) || *äliglik'* («Диван» Махмуда Кашгари) 'перчатки'; *tär* 'пот' — *tärlik'* (письменные источники азербайджанского языка и «Диван» Махмуда Кашгари) 'потник'. Основа производного слова современного азербайджанского языка *jajlyk* 'платок' восходит к *jaγ* 'жир', 'масло', 'пот'. Данное слово в форме *jaγluk* широко употребляется в диванах Кады Бурханеддина, Кишвери, Хатаи, например:

Saγyrdyn, ej sāmānsima, jaγayyṇa dūsan tärdür,
Kātan jajlyṇ bilä ol tärni, ej simin bādān, dārdür (Кишвери, 17).

'От вина, о гиацинтоликая, щеки твои вспотели,
 Платком из льна, о серебротелая, вытри тот пот'.

Слово со значением «платок» в «Диване» Махмуда Кашгари также образуется с помощью аффикса *-luk*, но от основы *suγ* 'вода' — *suγluk*.

С целью экономии места, в дальнейшем приводится лишь перечень архаизмов (для современного азербайджанского литературного языка) с соответствующими иллюстрациями из письменных источников и необходимыми примечаниями.

aγyrla- 'почитать'.

Ol any jedirār, ičirār, aγyrlar, äzizlär (КДК).

'Она его (гостя) накормит, напоит, уважит, обласкает'.

akyn 'налет', 'нападение'. В «Диване» Махмуда Кашгари не зафиксировано. Тем не менее наличие производного от данной основы — *akyn-čy* 'летучий отряд' — не оставляет места сомнению, что *akyn* широко употреблялось в эпоху Махмуда Кашгари.

K'öñlülü yarāt etdi zaḡu zülfü,
Sanasyn küdsä akyn etdi k'äffar (ДКБ, 192).

'Ее локоны-чародеи ограбили сердце (мое),
 Как будто неверующие (безбожники) совершили набег на святилище'.

Akynčylaryṇ tirk'esi baγy, üzāṇisi kajsy üzülür (КДК, 100).

'У воинов оборвется перевязь у колчана, ремень у стремян'.

azun 'мир', 'земная жизнь'. В ДКБ встречается в форме *üzün*:

Nä väsilä bini buldum, nä hižrilä nigarymy,
Ölüm baṇa jegiräk'dür häkikätdä bu üzundan (33).

'Во встрече себя не обрел я, в разлуке — возлюбленную,
 Поистине, смерть для меня лучше такой жизни'.

amaž 'цель', 'мишень'. В письменных источниках азербайджанского языка употребляется в двух формах: *amaž* и *umaž*:

Gämzāṇ oxuna k'öñlümü amaž eläjjibām (Кишвери, 147).

'Для стрел твоих ресниц я сердце свое превратил в мишень'.

Baγrymy beristä kylyr ü jürägi ristä,
Kylaly gözi oxlaryna zaṇımy umaž (ДКБ, 154).

'Грудь мою вешает на нить, сердце (мое) превращает в нить,
 С тех пор, как я превратил свою душу в мишень для стрел ее глаз'.

³ Фонетическое соответствие *č||s* позволяет предположить, что *či* и *sij-||sid-||sit-* восходят к одному и тому же корню.

ar- 'устанавливать, утомлять'.

Kaşar dāxi olurisān kovysaram sān *arynza* (ДКБ, 280).

'Если даже ты убежишь, я буду гнаться за тобой, пока ты не устанешь'.

Основа глагола *ag-* сохранилась еще в составе второго компонента парного слова *jogun-agun* 'усталый'.

aşu 'шлем'. В письменных источниках азербайджанского языка встречается в форме *uşuk*. В самом «Диване» Махмуда Кашгари производное от этой основы слово дано в виде *jüşyklü* 'имеющий шлем':

Gün k'imi syldajyb gälän kafirin basynda *uşuğdyr* (КДК, 71).

'То, что идет (приближается), сверкая, как солнце, — шлемы на головах гяуров'.

asy 'польза', 'выгода'.

Zahidā *asy* ejlāmāz xirkeji-parā-parāsi (Насими, 152).

'Отшельнику не принесет никакой пользы его изодранная власяница'.

Akibāt cünk'im kojub getmāk' gārāk',
Ej Āmani, nā *asy* āmsak'dyn (Амани, 83).

'В конце (жизни) придется оставить и уйти,
О, Амани, какая польза от скупости?'

Слово *şuquş* в «Диване» Махмуда Кашгари выступает как синоним *asy*. В том же значении оно употребляется в азербайджанской разговорной речи: *Ähmäd şuxuşyny bilmir* 'Ахмед не знает, что ему выгодно'.

ajay 'чаша'. Данное слово встречается почти во всех письменных источниках азербайджанского языка, производное же от этой основы *ajayçu* 'гончар' обнаружено пока только в ДКБ:

Hezaran Rüstāmi-dastan esiginā *ajaxçydyr* (345).

'Тысячи легендарных Рустамов — гончары у твоего порога'.

bayda- 'дать подножку'.

Bejrāk' kuzyn inā belinā girdi, *baydady* (КДК, 48).

'Бейрек обхватил нежную талию девицы, дал подножку'.

baş 'рана'.

Häsretin dārdi şykardy jüräğimdā *başlar* (Насими, 181).

'Тоска по тебе нанесла раны моему сердцу'.

başla- 'быть предводителем'.

Cün özi *başlar* Āmani
Doğru jola här gümrahi (Амани, 140).

'Так как Амани сам направляет
На верный путь каждого заблудшего'.

В отличие от «Дивана» Махмуда Кашгари в азербайджанских письменных памятниках глагол с указанным значением образуется от той же основы нередко и с аффиксом *-ar-* — *başar-*:

Kylayuzsuz jol *basaran* Kazan ār idim (КДК, 143).

'Предводительствовавшим без проводника был я, муж Казан'.

Jol irax, gezä karayı, kimsä jox ^vbasaryzy (Кишвери, 115).

‘Дорога длинна, ночь темна, нет никого, кто бы предводительствовал’.

bilä ‘вместе’. Весьма интересны случаи употребления данного слова в КДК (оно следует за деепричастием) и в «Шухаденаме» (употребляется совместно с послелогом *ilä*):

Kajtabanda kyzyl dävä bundan k'eçdi,
Törümläri bozlajyb *bilä* k'eçdi (КДК, 77).

‘Вереницами красные верблюды здесь прошли,
Со своими верблюжатами с ревом прошли’.

Imam Hüseyinü kyzlary ilän *bilä* idi («Шухаденаме», 206).

‘Она была вместе с дочерьми имама Хусейна’.

busar- ‘затуманиться’. В азербайджанских письменных источниках нами обнаружено только производное от данной основы — *busaryk*:

Düm kara *busaryk* ordumuñ üzärinä tök'ülü gördüm (КДК, 30).

‘Я увидел, что иссиня-черный туман опустился на мою орду’.

daz||taz ‘плешивый’, ‘безрогий’, ‘неплодородная (земля)’. Данное слово в современном азербайджанском языке имеет лишь одно значение — ‘лысый’. В КДК и «Шухаденаме» оно означает еще и «свободная//пустая (земля)»:

Daz jerdä torayaj atmayä jaksy ^v(КДК, 61).

‘Он пригоден для стрельбы в жаворонков на голом месте’.

dil-||til- ‘резать’. Нетрудно определить значение данного глагола на основе производного от него слова *dilim* ‘ломтик’, которое имеется и в современном азербайджанском литературном языке. Сам глагол встречается в ДКБ:

Nä nāzärdür bu k'i toxununzayaz bu dilümä,
Dilümi *dilä* vü gälmäjä däxi dilä nāzär (211).

‘Что это за взгляд, что как только прикасается к моему языку,
Режет его на ломтики, но (такой) взгляд неопишуем’.

äjägü ‘ребро’, ‘хрящ’.

Äjägülü ulalur, karıyaly böjür (КДК, 18).

‘У кого есть хрящи, тот растет, у кого есть ребра, тот мужает’.

ämik'daş ‘молочный брат (или сестра)’.

Bu kul mänüm kardasum vä *ämikdasumdu* ^v(«Шухаденаме», 179).

‘Этот раб — брат мой и молочный брат’.

Mälaik' ^vtak' sän, ej hurisifät, ruhi-müzärrädsin,

Sağa xursid olub dajä, Mäsihadur *ämik'tasy* ^vñ (Кишвери, 43).

‘Подобно ангелам, ты, о гуриеликая, абстрактный (бестелесный) дух,
Солнце было твоей кормилицей, Мессия — твой молочный брат’.

änük' ‘детеныш’. Весьма часто встречается в КДК и ДКБ:

K'öñülümä gözlärün sol räsmilä axarlar,
K'i, kaplan *änük'läri* ^vaxup edä kojunuma (ДКБ, 238).

‘Твои глаза совершают набег на мое сердце так,
Как детеныши тигрицы набрасываются на моих баранов’.

äñäk' ‘подбородок’.

K'öñülümü salmaγul ÷uxuγina äñägün (ДКБ, 308).

‘Не бросай мое сердце в ямочку своего подбородка’.

Следует отметить, что в одной из газелей Кишвери встречается и слово *sakaγ* со значением «подбородок», под которым рукой переписчика его «Дивана» едва заметными буквами приводится персидский перевод:

Sakaγ zännät almasy, tänü ändamy märmärtäk' (42).

‘Подбородок ее райское яблоко, тело ее подобно мрамору’.

äsän ‘здоровый’. Данное слово в азербайджанских письменных памятниках как правило употребляется параллельно с *saγ*:

Oγluγ saγdyr *äsändir* (КДК, 23).

‘Твой сын жив и здоров’.

Saγ *äsän* savasdan äl ÷äküb durdylar («Шухаденаме», 17).

‘(Будучи) живыми и здоровыми, отказались от борьбы’.

ilät- ‘нести’.

Ej badi-säba bändän *ilät* jarä sälämi (Насими, 28).

‘О, утренний ветер, передай привет возлюбленной’.

il- ‘зацепиться’. В современном азербайджанском языке от данной основы имеется много производных слов, например: *iliš-* ‘зацепляться’, *ilmäk'* ‘узел’, *ilgäk'* ‘петля’, однако сам глагол не сохранился.

Зап kusyn görmämisäm däxi saçuγa *iläli* (ДКБ, 340).

‘Я не видел птенца своей души с тех пор, как он зацепился

(запутался) за твои волосы’.

ysyr- ‘кусать’.

Jigit, barmaγup *ysyrdy*, ajdyr (КДК, 45).

‘Молодой человек, прикусив свой палец, сказал’.

Lä'lüñi sän aγzuma urub *ysyrsaγ* läbümi (ДКБ, 5).

‘Прильни своими губами к моим устам и кусай мои губы’.

için ‘тайком’. Данное слово встречается в КДК, ДКБ, «Шухаденаме» и других источниках. В современном литературном языке оно сохранилось в составе словосочетания *için-için ayla-* ‘тихо плакать’.

Söhbätümüz sänün ilä *içindür* (ДКБ, 283).

‘Наш разговор с тобой (происходит) тайно’.

jakyš- ‘подходить’.

Boγy boγyna, belı belinä, kolu koluna *jakysdy* (КДК, 106).

‘Рост пришелся по его росту, талия — по его талии, рукав — по его руке’.

^vSejxli^vy kimä ^vjaky^vsur (Тезкере Шейха Сафи, 17).

‘Кому подходит старость’.

jar ‘слюна’. Как правило, в письменных источниках азербайджанского языка встречается в сочетании с *ayuz*:

Anhar k'ibi gätürdi ^vzusa^v,

Ayuz^vu *jary* ^vdeşmeji-hä^vjati (Насими, 25).

‘Привела в состояние кипения, подобно рекам,
Живую воду слюна (из) твоих уст’.

jaš- ‘спрятаться’. Некоторые производные от данной основы слова дошли до наших дней, хотя они и находятся сейчас на грани архаизации (мы имеем в виду имя *jašmak* ‘лицевая повязка у женщин на Востоке’ и глагол *jašup-* ‘стыдиться’):

^vZähännäm ahli dägüläm, nigara, ^vzännätijäm,

Nezäsi sänčiläjin huridän gözüm ^vjasam (ДКБ, 248).

‘О, любимая, я не из адских жителей, а райских,
Как же мне спрятать свои глаза перед такой гурией, как ты?’.

jastan- ‘прислоняться’.

^vEsigin^vdä ^vdüsmisäm här gezä ^vdasä ^vjastanub (Кишвери, 7).

‘Я нахожусь (стою) у твоего порога каждую ночь, прислонившись к камню’.

jupar ‘мускус’. В азербайджанских письменных памятниках встречается в форме *ураг*:

Joxdur gözün tāk' bir k'ejik', zülfün tāk'i *upar* hām (Кишвери, 11).

‘Нет лани, подобной твоим глазам, нет мускуса, подобного твоим локонам’.

jel- ‘скакать’, ‘мчаться’.

Bünza k'im *jeldi*, jügürdi, jetmädi Mäznun maṇa (Физули, 63).

‘Как ни мчался, сколько ни гнался, не догнал меня Меджнун’.

jelim ‘клей’, ‘липучка’.

Jel k'imi jetdi, *jelim* kimi ^vjapysdy (КДК, 107).

‘Вихрем налетел на него, прилип, как клей’.

jük'ün- ‘поклоняться’, ‘молиться’. Данный глагол в «Диване» Махмуда Кашгари встречается наряду с синонимичным *tar-*. В ранних письменных памятниках азербайджанского языка также употребляются оба глагола. Из них глагол *jük'ün-* начал выходить из употребления несколько раньше. После того, как заимствованные из арабского языка *säädä*, *ibädät* окончательно закрепились в азербайджанском, глагол *tar-*, а также производные от него имена *тарузу*, *тарап* перешли в разряд архаизмов.

^vZigar k'äbāb edübān, kylmysam ^včak'idä ^vjasy^v,
K'i *jük'ünüb* idügam jaryma ajaky tolu (ДКБ, 204).

‘Я бросил в огонь сердце свое, пролил слезы,
Чтобы, молясь, напоить возлюбленную свою’.

Cin ü Xitaja surätin näksini gëndär, ej sänäm,
Ta бүti — Cinä *tapany* göstäräsän xätasyny (Насми, 184).

‘О, кумир мой, отправь свой портрет в Син и Хитай,
С тем, чтобы показать заблуждение того, кто молится||поклоняется
китайскому идолу’.

jeŋ ‘рукав’.

Jeŋim ilän alza kanym silmäjinä... (КДК, 23).

‘Пока я не утру рукавом свою алую кровь’.

juk- ‘поражать’, ‘приставать’, ‘прилипать’. Данный глагол обнаружен пока только в ДКБ:

Eski jahar ü hiŋri juxar ü yämzäsi juxar (262).

‘Любовь к ней сжигает, разлука с ней уничтожает, ресницы ее поражают’.

kaky- ‘сердиться’, ‘злиться’.

Bunu esitääk’ Banu Cičäk’ kakydy (КДК, 65).

‘Услышав это, Бану-Чичек рассердилась’.

karak ‘веко’. Слово *karak* в указанном значении весьма часто употребляется в КДК, в современном же азербайджанском языке оно имеет значение «крышка».

Karak kaldyrdy (КДК, 22).

‘Она подняла веко’.

karak ‘глаз’, ‘зрачок’.

Gözün k’öñül kanyny mej dejüv k’i tolu içär,

Su sārḡos oldu soñuŋu karaky xabā dūsär (ДКБ, 326).

‘Глаза твои пьют кровь моего сердца, считая ее вином,
Опьянев, в конце концов глаза погружаются в дремоту’.

Отметим, что производное от данной основы *karaklyy*, наряду с *k’özlüg*, в «Диване» Махмуда Кашгари означает «имеющий глаз». В азербайджанских же письменных источниках *karaklyy* наряду с *gözçü* употребляется для передачи значения «дозор», «передовое охранение»:

Anlar k’i läsk’ärün karalyyy idilär («Шухаденаме», 56).

‘Те, которые были дозорными армии...’.

karu ‘локтевая часть руки’.

Jajyn karusuna burakdy (КДК, 117).

‘Перекинул через локоть свой лук’.

Zülfejni ilä karularym baylamysam bän,

Bän aña fäda, bu ola karum, pedäräm bän (ДКБ, 367).

‘Я связал руки свои ее локонами,

Да буду я ее жертвой — вот мой ответ, что же мне делать’.

Как видно из последнего примера, в ДКБ представлено также слово *karu* ‘ответ’, омонимичное имеющему значение «локтевая часть руки»:

Kardym saña bän bāni, kojduŋ joluŋa dīni,

Saxlarsaŋ baŋa k’ini, bumydy baŋa karu (368).

'Я соединил себя с тобой, ради тебя отказался от веры,
Ты хранишь (в сердце) злобу ко мне, это ли мне ответ твой?'

kan- 'удовлетвориться'. В «Диване» Махмуда Кашгари дается и каузатив данного глагола — *kandur-* 'напоить'. В азербайджанских письменных источниках встречаются и *kan-*, и *kandur-*:

Biz sänün lä'li-läbündän kanaruz (ДКБ, 304).
'Мы намерены утолить жажду твоими, как яхонт, губами'.

Kandyrdy k'ainaty känd ü näbatä lä'lün (Насими, 28).
'Напоили Вселенную сахаром и леденцом твои губы'.

kuz 'дорогой'.

Alündän ajaya biñ zap ü dil üzüz verälüm,
Üzüz dägülsä, oylan, gätir k'i, kuz içälim (ДКБ, 331)⁴.

'За чашу (одну) из твоих рук мы дадим тысячу душ и сердец,
и то недорого,
Если недешево, юноша (человек), то давай выпьем дорогое'.

kody||kozy 'вниз'. Данное слово в азербайджанских письменных памятниках встречается в форме *koyi||kuji*. В современном же азербайджанском языке в разговорной речи в сочетании с *üz* оно имеет форму *üzü küjü* 'ничком'.

Haris jüzi küji düsdi («Шухаденаме», 193).
'Харис упал ничком'.

kojuy 'густой'. Данное слово в ДКБ имеет значение «твердый», «твердо»:

Bän sänü säväräm, sävisäräm,
Bu sözi türk'zä kojux dijälim (171).

'Я люблю, буду любить тебя,
Это слово мы скажем по-тюркски твердо'.

k'ölük' 'вьючное животное'. Данное слово в азербайджанских источниках имеет значение «кляча»:

Sän o jana jel täk'i atyn sürärsän lejk'män,
K'ölügüm axsar Mädinä sary nezä gedäjim («Шухаденаме», 203).

Ты, как ветер, гонишь своего коня в том направлении.
Как же мне добраться до Медины, ведь моя кляча хромает'.

k'ürä 'серьги'.

Kulayy altun k'üräli... Jejnäk' çapar jetdi (КДК, 40).
'С золотыми серьгами в ушах прискакал Егенок'.

Ej k'üräji inzüdän edän bändän esit pänd (Насими, 45).
'О, тот, который делает серьги из жемчуга, слушай мой совет'.

kyrnak 'рабыня'.

Kyrk kyrnak oyul Uruz basyna azad elädi (КДК, 41).
'Сорок рабынь ради (сохранения) головы своего сына Уруза освободил'.

⁴ Для поэтической речи Кады Бурханеддина характерно использование одного и того же слова одновременно в его разных значениях, что позволяет различно интерпретировать весь бейт, а иногда даже и всю газель.

k'āmiš- 'бросать'.

Neçä biñ mö'mini bändä *k'āmismis*,
 Azäb, bu k'afirin imany joxmu? (ДКБ, 143).

'Сколько тысяч правоверных бросила в оковы,
 Удивительно, разве у этой неверной нет веры?'

k'äläzi 'слово'.

Bäk'il gördi xatun kisiniñ äkli, *k'äläzisi* ejidür (КДК, 124).
 'Бекиль увидел, что ум и слова жены хороши'.

Азы *k'äläziläriñ* çünk'i tatlu gäldi baña (ДКБ, 190).

'Твои горькие слова казались мне сладкими'.

māñ 'родинка'.

Kyldy Hindustany talan *bāñlärün* (Насими, 139).
 'Ограбили Индию твои родинки'.

Aylamakdan ol *bāñ* görük'māz olupdur («Шухаденаме», 42).
 'От слез той родинки не было видно'.

mīñar 'ключ', 'родник'.

Uzun *Bīñar* demäklä mashur bir *bīñar* vardy (КДК, 113).
 'Существовал источник, известный под названием «Узун-бинар»'.

oz- 'обгонять'.

Ömrüm jarysyr göz jasy ilä gezä gündüz,
 Jaş kurijubān ömrüm any *ozä* sanasyn (ДКБ, 152).

'Жизнь моя день и ночь соперничает со слезами,
 Слезы высохли, и как будто жизнь моя обогнала их'.

öjlä 'полдень'.

Öjlädän soñra evinä gäldi (КДК, 14).
 'После полудня вернулась к себе домой'.

ök'üs 'много'.

Getdi ol dilbär bäsi dārdü bāla kaldy maña,
 Nā bāla bil k'im, *jügüs* zövrü zāfa kaldy maña (Хатаи, 17).

'Ушла та похитительница сердца, осталось со мной много горя и бедствий,
 Не только бедствий, но и много притеснений и обид'.

На наш взгляд, имя *ök'üs*||*jügüs* и глагол *üs*-||*üjüs*- 'нахлынуть', 'стекаться', который также встречается в «Диване» Махмуда Кашгари и в письменных памятниках азербайджанского языка, восходят к одному и тому же корню.

sayrak 'чаша'.

K'afir kyzlary kalyn oyuz bājlärinā *sayrak* sürüb içärlärdi (КДК, 28).
 'Дочери гяуров подавали чаши многочисленным огузским бекам, пили их'.

Tolu *sayrak* içäruz, çünk'i xumaruz, nidālüm (ДКБ, 415).
 'Пьем полную чашу, ведь мы захмелели, что нам делать'.

sasyu 'зловонный'.

Sasy dinli k'afirin dösäginā girājinmi (КДК, 35).

'Разделить ли мне ложе с гяуром нечистой веры?'

sav 'слава'. Данное слово встречается в «Диване» Махмуда Кашгари наряду с *šav*. Оба они, на наш взгляд, являются фонетическими вариантами одного и того же слова. В азербайджанских же источниках нами обнаружено только *šav*:

Hüsnüñ *šav*y rövsändürür axır bu zähanda (ДКБ, 317).

'Ведь слава о твоей красоте известна в этом мире'.

seš- 'развязывать'. Данный глагол имеет фонетический вариант *šeš-*. Примечателен тот факт, что в письменных памятниках азербайджанского языка встречаются оба варианта:

Mänim älimi *seš*in (КДК, 25).

'Развяжите мои руки'.

Šäha, zülfin girehlarinā zanym bayludur, nola,

Firak'ın bağmayı ilä ulasyyny *sešäs*in (ДКБ, 186).

'О, шахиня, душа моя привязана к извивам твоих локонов,
Что, если пальцами разлуки ты распутаешь эти узлы'.

süzik 'сладкий'. Данное слово в азербайджанских источниках имеет два фонетических варианта: *süzi* и *šüzük*:

Gözlärün içürdi läbüñün *süzilärindän* (ДКБ, 153).

'Глаза твои напоили меня сладостями (сладостью) твоих губ'.

Degil sözk'im, *šüzük* sözün yämin k'önlüm kylur sadan
(«Шухаденаме», 291).

'Изреки слово, ибо твои сладкие слова превращают в радость
горечь моего сердца'.

syryča 'стекло'. В письменных памятниках азербайджанского языка употребляется в форме *siğčä*:

K'önlüm bu *siğčäsini* k'önlünä töhfä iltür (ДКБ, 143).

'Мое сердце это свое стекло отправляет в дар твоему сердцу'.

Отметим, что в КДК слово *siğčä* употреблено в значении «мизинец».

süs- 'бодать'.

Ayajylda ayza kojın kuzuzyun *süsärmi* olur (КДК, 103).

'В стадах белые бараны бодают ли своих ягнят?'.

tabala- 'порицать'.

Damilä danäjä dūsär učan havada kus dāxi,
Düdümisä *dapalagil* zülfilä xalā, ejlämi? (ДКБ, 147).

'И парящая в воздухе птица попадает в сеть с зерном;
Если я оказался (в плену) твоих локонов и родинки,
то порицая меня, не так ли?'.

talpyn- 'трепыхаться'.

Jumruyunda *talbyn*an sahin benüm kusumy ölüg gördüm (КДК, 31).

'Я видел, как умирает трепыхающийся на моей руке мой сокол'.

tañ 'чудо', 'удивление', 'удивительный' и производный от данной основы глагол *tañla-* 'удивляться' встречаются во многих азербайджанских письменных памятниках:

Gär tutussak ^vtan imäs rüsvalyk otik'ä müdam (Амани, 10).
 'Если мы охвачены огнем срама постоянно, не удивительно'.

Mäst göziñdän ägär bän mäst olursam *tañlama* (ДКБ, 142).

'Если от твоих пьяных глаз я опьянею, не удивляйся'.

taj- 'спотыкаться', 'поскользнуться'.

Särxos ^vjigit hām ik'i žanavärlä savasmysdy, *tajyndy*, ^vdüsi (КДК, 99).

'Опьяненный (борьбой), джигит, уже выдержавший бой с двумя зверями, пошатнулся и упал'.

tuşay 'путь'.

Ajaýuna at ^v*tusayyn* urun (КДК, 134).

'Наденьте ему на ноги конские пути'.

tuzay 'силок'. Синонимом данного слова в азербайджанских памятниках является *ay*, не встречающийся в «Диване» Махмуда Кашгари:

Kara saşyñ *ayuna* çäk'di bāni (ДКБ, 186)

'Твои черные волосы вовлекли меня в свой силок'.

Düsmägä sol ^v*tuzayynā* ^vdanā garak'dür (ДКБ, 32).

'Чтобы попасть в ее сеть, нужно зерно'.

ulaş- 'присоединиться'.

Ägär mähbubä istärsäñ ^v*ulasmak* (Насими, 117).

'Коль ты хочешь соединиться с возлюбленной'.

ündä- 'звать'. Данный глагол имеет еще фонетический вариант *indä-*:

Indädülär мәзіlis ara pagāhan (Амани, 35).

'Позвали (его), внезапно, в компанию'.

Bir gāz dilārām odaýuna *ündājā* bāni (ДКБ, 189).

'Я мечтаю, чтобы она хоть раз позвала меня в свою комнату'.

Как в «Диване» Махмуда Кашгари, так и в письменных памятниках азербайджанского языка глагол *кууг-* также выступает в значении «звать».

üstür- 'просверлить'.

K'öñülüm sircāsini ^v*üstürisin* (ДКБ, 56).

'Ты просверлишь стекло моего сердца'.

udluk||odluk 'бедро', 'предплечье'.

Bejrāgin saý *ojluyun* çaldy (КДК, 153).

'Нанес удар в правое бедро Бейрека'.

ük'äk' 'погребальные носилки', 'сундук', 'башня'. Данное слово в письменных памятниках азербайджанского языка выступает в значениях «кеджаве», «крытые носилки», «кувшин».

Saxla *ük'äk'däk'i* kanuny säbahy içälüm (ДКБ, 393).

'Оставь кровь его в кувшине, выпьем завтра'.

Disiläri *ük'äk'lärdä* oturturub divälärä mindürmis aparur idilär
(«Шухаденаме», 305).

'Посадив женщин в крытые носилки, возили на верблюдах'.

Мы рассмотрели лишь небольшую часть лексических параллелей, встречающихся как в «Диване» Махмуда Кашгари, так и в письменных памятниках азербайджанского языка. К сожалению, объем журнальной статьи не позволяет упомянуть все архаические элементы азербайджанского языка, а также проанализировать перечисленные выше лексические параллели. То, что в данной статье чаще других приводятся примеры из «Дивана» Кады Бурханеддина, объясняется тем, что об этом сочинении в нашей языковедческой литературе почти не говорилось, хотя «Диван» имеет исключительную ценность для изучения азербайджанского языка XIV в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМАНИ — Фотокопия стихотворений Мухаммеда Аmani (Баку, Республиканский рукописный фонд, ФС-12-3773).

ДКБ — Kadi Burhanettin Divani, I, Tipkibasım. İstanbul, 1943.

КДК — Китаби Дәдә Горгуд. Баку, 1962.

КИШВЕРИ — Рукопись стихотворений Кишвери, Ленинград, ИВАН, В 289.

НАСИМИ — Азәрбајҹан әдәбијҹаты. Сејид Имадәддин Нәсими. Баку, 1926.

ХАТАИ — *Шаһ Исмајыл Хәтаи*. Әсәрләри, I. Баку, 1966.

ФИЗУЛИ — *Məhəmməd Füzuli*. Әсәрләри, I чилд. Баку, 1958.

М. Ш. РАГИМОВ

«ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК» МАХМУДА КАШГАРИ И ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, в диалектах и говорах тюркских языков имеется большое число слов, не встречающихся в литературном языке. Часть этих слов, характерная только для определенного диалекта или говора, составляет специфику последних.

Такие слова могут быть сугубо локализованными, то есть присущими только данному диалекту или говору. Вместе с тем некоторые из них могут представлять собой также сохранившиеся древнетюркские лексические единицы. Выявление и изучение таких слов дает весьма ценный материал для исследования семантического развития лексики тюркских языков, что составляет одну из основных задач сравнительно-исторической лексикологии.

Важное значение для успешного решения этой задачи имеют древние общетюркские письменные памятники, ценнейшим из которых является «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари. Обращение к материалам «Дивана» играет немаловажную роль в определении древнего пласта в диалектной лексике отдельных тюркских языков. Так, если специфическое для того или иного диалекта тюркского языка слово зафиксировано в «Диване» (или в других древнетюркских памятниках), то само собой напрашивается вывод о принадлежности этого слова к древнетюркскому лексическому пласту. При этом становится возможным также уточнить до некоторой степени хронологию функционирования определенной части диалектной лексики в отдельных тюркских языках.

Изучение диалектной лексики современных тюркских языков в сопоставлении с данными древнетюркских памятников может предоставить целый ряд весьма ценных фактов и для освещения некоторых сторон алтайской теории. Безусловный интерес представило бы, например, после установления перечня древнетюркских элементов (в первую очередь лексических) в отдельных диалектах и говорах тюркских языков, проведение сравнения этих фактов с соответствующими фактами тех из алтайских языков, непосредственная связь между которыми исторически исключается. Скажем, сравнение данных азербайджанских диалектов и говоров не с монгольскими, а с тунгусо-маньчжурскими языками. При этом не исключена возможность выявления слов, отсутствующих в монгольских, но представленных в тунгусо-маньчжурских языках, что, в свою очередь, позволит квалифицировать эти слова как праалтайские элементы, сохранившиеся в том или ином диалекте или говоре.

Так, в шемахинском диалекте азербайджанского языка сохранился глагол *byj-* 'мерзнуть, замерзнуть'¹. Интересно, что этот глагол почти в таком же звучании имеется и в маньчжурском языке: *beue-* 'замерзнуть'². Этот факт позволяет рассматривать данный глагол как праалтайский элемент, сохранившийся в одном из тюркских диалектов. Предположение, что указанный глагол перешел в диалект азербайджанского языка через посредство монгольского, было бы неоправданным, поскольку в последнем нет этой формы. Упомянутый глагол представлен в древнетюркском языке в виде *top-*, а в древнемонгольском — *köbši-*³. Если даже согласиться с Л. Лигети в том, что маньчжурский *beue-* 'замерзнуть' этимологически соответствует монгольскому *bege-* 'замерзнуть, совершенно оконечить'⁴, то и при этом высказанное выше предположение остается в силе: ведь нельзя же допустить, что именно в шемахинском диалекте азербайджанского языка монгольский *bege-* подвергся фонетическому изменению, превратившись в *byj-*.

Можно не сомневаться, что в отдельных диалектах и говорах различных тюркских языков имеется немало таких праалтайских элементов, выявление которых может быть убедительным свидетельством генетического родства алтайских языков.

Сравнительное исследование специфической диалектной лексики показывает, что целый ряд общетюркских слов сохранился в отдельных диалектах и говорах азербайджанского языка в первоначальном значении.

В древнетюркских памятниках, например, слово *qayap* выступает в следующих значениях: 1) каган, верховный правитель, главный хан; 2) компонент имен собственных: *ajqayap*, *altun qayap*⁵.

В общих случаях *qayap* обозначает титул. Известно, что любой титул или термин образуется на основе лексического значения данного слова. Однако в древнетюркских памятниках не зафиксировано такого значения, которое служило бы первичной семантической основой образования титула *qayap*. В ленкоранском же говоре азербайджанского языка в настоящее время бытует слово *gağan* в значении 'храбрый, смелый, сильный'⁶. Данный факт позволяет предположить, что первоначальное значение общетюркского *qayap* было именно «сильный, смелый» и что значение «правитель» образовалось на этой семантической основе.

Небезынтересно упомянуть здесь встречающееся в древнетюркских памятниках слово *qayaz* 'доблестный, мужественный'⁷, первая часть которого состоит из элемента *qay*. Если учесть древнее фонетическое соответствие в тюркских языках *г ~ z*, то можно предположить, что как *qayap* 'смелый, сильный', так и *qayaz* 'доблестный, мужественный' являются отглагольными именами на *az ~ ag* и *ap*. При таком толковании элемент *qay* в составе *qayap* и *qayaz* можно считать глагольной основой, что вполне допустимо в свете наличия в древнетюркских памятниках глагола *qaq-* 'стучать, ударять, бить'⁸. Превращение же *q* между двумя гласными в *γ* — общеизвестное явление в тюркских языках: *qaq-ap > qayap*, *qaq-ag > qayag* (~ *qayaz*).

¹ См.: Азербайжан дилинин диалектологи луг'ети. Баки, 1964, стр. 82.

² См.: Дж. Клаусон. Лексикостатистическая оценка алтайской группы. — «Вопросы языкознания», 1969, № 5, стр. 36; Л. Лигети. Алтайская теория и лексикостатистика. — «Вопросы языкознания», 1971, № 3, стр. 26.

³ См.: Дж. Клаусон. Указ. раб., стр. 36.

⁴ Л. Лигети. Указ. раб., стр. 26.

⁵ См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 405.

⁶ См.: Азербайжан дилинин диалектологи луг'ети, стр. 105.

⁷ Древнетюркский словарь, стр. 405.

⁸ Там же, стр. 422.

В агдамском говоре азербайджанского языка сохранилось слово *гымыз* в значении «кислый»: *Бу чөрәк лап гымызды* 'Этот хлеб совсем кислый'⁹. Хотя в тюркских языках слово *qimiz* широко распространено в значении «кумыс» (напиток), однако в «Диване» Махмуда Кашгари зафиксировано *qimiz* в значении «кислое», ср. *qimiz almıla* 'кислое яблоко'¹⁰.

Сравнение этих фактов из агдамского говора азербайджанского языка и «Дивана» Махмуда Кашгари позволяет утверждать, что первоначальным значением тюркского *qimiz* было как раз «кислое». Следует отметить, что при толковании слова *qimiz* составители «Древнетюркского словаря» после правильного перевода сочетания *qimiz almıla* из «Дивана» Махмуда Кашгари сочли нужным указать в скобках: «*букв. яблоко-кумыс*»¹¹, усматривая тем самым в значении «кумыс» (напиток) исходное значение слова *qimiz*, с чем, по нашему мнению, нельзя согласиться. Напомним, что в Азербайджане этот напиток не был известен, и потому исключается возможность употребления названия указанного напитка в значении «кислое».

В результате сравнения лексического материала диалектов и говоров азербайджанского языка с «Диваном» удалось выявить специфические диалектные слова, зафиксированные еще Махмудом Кашгари. Исходным источником при этом служил в основном «Диалектологический словарь азербайджанского языка» (АДЛ)¹². Примеры из «Дивана» Махмуда Кашгари приводятся по «Древнетюркскому словарю» (ДТС)¹³ как унифицированному изданию.

Выделенные таким образом слова разделены на пять нижеследующих групп.

1. Слова отдельных диалектов или говоров азербайджанского языка, совпадающие с зафиксированными в «Диване» Махмуда Кашгари как по форме, так и по значению.

Ағ- (ДТС, 16: ағ-) 'подниматься': *Гојун даға ағды* 'Овцы поднялись на гору' (физулинский говор, АДЛ, 21); *ағдї bulit kökräjü* 'поднялась туча, громыхая [громом]' (ДТС, 16).

Әнә- (ДТС, 173: епә-) 'метить, делать надрез на ушах животных' (казахский диалект, АДЛ, 218); *ol qojın epädi* 'он пометил овцу (т. е. надрезал ухо)' (ДТС, 173).

Отметим, что в казахском диалекте азербайджанского языка имеется производное слово *әнәх* 'метка на ушах животных' (АДЛ, 218), образованное от данного глагола.

Јашыр- (ДТС, 247: јаšur-) 'таить, скрывать': *Јашыр мыҗы бир мөкәм јердә* 'Спрячь это в укромном месте' (бакинский диалект, АДЛ, 242); *ol nep jašurgdı* 'он утаил нечто' (ДТС, 247).

Јенч- (ДТС, 256: јенč-) 'раздавить': *Ушағы јенчмә* 'Не дави ребенка' (кировабадский диалект, АДЛ, 246); *ol qaşunıy jenchdi* 'он раздавил дыню' (ДТС, 256).

Јығла- (ДТС, 266: јүла-) 'плакать': *О гыз нә јаман јығлыјыр* 'Как сильно плачет та девочка' (нухинский диалект, АДЛ, 248).

Түлә- (ДТС, 596: түlä-) 'линять': *Бу тојух түкүнү түлүјүр* 'Эта курица линяет' (нухинский диалект, АДЛ, 392); *at tülädi* 'лошадь линяла' (ДТС, 596).

⁹ См.: Азербайжан дилинин диалектологи лүғәти, стр. 9.

¹⁰ Древнетюркский словарь, стр. 444.

¹¹ Там же.

¹² Азербайжан дилинин диалектологи лүғәти. Баки, 1964.

¹³ Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Алчах (ДТС, 34: alçaq) 'скромный, простой': *Усувун јахшы хәсјәти вар, алчах адамды* 'У Юсифа хороший характер, он простой (скромный) человек' (казахский диалект, АДЛ, 35). См. ДТС, 34: alçaq 1. 'Скромный, смиренный, кроткий'; 2. 'Смирение, кротость'.

Интересно, что в литературном азербайджанском языке (как и в общеразговорном) слово *алчаг* употребляется в значении «низкий, подлый».

Аңгут (ДТС, 47: aŋit) 'водоплавающая дикая птица, напоминающая утку' (агдамский, шушинский говоры, АДЛ, 36).

Дами||*дамы* (ДТС, 531: tami) 'ад' (кубинский, шемахинский диалекты; ахсуинский, шушинский и сабирабадский говоры, АДЛ, 170).

В шушинском говоре данное слово употребляется еще в значении: «мучение», что, по всей вероятности, объясняется употреблением в переносном смысле.

Эних (ДТС, 174: enük) 'детеныш животных и зверей'.

В казахском диалекте данное слово употребляется только в значении «щенок», то есть детеныш собаки (АДЛ, 219), однако в сисианском и мегрийском говорах азербайджанского языка слово *эних* сохранилось в значении «детеныш животных и зверей»¹⁴.

Эсрүх (ДТС, 184: esrük) 'пьяный' (казахский диалект, АДЛ, 221).

Јаншағ (ДТС, 235: jaŋšağ) 'болтун, пустомеля' (кубинский диалект, АДЛ, 240).

Очевидно, что данное слово восходит к глаголу *jaŋša* - 'болтать', зафиксированному еще в «Кутадгу билиг» (ДТС, 235). В кубинском же диалекте азербайджанского языка имеется глагол *јаншагла* - 'болтать, пустословить' (АДЛ, 240), который образован уже от *јаншағ*.

Јемиш (ДТС, 255: jemiš) 'фрукт': *Бу ил јемишимиз бол олуб* 'В этом году у нас было много фруктов' (белоканский говор, АДЛ, 245).

Сирт (ДТС, 505: sirt) 'возвышенность, вершинка, хребет' (кубинский, нухинский диалекты, АДЛ, 362).

Туш (ДТС, 599: tüş) 'сон, сновидение': *Бир күн бир јахшы туш көрдүм* 'Однажды мне снился хороший сон' (закатальский говор, казахский диалект, АДЛ, 391).

2. Слова, совпадающие по значению, но несколько расходящиеся по фонетическому облику, причем в этих расхождениях обнаруживается целый ряд таких древнетюркских фонетических явлений, как звуковые соответствия, выпадение звуков, добавление звуков вначале для сохранения первичной долготы гласных, и др.

Арғалы (казахский диалект, АДЛ, 39) — *arğar* (ДТС, 54) 'горный баран, тур': *Ојчу Мансыр бир арғалы вурмушду* (АДЛ, 39) 'Охотник Мансур убил одного горного барана'.

По-видимому, здесь имеет место звуковое соответствие $г \sim 1$, известное в тюркских языках с древних времен.

Любопытно отметить, что в амасианском говоре азербайджанского языка, бытующем на территории Армянской ССР, встречается слово *гал* в значении «сторона», например: ... *арвад оғала-буғала гача-гача галмышды* 'Женщина бегала то в ту сторону, то в эту сторону' (АДЛ, 88). Исходя из указанного выше фонетического явления $г \sim 1$, можно предположить, что слово *гал* восходит к древнетюркскому *qağ* 'рука', которое, как указывает Л. Лигети, еще до IX века было заимствовано венгерским языком¹⁵. А тот факт, что слово *qağ* 'рука' в тюркских языках

¹⁴ Этот факт сообщил нам Б. М. Тагиев — один из составителей подготавливаемого к печати трехтомного «Диалектологического словаря азербайджанского языка».

¹⁵ См.: Л. Лигети. Указ. раб., стр. 50.

употреблялось в древности и в значении «сторона», вряд ли нуждается в объяснении.

В связи с существованием и древнемонгольского *уаг* 'рука' можно утверждать, что в указанном говоре азербайджанского языка сохранился элемент глубокой исторической древности.

Бэлкэ (агдамский говор, АДЛ, 70) 'знак, пометка для обозначения участков посевных площадей' — *belgü* '(при)знак, примета' (ДТС, 93).

Если вспомнить, что аффиксы *-g'ä*, *-g'ü* образуют в тюркских языках отглагольные имена, то нетрудно увидеть в основе этих слов пратюркский глагол **bel-* 'обозначать, быть обозначенным'.

Быгыр||бугур 'двугорбый верблюд-самец' (сальянский диалект, АДЛ, 82) — *buğa* 'верблюд-производитель' (ДТС, 210).

Вал 'хитрость, обман': *Ма вал кэлмаг исдэди, баш тутмады* 'Он хотел обмануть хитростью меня, (но) не вышло' (нухинский диалект, АДЛ, 95).

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в «Диване» данное слово зафиксировано с начальным долгим *а*, то есть без начального *у*; ср. *al* 'уловка, хитрость': *alın arslan tutar* 'хитростью можно льва поймать' (ДТС, 32).

В нухинском диалекте наличие начального *у* в слове *val* можно объяснить тем, что некоторые говоры северной группы, куда входит и нухинский диалект, сохраняют следы древнетюркской первичной долготы гласных¹⁶. Надо полагать, что начальный *у* здесь представляет собой рефлекс первичной долготы, поскольку в «Диване» Махмуда Кашгари, как было указано выше, *al* в значении «хитрость» передается именно через долгий гласный *а*. Отметим, что в варташенском говоре, входящем в северную группу диалектов и говоров азербайджанского языка, существует производный от указанного имени глагол *валла-* 'обманывать, надуть', ср. *Мәи валлама* 'Не обманывай меня' (АДЛ, 96). В бардинском же говоре и казахском диалекте азербайджанского языка, которым вообще чуждо явление первичной долготы гласных, встречается *ал* 'хитрость, обман, уловка', где начальный *а* не является долгим (АДЛ, 27).

Гарој (шамхорский говор) — *qaraçı* (ДТС, 424) 'слепой': *Азарра-дым, көздәрим гарој олмушду, сонра дохдуррар сагалтды* '(Я) заболел, глаза (у меня) ослепли, (но) потом врачи их вылечили' (АДЛ, 119).

Нетрудно увидеть в данном факте (исторически) фонетическое изменение *qaraçı ~ qaraç*, поскольку звуковые соответствия типа *ү ~ в ~ ј* известны в тюркских языках. Интересно, что в зангеланском говоре азербайджанского языка данное слово встречается в виде *гарав* со значением «куриная слепота», ср. *Гарав адамлар кечә көрмәздәр* 'Люди, страдающие куриной слепотой, по ночам не видят' (АДЛ, 112).

Туту (шушинский говор) — *tutu* (ДТС, 592) 'заклад, залог': *Бир хәли туту вериф, пул алды* '(Он) заложив один большой ковер, получил деньги' (АДЛ, 391).

Үтүх 'хитрый, умелый' (агдамский, ордубадский, лачинский и джебраильский говоры) — *ütük* 'хитрец' (ДТС, 629): *О чох үтүх кишиди* 'Он очень хитрый человек' (АДЛ, 401).

Улғаш- (лачинский говор) — *ulaş-* (ДТС, 609) 'присоединяться, связываться': *Сизнән улғашдығым күн дағылејди* 'Будь проклят тот день, когда я связался с вами' (АДЛ, 395).

¹⁶ См.: С. М. Моллазаде. Говоры кахского района Азербайджанской ССР. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966, стр. 5—7.

Үннә- (кировабадский диалект) — ündä- (ДТС, 625) 'звать': *Көр, нә чүрә үннүјүр* (<үннәјүр) 'Смотри, как (он) зовет' (АДЛ, 400).

3. Слова, близкие по значению и форме.

Адахла- 'сделать первые шаги (о ребенке)': *Ора бах еј, Садан адахлыр* 'Смотри-ка, Садан делает первые шаги' (физиулинский говор, АДЛ, 23) — адаqlап- 'встать на ноги' (ДТС, 14).

Дабры- 'ходить быстро, стремглав' (шемахинский и сальянский диалекты, сабирабадский говор): *Би дә көрдүм Гасән елә дабрыјыр ки, аз галыб мәни кечә* 'Вдруг я увидел, Гасан так быстро ходит, что скоро догонит меня' (АДЛ, 161) — tavra- 'оживляться, приходить в движение'; tavrap- 'спешить, торопиться' (ДТС, 542).

Ејмән- 'страшиться, пугаться, вздрагивать', (АДЛ, 210) — ejmān- 'робеть, стыдиться, стесняться' (ДТС, 167).

Әнiрә- 'ржать' (таузский говор, АДЛ, 219) — eṇṅä- 'реветь, стонать': *iṇān eṇṅäsä botu bozlar* 'если верблюдица заревет, верблюжонок жалобно прокричит' (ДТС, 175).

Тавлан 'бежать, бегать' (норашенский говор, АДЛ, 369) — tavrap- 'спешить, торопиться' (ДТС, 542).

Тынчыx- 'надоесть, опротиветь, докучить' (нухинский диалект, АДЛ, 383) — tünçuq- 'задыхаться, с трудом переводить дыхание' (ДТС, 567).

Гәдәр 'женский тюрбан' (закатальский говор, АДЛ, 125) — qadīr- 'поворачивать'.

Содержание и природа диалектного слова *гәдәр* 'тюрбан' соответствует значению древнетюркского глагола qadīr- 'поворачивать', что позволяет считать их восходящими к единой основе.

Гырты 'немного, маленькая часть' (ордубадский говор, АДЛ, 141) — qīrt 'короткий' (ДТС, 446).

Отметим, что в «Диване» слово qīrt имеет еще и значение «скупой», ср. qīrt kiši 'скупой человек' (ДТС, 446). И нам думается, что встречающиеся в некоторых азербайджанских диалектах слова *гырдыгыс* 'скряжничество' (сальянский диалект, АДЛ, 140), *гырдырнаг* 'скупой, скряга' (сальянский диалект, АДЛ, 140) и *гурум* 'скупой, скряга' (белоканский говор, АДЛ, 157) исторически восходят к древнетюркскому *qīg-, близкому по значению к «скряжничать, скупиться».

Как известно, в тюркских языках некоторые составные слова исторически образованы путем сочетания синонимичных компонентов. К такого рода составным словам относится и упомянутое *гырдыгыс*, где *гыр* и *гыс* являются, по нашему мнению, синонимичными глаголами. Это предположение опирается также на общеизвестное в тюркских языках звуковое соответствие г ~ s. Здесь уместно напомнить и о существовании в азербайджанском языке глагола gys- в сочетании типа *özünü gys-* со значением «скупиться на что-либо».

Гысгач 'щипцы, сделанные из тростника и употребляемые при обрезании' (сальянский диалект, АДЛ, 143) — qīsyač 'щипцы, клещи' (ДТС, 447).

Әрдәмли 'сильный, смелый' (нахичеванский диалект, АДЛ, 220) — erdām 'достоинство, доблесть, добродетель' (ДТС, 176).

Јекин 'скоро, быстро, живо' (бакинский и кубинский диалекты, АДЛ, 243) — jekīn 'бегающий, мчащийся' (ДТС, 254).

Орух 'дупло' (кировабадский диалект, АДЛ, 347) — oḡu 'яма для хранения овощей' (ДТС, 371).

Сырығ 'шест для сбивания плодов с деревьев' (шемахинский диалект, АДЛ, 364) — sīṅuq 'шест, жердь' (ДТС, 505).

Тосун 'избалованный' (таузский говор, АДЛ, 385) — *tosun* 'необузданный, необъезженный, норовистый' (ДТС, 578).

Чана 'плохой, неважное': *Нахошун халы чанады* 'Состояние больного неважное' (исмаиллинский говор, АДЛ, 453) — *чапац* 'слабый, несильный; боязливый; вялый' (ДТС, 138).

4. Слова, исторически являющиеся отглагольными именами. Основы этих слов — глаголы — в диалектах и говорах азербайджанского языка не встречаются, однако они зафиксированы в «Диване» Махмуда Кашгари, что позволяет определить составные части данной группы диалектной лексики, причем глаголы и корневые компоненты производных диалектных слов в большинстве случаев семантически совпадают.

Авал 'приход, околоток, квартал, район' (кахский говор, АДЛ, 16) — *ав-* 'собираться' (ДТС, 69).

Характерно, что наряду с этим в «Диване» зафиксирован и составной глагол *авала-* 'собираться, толпиться', который также подтверждает закономерность нашего предположения об образовании диалектного *aval* от глагола *ав-* 'собираться'. К тому же «квартал, приход» фактически означает место, куда собираются люди.

Бадах 'подножка', *бадах вур-* 'дать подножку (в борьбе)': *Кулэшэк эмбэ бадах вурмах јохду* 'Давай бороться, но (с условием, что) подножки давать не будем' (казахский диалект, АДЛ, 50) — *badya-* 'дать подножку (в борьбе)' (ДТС, 77).

Таким образом, диалектный *badax* исторически образовался путем сочетания глагола *badya-* со словообразующим аффиксом *-g* и выпадения *y*: *badyağ > badag*.

Гејмә 'туннель' (ордубадский говор, АДЛ, 124) — *qij-* 'срезать, резать (наискось, косо)' (ДТС, 440).

Динкә 'место — площадь, куда собираются люди для беседы, отдыха' (джебраильский говор, шемахинский диалект, АДЛ, 190) — *tin-* 1) 'дышать', 2) 'отдыхать', 3) 'успокаиваться, обретать покой' (ДТС, 567).

Кәвәл 'слабый, недоношенный' (кедабекский говор, АДЛ, 254) — *kev-* 'ослаблять, истощать' (ДТС, 329).

Кәнәшик 'совет' (алибайрамлинский говор, АДЛ, 281) — *keṇäš-* 'советоваться' (ДТС, 299).

Ушкү 'сверло' (закатальский говор, нухинский диалект, АДЛ, 401) — *üš-* 'сверлить' (ДТС, 629).

По всей вероятности, и слово *ушкүл* 'большая толстая игла', встречающееся в нухинском диалекте (АДЛ, 401), также образовано от этого глагола.

5. Составные слова, первые компоненты которых совпадают или же близки по значению и форме.

Гармуг 'мех с витым ворсом' (кубинский диалект, АДЛ, 119) — *qat-ṭiš* 'шерстяная материя, шерсть' (ДТС, 428).

Здесь привлекает внимание компонент *qat*, который, видимо, и выражает понятие «шерсть». Не случайно в «Диване» Махмуда Кашгари с этим компонентом встречается и другое слово, содержание которого связано также с понятием «шерсть»: *qatṣ* 'верхняя одежда из верблюжьей или овечьей шерсти' (ДТС, 429).

Гарасо 'низменность, равнина' (варташенский говор, АДЛ, 116) — *qarṣaq* 'безводная пустыня' (ДТС, 429).

Гумгума 'сосуд для воды; большой сосуд для воды, используемый при путешествиях' (бакинский и нухинский диалекты, АДЛ, 155) — *qutṣuṇ* 'сосуд для воды' (ДТС, 466).

Гурреј 'простодушный, наивный' (лачинский говор); *гуррес* 'безумный, глупый, легкомысленный' (кельбаджарский говор, АДЛ, 157) — *қигуи* 'легкомысленный, ветреный, невоздержанный, пылкий, безрассудный' (ДТС, 467).

Даварчын 'кожаная сумка' (амаснанский говор, АДЛ, 162).

Это слово состоит из двух частей: *davaḡ* и *čup*. Первая часть восходит к древнетюркскому *tavaḡ* 'добро, имущество, богатство' (ДТС, 542), а вторая — к иранскому *چیدن* *čidān* 'убирать, собирать, рассеивать'. По-видимому, *davaḡčup* первоначально означал 'кожаная сумка для вещей'.

Ирсиз 'развязный, назойливый, нахал, наглец' (нухинский и казахский диалекты, АДЛ, 237).

Очевидно, что данное слово состоит из двух частей — имени *ig* и словообразующего аффикса *-siz*, означающего отсутствие предмета или признака. В диалектах и говорах азербайджанского языка *ig* отдельно не встречается. Но в «Диване» зафиксировано слово *ig* в значении «сконфуженный, пристыженный» (ДТС, 211).

Јапағ/јапағы 'овечья шерсть, настриженная весной': *Гара јазда гујни гырхадулар, унэ дијэдүлэр јапағ* (кубинский диалект, АДЛ, 241) 'Ранней весной стригут овец, (и) её (настриженную шерсть) называют јапағ' — *јар* 'свалявшаяся, сбившаяся шерсть' (ДТС, 235).

Мајтах 'хромой': *Мајтах Әли дүнән бизә кәлмишди* 'Вчера хромой Али приходил к нам' (марнеульский говор, АДЛ, 314); *мајты-* 'хромать': *Сана нолуф, нијэ мајтыјырсан?* 'Что с тобой, почему хромаешь?' (таузский говор, АДЛ, 314) — *тајууq 1* 'кривоногий (о человеке)'; 2) 'не способный быстро бегать' (ДТС, 335).

Шырға 'украшение, наряд': *Бир көр арвад озунэ нэ шырға вуруф* 'Смотри, (моя) жена как хорошо нарядилась' (шамхорский говор, АДЛ, 470) — *сиг* 'краска, которой китайцы разрисовывают чаши; глазурь' (ДТС, 505).

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что в данном исследовании, носящем предварительный характер, мы не ставили целью определение степени совпадения лексики «Дивана» Махмуда Кашгари с азербайджанским литературным языком или его диалектами и говорами. Более того, мы считаем принципиально неправильными и по существу ненаучными попытки некоторых исследователей путем арифметического подсчета совпадающих слов в «Диване» и современных тюркских языках «доказать» принадлежность памятника тому или иному тюркскому языку, а затем и включить «Диван» в разряд непосредственных исторических источников этого языка.

«Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари — это общетюркский источник. При изучении истории отдельных тюркских языков этот ценнейший памятник XI века может и должен использоваться как одно из важнейших средств для правильного освещения узловых вопросов истории развития данного языка на всех его уровнях.

И. КУЧКАРТАЕВ

ЛЕКСИКА „ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК“ МАХМУДА КАШГАРИ И СОВРЕМЕННЫЙ УЗБЕКСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

(ИЗ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ)

В советской тюркологической литературе накоплен значительный опыт изучения языка письменных памятников XI века «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни в сопоставлении как со старыми, так и новыми тюркскими литературными языками. В большинстве историко-лингвистических исследований рассматриваются, главным образом, морфологическая структура и синтаксический строй указанных памятников, и в этой области уже сложилась солидная научная традиция и определилась четкая методика анализа исследуемого материала. Однако в изучении лексико-семантической системы старотюркских памятников и ее отношения к современным тюркским языкам сделано пока еще очень мало.

В историко-лексикологических изысканиях анализируются, как правило, те лексические и семантические единицы из «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и других памятников, которые имеют лексические параллели в том или ином современном тюркском языке. Не оспаривая большую научную ценность выявления отдельных лексико-семантических закономерностей в развитии языка, мы все же утверждаем, что этот метод ограничивает в известной степени возможности исследователя в изучении лексики как развивающейся системы в установлении многих диахронических закономерностей лексико-семантической системы языка.

Более плодотворным, на наш взгляд, является структурное сопоставление лексической системы старотюркских памятников со словарным составом того или иного современного тюркского языка.

В области системно-структурного изучения развития семантики в современном языкознании наметился ряд перспективных направлений, наиболее важным из которых является сравнительно-историческое исследование лексико-семантических микроструктур в лексических системах родственных языков. Преимущество подобного системно-структурного изучения истории лексики заключается в том, что оно дает возможность не только исследовать отдельные слова или их значения, относящиеся к определенному семантическому полю и составляющие, таким образом, своеобразную микросистему, но также выявлять лексико-семантические сдвиги, происшедшие в данной лексико-семантической микросистеме за прослеживаемый период времени.

В данной статье мы попытаемся проанализировать глаголы речи, зафиксированные в «Диване» Махмуда Кашгари, и соответствующую

группу глаголов современного узбекского литературного языка в структурно-сопоставительном аспекте.

По теории семантического поля имеется обширная литература¹ и поэтому нет необходимости особо останавливаться на ее положениях. Заметим лишь, что в нашей работе термин *лексема* соответствует слову как структурному элементу лексической системы, *семема* — значению, а термин *сема* мы толкуем как структурный элемент значения, то есть компонент семемы.

В системно-структурном подходе к лексике вообще и лексико-семантической группе слов в частности мы исходим из того положения, что значение слова (семема) представляет собой определенную структуру элементарных семантических признаков (сем). Последние занимают разное положение в составе семемы. Одна из сем в составе значения является обычно основной, что отличает данную семему от других семем, составляющих вместе с ней определенную семантическую микросистему. Другие семы значения занимают зависимое положение; они как бы находятся в тени, осознаваясь лишь интуитивно.

Слова объединяются в одно семантическое поле по одному или группе семантических признаков. Основная сема называется дифференциальным семантическим признаком, а сема, служащая основанием для объединения слов в одно семантическое поле, — идентифицирующей семой.

При сопоставлении глаголов речи из «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари с соответствующими узбекскими глаголами мы исходим не только из равенства числа сем в сравниваемых семемах, но и из идентичности структурной организации сем в составе той или иной семемы.

В тюркологической литературе группа глаголов речи (семантическое поле глаголов речи) подразделяется на глаголы речи с общим значением и глаголы речи с частным, дифференцированным значением². Первую группу глаголов мы будем называть «общими глаголами речи», а вторую — «частными глаголами речи».

Общие глаголы речи представлены в «Диване» лексемами *te-*, *aj-*, *sözlä-*, *sawla-*. Данная подгруппа глаголов является как бы опорной, ядерной по отношению к частным глаголам в общей семантической системе глаголов речи, зафиксированных Махмудом Кашгари.

В подгруппе общих глаголов речи особое место занимает глагол *te-*, содержащий в своем значении наименьшее количество элементарных семантических признаков. Основное значение этого глагола сводится к констатации произнесения субъектом отдельных слов или фраз. Этот глагол называет акт говорения, указывая при этом, что именно произнес субъект. Специфическое значение глагола предопределяет и его специфическое употребление — он служит конструктивным элементом исключительно при построении прямой речи. Таким образом, значение данного глагола реализуется в особом контексте и определяется Махмудом Кашгари посредством контекста: *ol menä anday tedi* 'он мне так сказал'.

¹ См.: Ю. Д. Апресян. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. — «Лексикографический сборник», вып. 5. М., 1962; *его же*. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. — В сб.: «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963; Н. И. Толстой. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. — «Славянское языкознание». М., 1968; Л. М. Васильев. Идентификация и дифференциация лексических синонимов. — В сб.: «Вопросы теории и методики русского языка». Ульяновск, 1966.

² См.: Н. З. Гаджиева, А. А. Коклянова. Глаголы речи в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961.

Семантический сдвиг (грамматикализация), происшедший в значении отдельных форм глагола *te-*, обусловлен именно специфичностью его значения и постоянным употреблением на стыке чужой и авторской речи³. Этот процесс начался в глубокой древности. Как пишут некоторые исследователи, указанный глагол в языке XI века выполнял функцию и союзного слова⁴ в формах деепричастия, причастия и условного наклонения.

Семантический объем глагола *te-* покрывается в современном узбекском языке глаголом *demak*. Правда, имеются и отдельные семантические различия между ними. Так, например, глаголы *te-* и *aj-* могут вступать в синонимические отношения не только как лексические единицы, но и как союзные слова⁵. В современном узбекском языке глагол *demak* не имеет такого адекватного синонима. Кроме того, глагол *demak* более полисемантичен, чем глагол *te-*. Однако в основном и грамматикализированном значениях они совпадают и восходят этимологически к одному корню. Поэтому их следует рассматривать как лексические параллели.

Глагол *aj-* имеет более сложное в компонентном отношении значение. Этот глагол, помимо обозначения акта говорения, указывает и на объект высказывания. Поэтому он употребляется не только в качестве связующего звена при прямой речи, но и как компонент объектных конструкций. При оформлении прямой речи семантический признак (*сема*), указывающий на объект высказывания, нейтрализуется, и глагол *aj-* становится полноправным синонимом глагола *te-*. При употреблении же в составе объектных конструкций *сема*, указывающая на объект высказывания, актуализируется и становится дифференциальным семантическим признаком. В таких случаях этот глагол заметно отличается от глагола *te-*.

В современном узбекском языке этому глаголу наиболее близок глагол *ajtmak*, исторически являющийся одной из залоговых форм глагола *aj-*. Во времена Махмуда Кашгари залоговое значение *ajut-* 'заставить, приказывать говорить; спрашивать' было еще живым: *ol menā sōz ajytty* 'он спрашивал меня, то есть он заставил меня сообщить ему'.

Ослабление залогового значения *ajut-* наблюдается уже в XI веке. В «Дивану лугат-ит-тюрк» значение этого глагола толкуется иногда так же, как «говорить, сказать»: *men aṇar sōz ajyttym* 'я сообщил (говорил) ему'.

В современном узбекском языке глагол *ajtmak* (как и *aj-* в «Дивану лугат-ит-тюрк») обозначает акт говорения с акцентуацией на объект, предмет речи: *ismini ajtmak* 'назвать по имени (букв. назвать имя)', *betgā ajtmak* 'говорить что-либо в лицо' и т. д.

Значения глаголов *sōzlā-* и *sawlā-* содержат еще больше компонентов (*сем*). Помимо обозначения акта говорения и предмета речи, они указывают также на процесс, его протекание, на относительную продолжительность говорения. Эти глаголы употребляются со словами в позиции обстоятельственных определителей, которые указывают именно на продолжительность речи: *telim sawlady* 'много говорил', *tümān-türlük sōzlādi* 'говорил много, разнообразно' и т. д.

³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 331—333.

⁴ См.: Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису. М., 1967, стр. 149—152.

⁵ См.: Там же, стр. 149.

Данная семема (набор сем) выражается в современном узбекском языке лексемами *sozlāmak* (*sojlāmak*) и *gäpirmak*: *az sozlā, kop tinglā* 'меньше говори, больше слушай' (пословица), *gāvan gäpirmak* 'говорить гладко, ровно' и т. д.

Как явствует из нашего краткого анализа, основные глаголы речи (ядерная подгруппа) в «Дивану лугат-ит-тюрк» имеют довольно точные, адекватные лексико-семантические параллели в современном узбекском языке: *te- (aj-)* — *demak, aj- — äjtmak, sözlā- — sozlāmak*. Что же касается разнокоренных лексем *sawla-* и *gäpirmak*, то здесь нужно иметь в виду следующее. При сопоставлении языковых единиц на семантико-структурном уровне мы берем за основу прежде всего инвариантные, доминантные лексемы. В данном случае мы сопоставляем структурные элементы (семя) *sözlā-* и *sozlāmak*. Глаголы же *sawla-* и *gäpirmak* являются вариантами (синонимами) по отношению к доминантным лексемам *sözlā-* и *sozlāmak*. Поэтому они не могут опровергнуть наше утверждение о наличии адекватных лексико-семантических параллелей между основными глаголами речи в «Дивану лугат-ит-тюрк» и соответствующей подгруппой глаголов в современном узбекском языке.

Частные глаголы речи представлены в «Диване» Махмуда Кашгари довольно многочисленными и разнообразными по характеру значения лексемами. Значения последних осложнены дополнительными семантическими элементами, которые выступают в значении того или иного глагола речи чаще всего как дифференциальные семя по отношению к другим семям.

В составе частных глаголов речи выделяется целый разряд лексем с общим компонентом указания на цель высказывания. Эти глаголы обозначают одновременно как бы два действия, подчеркивая при этом действие, выражение которого является основной целью данного высказывания. Их можно разбить на ряд подгрупп.

Глаголы речи с дифференциальными семантическими признаками вопроса и просьбы представлены в «Дивану лугат-ит-тюрк» лексемами *sor-, kol-, jalwar-*.

Основное значение глагола *sor-* 'спрашивать, расспрашивать' покрывается значением глагола *sorāmak* в современном узбекском языке. Оба эти глагола восходят к одному и тому же корню (*sor-, sor+ä-*). Что касается переносного значения *sor-* («искать»), зафиксированного в «Дивану лугат-ит-тюрк», то оно в современном узбекском языке выражается другими лексемами: *kidirmak, izlāmak, äxtärmaq* и т. д.

Лексико-семантическая связь между подгруппой глаголов *kol-* и *jalwar-*, выражающих просьбу, и соответствующими глаголами в современном узбекском языке имеет несколько иной характер.

Значения указанных глаголов отличаются друг от друга степенью интенсивности семантического признака «просьба»: *kol-* представляет собой нейтральное выражение просьбы, а *jalwar-* — интенсивное. Такая же оппозиция на семемном уровне существует и в современном узбекском языке. Однако здесь нейтральное выражение просьбы обозначается лексемой *sorāmak* (второе его значение), а интенсивное — целым рядом синонимичных лексем: *jalvarmaq, jalinmaq, otinmaq* и т. д. Следует отметить, что интенсивные лексемы *jalvarmaq, jalinmaq* и *otinmaq* могут выступать в роли конкретизатора для нейтральной лексемы *sorāmak* (2): *jalvarib sorāmak, jalinib sorāmak, otinib sorāmak*, где *jalvarib, jalinib* и *otinib* обозначают степень интенсивности просьбы, а не саму просьбу. Способность маркированных членов глагольной оппозиции выступать в роли конкретизатора по отношению к ее немаркированным членам при-

суща довольно большому числу узбекских глаголов⁶. Указанной особенностью обладают и старотюркские глаголы.

Таким образом, в подгруппе глаголов просьбы имеются следующие лексико-семантические параллели: kol- — sorāmak (2), jalwar-—jalvar-mak, jālinmak, otīnmak.

Значение глагола с дифференциальным семантическим признаком приказания bujur- из «Дивану лугат-ит-тюрк» не отличается от значения узбекского глагола bujurmak. В подгруппе же глаголов с дифференциальным семантическим признаком призыва, являющихся разновидностью глаголов приказания, имеются значительные расхождения как в лексическом, так и в семантическом аспектах.

Глаголы с дифференциальным признаком призыва представлены в «Дивану лугат-ит-тюрк» лексемами čakug-, oku-, ündä-, значение которых в современном узбекском языке передается в основном лексемой čäkirtmak 'звать', связанной этимологически с доминантой данной подгруппы глаголов в «Диване» — čakug-. Глагол oku- не имеет в современном узбекском языке лексической параллели. Что касается глагола ündä-, то он сохранился в современном узбекском языке в двух вариантах: undāmak и indāmak, воспринимающихся в настоящее время как самостоятельные лексические единицы. Следует отметить, что ни одно из значений этих глаголов не совпадает полностью со значением глагола ündä-, хотя их семемы включают сходные семантические элементы. Глагол ündä- из «Дивану лугат-ит-тюрк» обозначает призыв, конкретно указывая на действие, которое должен совершить призываемый (слушающий): ol meni ündädi 'он позвал меня'. Узбекский глагол undāmak тоже обозначает призыв (приглашение), однако он конкретно не указывает на действие призываемого. Действие призываемого конкретизируется управляемым словом, то есть синтаксическим способом: avkätgä undāmak букв. 'призвать к кушанью', otirišgä undāmak букв. 'призвать сесть' и т. д. Приведенные примеры показывают, что значение узбекского глагола undāmak является более отвлеченным, чем значение глагола ündä- из «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

В лексеме indāmak значение глагола ündä- развилось в другом направлении. Глагол ündä-, судя по его этимологическому составу (üp 'голос' + глаголообразующий аффикс -dä-), на первых порах имел значение «кричать, шуметь». Ср. с татарским глаголом tavyslanu 'поднимать шум, крик', образованным по аналогичной модели (tavyš 'голос' + аффикс -lanu-)⁷. Впоследствии семантический признак, указывающий на призыв, стал дифференциальным в значении глагола ündä- (undāmak). А семантический признак говорения, произнесения звуков приобрел характер дифференциального в значении глагола indä- (indāmak), который стал обозначать действие говорения. В современном узбекском языке данный глагол употребляется только в отрицательной форме.

Таким образом, произошла своеобразная семантическая дифференциация, основанная на материальном различии фонетических вариантов слова.

Глаголы, указывающие на дифференциальный признак толкования содержания речи, представлены в «Дивану лугат-ит-тюрк» лексемами uktur- 'разъяснять, пояснять', tujtur- 'объяснять'. В современном узбекском языке значение толкования передается целым рядом лексем, имею-

⁶ См.: И. Қўчқортоев. Сўзларнинг лексик-семантик тўдалари ҳақида. — «Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Вопросы русского и узбекского языкознания», вып. 359. Ташкент, 1969, стр. 84—92.

⁷ Татарско-русский словарь. М., 1966, стр. 508.

щих в основном книжный характер: *uktirmek*, *tušuntirmek*, *izahlamak* и т. д.

Ряд глаголов в «Дивану лугат-ит-тюрк» обозначает говорение, основной целью которого является введение слушателя в заблуждение: *ag-* 'обманывать', *jubula-* 'обманывать'. В современном узбекском языке им соответствуют глаголы *äldamak* 'обманывать', *jalyanlamak* 'врать, лгать, говорить неправду', *ävrämak* 'обманывать, ловко провести'. Последний зафиксирован и в «Дивану лугат-ит-тюрк» в виде *agwa*⁸ в значении 'заколдовать, заклинать, заговаривать'. Данное значение глагола *agwa-* (*ävgä-*) сохранилось и в современном узбекском языке.

В связи с тем, что заговаривание, имеющее целью выманить злой дух из тела больного, приобрело в определенных ситуациях характер дифференциального семантического признака, этот глагол стал употребляться и в переносном значении «обманывать, ловко провести», которое легко идентифицируется с ядерной, опорной лексемой разбираемой здесь подгруппы глаголов (*äldamak—ävrämak*).

Глаголы речи с общим компонентом нареkania представлены в «Дивану лугат-ит-тюрк» лексемами *sök'-*, *kaḡa-* и *ekäklä-*. За исключением глагола *ekäklä-* 'оскорблять', употреблявшегося обычно по отношению к женщинам, данная подгруппа глаголов имеет прямую лексическую параллель в современном узбекском языке: *sök'-* 'ругать, обругать' — *sokmak* 'ругать, бранить', *kaḡa-* 'проклинать, ругать' — *kaḡamak* 'проклинать, клясть, ругать'. Можно видеть, что эти глаголы совпадают не только в лексическом плане, но идентичны и в отношении семантической структуры.

К этой подгруппе примыкают глаголы *tabala-* 'порицать, осуждать', *jeg-* 'порочить, поносить, порицать', которые соответствуют в современном узбекском языке глаголам *jamanlamak* и *žegkmak*.

В «Диване» Махмуда Кашгари представлен ряд глаголов речи, обозначающих взаимно-совместное говорение. Этот разряд глаголов образуется обычно при помощи аффикса *-(la)š*. Исключением является глагол *k'eṇä-*, выражающий данное значение без присоединения аффикса: *ol meṇä keṇädi* 'он со мной советовался'. Интересно отметить, что в «Диване» зафиксировано и аффиксальное выражение указанного значения: *ol meṇä keṇäšdi* 'он со мной советовался'. Аффиксальный вариант имеет лексическую параллель в современном узбекском языке, отличающуюся от него лишь по модели употребления: *keṇäš-* (и *keṇä-*) в «Диване» управляет дательно-направительным падежом (*meṇä keṇäšdi*), узбекский же глагол *keṇäšmak* управляет послелогом *bilän* (*men bilän keṇäšdi*). Идентичное значение имеют и узбекские глаголы *mäslähät-läšmak*, *äkläšmak* и т. д.

К глаголам взаимно-совместного говорения относятся также отмеченные в «Диване» лексемы *bekläš-* и *bütrüş-*. Глагол *bekläš-* обозначает взаимно-совместное говорение, конечной целью которого является взаимное согласие, договор: *ol meniṇ birlä bekläšdi* 'он договорился со мной'. Это значение в современном узбекском языке передается целым рядом глаголов: *vadäläšmak*, *kelišmak* (второе значение), *šärtläšmak*, *ähd-läšmak* и т. д. Глагол *bütrüş-* обозначает взаимно-совместное говорение, указывая при этом на его полемический, спорный характер: *olar ikki bütrüşdi* 'они вели между собой тяжбу, спорили'. В современном узбекском языке значение полемики, спора передается глаголами, выражающими иногда и отношение говорящего к объекту речи: *bähsläšmak* 'спо-

⁸ Об этом глаголе подробнее см.: С. М. Муталлибов. Морфология ва лексика тарихидан. Тошкент, 1959, стр. 219—222.

рить, полемизировать', *äjtišmak* 'спорить, пререкаться', *yižillāšmak* 'переминаться, переругиваться', *račāk'ilāšmak* 'спорить, препираться попусту'.

Опорной, ядерной лексемой подгруппы глаголов взаимно-совместного говорения является глагол *sözlāš-*, имеющий в современном узбекском языке лексическую параллель *sozlāšmak*. Синонимом последнего выступает высокочастотный глагол *gäplāšmak* 'разговаривать, беседовать; договариваться'.

В современном узбекском языке имеются глаголы взаимно-совместного говорения, указывающие на относительную продолжительность беседы: *suhbätlāšmak* 'беседовать, проводить время в беседе', *hängämälāšmak* 'проводить время за веселым разговором' и т. д.; глаголы, указывающие на задумчивый характер беседы: *sirlāšmak* 'делиться тайнами, секретами', *häsrätlāšmak* 'делиться друг с другом горестями' и т. д. В «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари подобных глаголов мы не обнаружили.

Как видно из вышеприведенных примеров, в современном узбекском языке в отличие от «Дивана» поле взаимно-совместного говорения расчленено на довольно мелкие участки. Поэтому узбекские глаголы рассмотренного типа более многочисленны и семантически разнообразны.

Значительная часть глаголов речи, зафиксированных в «Дивану лугат-ит-тюрк», обозначает процесс речи с акцентом на способ говорения. Эти глаголы можно разбить на несколько подгрупп, каждая из которых характеризуется определенным дифференциальным семантическим признаком.

Ряд глаголов обозначает говорение с повышением голоса: *kykug-* 'кричать', *taŋga-* 'кричать, орать', *čoyula-* 'кричать, шуметь', *ugyla-* 'кричать'. В современном узбекском языке им соответствуют следующие глаголы: *kičkirmak* 'кричать', *bäkirmak* 'кричать, шуметь', *oškirmak* 'прикрикивать', *bäbillāmak* 'кричать, орать', *šanğıllāmak* 'горланить, громко говорить' и т. д.

Глаголы, обозначающие говорение с понижением голоса (шепот), представлены в «Дивану лугат-ит-тюрк» лексемами *šuvšat-* 'шептать, нашептывать', *sušša-* 'шептать'. Говорение с пониженным голосом в современном узбекском языке передается глаголами *šivirlāmak* 'шептать', *ričirlāmak* 'шептать', *šipšitmak* 'шепнуть'. Как видно из примеров, глаголы, выражающие шепот и в «Диване», и в современном узбекском языке, мотивированы фонетически. Эти глаголы содержат звуки (*š*, *č*), представляющие собой прямое звукоподражание шепоту.

Некоторые глаголы речи в «Дивану лугат-ит-тюрк» обозначают однообразное, нудное, бессмысленное говорение: *jaŋša-* 'болтать', *satula-* 'болтать без умолку', *saŋga-* 'болтать вздор'. Этим глаголам соответствуют по значению узбекские глаголы *vājsāmak* 'болтать, ворчать', *žavgāmak* 'ворчать', *kakšāmak* 'твердить одно и то же', *sājrgāmak* 'болтать, говорить без конца'. Глаголы из «Дивана» *künğāp-* 'бормотать', *saŋgī-* 'бормотать, заговариваться', обозначающие невнятное говорение, в современном узбекском языке имеют следующие семантические соответствия: *yułdirāmak* 'бормотать, говорить себе под нос', *γoldirāmak* 'говорить невнятно', *yułgāmak* 'бормотать' и т. д.

В современном узбекском языке имеются глаголы, обозначающие говорение скороговоркой: *bidirlāmak* 'тараторить', *vižirlāmak* 'говорить быстро, без умолку', *čuldirāmak* 'быстро, без умолку говорить' и т. д.; глаголы, обозначающие говорение недовольным тоном: *donğıllāmak* 'ворчать, бурчать', *ronğıllāmak* 'бурчать, ворчать', *minğıllāmak* 'ворчать',

ʻinʻillāmak 'бормотать, бурчать' и т. д. Лексико-семантические параллели этих глаголов в «Дивану лугат-ит-тюрк» нами не обнаружены.

Таким образом, на основании изложенного выше можно прийти к общему выводу о том, что в подгруппе основных глаголов речи, так же как и в разряде глаголов с общим компонентом цели высказывания, имеются более или менее адекватные лексико-семантические параллели между «Дивану лугат-ит-тюрк» и современным узбекским языком. Следует, однако, отметить, что это относится прежде всего к доминантным, ядерным лексемам.

Что же касается глаголов взаимно-совместного говорения и способа речи, то здесь обнаруживаются значительные расхождения как в лексическом, так и в семантическом отношениях.

Выяснение причин лексико-семантических сходств и различий между глаголами речи из «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и соответствующими узбекскими глаголами требует дальнейшего углубленного исследования глаголов семантического поля речи, а также других, близких к нему полей с привлечением материалов из большого круга источников.

Ш. ШУКУРОВ

СТАРОУЗБЕКСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ УЗБЕКСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ

(К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ УЗБЕКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА)

Несмотря на значительные успехи, достигнутые современным узбекским языкознанием, ему предстоит решить ряд важных теоретических вопросов. Одним из наиболее сложных и спорных из них является вопрос о формировании и развитии узбекского национального литературного языка.

Как известно, после установления Советской власти в Узбекистане одной из актуальных и первоочередных задач культурного строительства являлась нормализация узбекского общенационального литературного языка. В послевоенные годы в центре внимания узбекских ученых-языковедов была проблема выяснения источников формирования и путей развития современного узбекского литературного языка. Однако эти и другие важнейшие вопросы теоретического характера до сих пор не получили должного научного освещения. Проходившая в 1969 году в Ташкенте Республиканская научная конференция по вопросам культуры речи узбекского языка¹ обсудила ряд актуальных задач современного узбекского языкознания. На этой конференции вновь была выдвинута задача установления и стабилизации литературных норм, а также рассматривался вопрос об источниках формирования и путях развития узбекского национального литературного языка.

Общеизвестно, что литературные национальные языки формируются на основе существующих говоров и диалектов, главным образом на базе говоров и диалектов районов, развитых в культурно-экономическом отношении. Однако это справедливо лишь для младописьменных языков. При формировании национальных литературных языков, имеющих письменную традицию и донациональный литературный язык (таких, например, как узбекский), кроме говоров и диалектов, должны учитываться и факты их исторического развития.

В связи с этим напомним справедливое замечание Н. А. Баскакова, высказанное им на Координационном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков в 1956 г. в Баку: «Диалектная база каждого конкретного языка, будь то язык азербайджанский, или узбекский, или татарский, может быть вскрыта... только при условии тщательного изучения не только фонетических, морфологических и лексических его особенностей, но и при изучении истории данного языка.

¹ Узбек тили нутқ маданияти масалаларига бағишланган Республика тилшунослик конференцияси, Тошкент, 1969.

Трудность определения диалектной базы какого-либо конкретного языка и заключается, главным образом, в том, что история этого языка изучена еще слабо»².

Узбекские языковеды придерживаются такого же мнения, однако материалы староузбекского литературного языка ввиду их недостаточной изученности остаются пока неиспользованными.

Узбекскими диалектологами накоплен большой фактический материал. Значительные успехи достигнуты и в области выявления взаимосвязей современного узбекского литературного языка с говорами и диалектами. Здесь уместно напомнить результаты исследования Ш. Шаабдурахманова, опубликованные в его монографии³, посвященной рассмотрению, главным образом, взаимоотношений современного узбекского литературного языка с городскими говорами.

Недостаточная изученность староузбекского литературного языка в значительной мере препятствует установлению его соотношений с современным литературным языком.

Нельзя не отметить, что в трудах А. К. Боровкова, А. Н. Кононова, К. К. Юдахина, В. В. Решетова, А. М. Щербака, Г. Ф. Благовой, Г. Абдурахманова, Ш. Шаабдурахманова, Ф. Абдуллаева, А. Гулямова, А. Усманова, А. Рустамова, Э. И. Фазылова, Х. Даниярова и других тюркологов, непосредственно или косвенно занимавшихся историей узбекского языка, рассматриваются отдельные вопросы соотношения староузбекского и современного узбекского литературных языков. Однако этого недостаточно для обобщений и выводов.

Для правильной ориентации в решении этой проблемы необходимо руководствоваться определенной методикой исследования. Сопоставление староузбекского и современного узбекского литературных языков нами проводилось на основе метода исключения, суть которого в следующем. Установив общую тенденцию развития староузбекского литературного языка, то есть определив нормы, общие для всех памятников и всех периодов развития староузбекского литературного языка, мы сопоставили эти нормы с данными современного узбекского литературного языка. В результате сопоставления выявились общие, объединяющие их черты, а также частные случаи, указывающие на их расхождение. Данные, не подходящие под общую норму староузбекского литературного языка, не использовались при сопоставлении, то есть они исключались, так как их употребление ограничено: они встречаются лишь в отдельных памятниках или в языке поэзии. Обычно это диалектизмы и архаизмы, либо заимствования из других тюркских языков.

При установлении в староузбекском литературном языке общих закономерностей и выявлении частных случаев следует обратить внимание на жанровые особенности и локальную принадлежность памятников, а также выяснить, где когда и кем составлен изучаемый список того или иного памятника. Особая осторожность требуется при интерпретации языка поэзии. Общеизвестно, что язык поэзии — явление одновременно и консервативное, и прогрессивное. С одной стороны, древние языковые элементы, то есть архаизмы, сохраняются дольше всего в поэзии, с другой стороны, новые элементы языка в поэзии появляются прежде, нежели в других литературных жанрах.

² См. сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков» «Труды Института литературы и языка им. Низами», том XII. Баку, 1958, стр. 167.

³ Ш. Шаабдурахманов. Ўзбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари. Тошкент, 1962.

В соответствии с изложенным и проведено нами сопоставление норм староузбекского и современного узбекского литературных языков, главным образом в области морфологии.

Однако нами не использовались материалы памятников последней четверти XIX — первой четверти XX вв. Этот период развития узбекского литературного языка, как известно, весьма сложен. Он характеризуется появлением периодической печати на узбекском языке и усилением народно-демократических тенденций в литературе. В связи с этим в письменно-литературный язык проникает из различных узбекских говоров и диалектов, а также из отдельных тюркских языков большое количество фонетических, грамматических и лексических явлений, чуждых узбекскому литературному языку. Впоследствии некоторая часть из них все же закрепляется и получает «права гражданства» в узбекском литературном языке.

Остановимся на отдельных моментах наших наблюдений.

В староузбекском, как и в современном узбекском литературном языке, существовала шестипадежная система склонения. Способы образования падежей и их семантика остались неизменными. Исключение составляют лишь сингармонические варианты и отдельные формы, действовавшие в староузбекском литературном языке. Так, например, родительный падеж образуется с помощью аффикса *-ning* с той лишь разницей, что в староузбекском литературном языке этот аффикс выступал в заднерядном и переднерядном вариантах (*-nüng, -ning*), что связано с его сингармоническим характером⁴. Кроме того, в староузбекском литературном языке функционировала форма родительного падежа, образующаяся с помощью аффикса *-üng (-ing)* от основ с исходным согласным. Однако эта форма не составляет общую норму староузбекского литературного языка, так как, во-первых, она образовалась лишь от личных местоимений I и II лица множественного числа (*biz+ing, siz+ing*), во-вторых, ее употребление ограничивалось языком поэзии. Данная форма, по всей вероятности, проникла в староузбекский литературный язык из тюркских языков огузской группы. Что касается лабиализованной формы аффикса родительного падежа *-nüng (-nüng)*, то она существовала в староузбекском литературном языке вплоть до XVI века.

Для передачи значений винительного падежа употребляется форма на *-пу (-pi)*, составляющая общую норму и характерная для всех периодов развития узбекского литературного языка. В староузбекском наряду с этим функционировали формы с аффиксом *-п*, который присоединялся к основам, стоящим в форме принадлежности III лица, типа *atasın, atalagın* и с аффиксом *-у (-i)*, образующим винительный падеж от основ с исходным согласным типа *atamu*. Однако как та, так и другая формы распространения не получили. Форма на *-у (-i)*, характерная для тюркских языков огузской группы, в староузбекском литературном языке образуется главным образом от основ, стоящих в форме принадлежности I лица единственного числа (*atam+у, sözüм+i*), и употребление ее ограничено языком поэзии.

Наряду с обычной формой дательно-направительного падежа на *-үа* (с фонетическими вариантами) в староузбекском литературном языке функционировала форма на *-а (-ä)*, характерная для тюркских языков огузской группы. Однако последняя выступала только в языке поэзии и образовывалась лишь от основ с исходным согласным типа *baš+a, ba-*

⁴ Как известно, в староузбекском литературном языке сингармонизм действовал как в области словоизменения и словообразования, так и формообразования. Поэтому в дальнейшем для краткости изложения не будем останавливаться на сингармонических вариантах упоминаемых аффиксов.

šym+a, bašyng+a, bašy+n+a. Образование этой формы от основ с исходным гласным типа apa+ja в письменных памятниках не отмечено, за исключением «Таашук-наме». Кроме того, в отдельных памятниках, например, в «Бабур-наме», «Шажараи таракима», наряду с обычными формами дательно-направительного падежа tepga и senga, образованными от личных местоимений tep и sep, встречаются формы tapya||tapka и sapya, характерные для тюркских языков кыпчакской группы, а также для кыпчакских говоров узбекского языка. Это следует рассматривать как отражение влияния диалектизмов на староузбекский литературный язык.

В образовании местного падежа в староузбекском и современном узбекском литературных языках расхождений не имеется (если не считать сингармонических вариантов в староузбекском литературном языке).

Частичное расхождение наблюдается в образовании исходного падежа. В староузбекском литературном языке до последней четверти прошлого столетия этот падеж образовывался исключительно при помощи аффикса -dyp (-din) с узкими гласными [y, i], а в современном узбекском этот аффикс выступает в форме -dap с широким гласным [a]. Переход аффикса -dyp в форму -dap пока объяснить трудно. Этот процесс начался еще в староузбекском литературном языке, так как появление формы -dap в узбекском литературном языке относится к последней четверти прошлого столетия и наблюдалось большей частью в языке прессы.

Таким образом, начиная с XV века в системе склонения староузбекского литературного языка сформировалась единая норма, общая для всех периодов его развития и в основном совпадающая с нормой современного узбекского литературного языка. Что же касается отклонений от общей нормы, наблюдаемых в отдельных памятниках и главным образом в языке поэзии, которые некоторыми исследователями рассматриваются как явления, отличающие староузбекский литературный язык от современного, то это, как уже отмечалось выше, либо диалектизмы и архаизмы, либо заимствования из других тюркских языков. Аналогичная картина наблюдается и в других разделах морфологии.

Укажем некоторые случаи отклонений от общей нормы, наблюдаемые в староузбекском языке в области морфологии.

1. Явления, объясняющиеся влиянием диалектизмов:

а) образование порядкового числительного с помощью аффикса -lančy (-länči) типа bir-länči 'первый', ik'k'ilänči 'второй' (вместо обычной для староузбекского литературного языка формы на -nčy (-nči) типа bi-ri-nči, ik'k'i-nči), наблюдаемое в «Шажараи таракима», «Бадаи ал-вакәе» и в одной из рукописей «Махбуб ал-кулуб» Алишера Навои, хранящейся в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. Характерно, что в документах делопроизводства Хивинского ханства XIX века для образования порядкового числительного употреблялась преимущественно форма на -lančy (-länči). Последняя в большинстве случаев в виде -lančy наблюдается и в некоторых современных узбекских говорах;

б) форма I лица множественного числа повелительно-желательного наклонения на -aluk (-älik') типа alaluk в «Шайбани-наме» (вместо обычной для староузбекского литературного языка формы типа alaly) и форма того же лица на -ajuk (-äjik') типа alajuk в «Бабур-наме» и «Шажараи таракима»;

в) форма II лица множественного числа повелительно-желательного наклонения типа alungyzlag в языке Атаи, «Бабур-наме», «Шажараи та-

ракима» и некоторых других вместо обычной *alyng* или *alyngyz*; форма II лица множественного числа условного наклонения типа *alsangyzlag* в языке Атаи, «Бабур-наме» и некоторых других вместо обычной *alsangyz*; форма II лица множественного числа прошедшего времени типа *aldyngyzlag* в «Шажараи таракима» и некоторых других вместо обычной *aldyngyz*;

г) аналитическая форма прошедшего времени типа *ala+erdi* в языке «Шажараи таракима» и «Шажараи турк» вместо обычной *aladur+erdi* или *alur+erdi*;

д) употребление в языке Алишера Навои формы III лица повелительно-желательного наклонения на *-dik' (-tik')* типа *aldik'* 'пусть он возьмет', которая в настоящее время существует в речи узбеков-карлуков, проживающих на территории южного Таджикистана⁵.

2. Заимствования из тюркских языков огузской группы:

а) образование отрицательной формы от имени действия на *-tak (-täk')* с помощью аффикса *-ta (-tä)* в языке Алишера Навои, в основном в его «Махбуб ал-кулуб», в «Бабур-наме» и некоторых других, то есть форма *almatak* вместо обычной *almaslyk*;

б) форма I лица единственного числа повелительно-желательного наклонения на *-ajut (-äjim)* типа *alajut* в языке «Бабур-наме», «Шажараи таракима» и некоторых других;

в) оформление некоторых временных форм с помощью сокращенного варианта аффикса I лица единственного числа, например, *alugat*, *altuřat*, *alman*, *alman*, первые из которых (*alugat* и *altuřat*) наблюдаются лишь в языке поэзии;

г) причастная форма на *-ap (-äp)* в языке Лутфи, Атаи, Муниса, Фурката и некоторых других поэтов, то есть форма типа *al+ap* вместо обычной *al+ap*.

3. Архаизмы в староузбекском литературном языке:

а) деепричастная форма на *-u* (с фонетическими вариантами) типа *al+u*, *bil+ü*, *bařla+ju*, *sözlä+jü*, наблюдаемая в языке Лутфи, Саккаки, Навои и некоторых других поэтов XV века;

б) деепричастная форма *-uap* (с фонетическими вариантами) типа *alupap*, *k'ögübäp*, которая функционировала только в языке поэзии;

в) форма I лица единственного числа повелительно-желательного наклонения на *-ajut (-gäjin)* типа *alajut* в языке «Шайбани-наме», Фурката и некоторых других;

г) форма I лица множественного числа повелительно-желательного наклонения на *-alyu (-gäli)* и *-alyng (-äling)* типа *alalyu* и *alalyng* в языке Атаи, «Бабур-наме», «Шажараи таракима», «Шажараи турк» и некоторых других;

д) форма порядкового числительного на *-pñ* типа *birinç* 'первый', наблюдаемая в языке «Шайбани-наме» и некоторых других произведений;

е) форма разделительного числительного на *-ar/-är (-rar/-rär, -řar/-řär)* типа *ik'k'isär*, *üčär*, *altırar*||*altıřar* и форма того же числительного на *-up (-in)* типа *ik'k'in*, *üčün*, наблюдаемые в отдельных памятниках;

ж) функционирование формы инструментального падежа в значении наречия образа действия в языке поэзии XV века, например, у Лутфи, Атаи, Навои.

⁵ Т. Юлдашев. Узбекские говоры южного Таджикистана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, стр. 22.

Указанные выше и подобные им морфологические особенности в современном узбекском литературном языке не встречаются. Они не характерны и для староузбекского литературного языка и отнюдь не представляют собой общую норму, так как встречаются лишь в отдельных памятниках или только в языке поэзии. При сопоставлении данных староузбекского и современного узбекского литературных языков подобные явления как второстепенные должны быть исключены. Как показывают наши наблюдения, между староузбекским и современным узбекским литературными языками нет резкого расхождения в области морфологии. Это, видимо, относится и к синтаксическому строю сопоставляемых языков.

Иначе обстоит дело с их фонетическим строем. Как известно, в староузбекском и современном узбекском литературных языках встречаются явные фонетические противопоставления. Это касается прежде всего сингармонизма и качественного изменения отдельных фонем.

При сопоставлении лексики необходимо исходить из того факта, что она представляет собой наиболее подвижный элемент языка.

Наши предварительные наблюдения свидетельствуют о том, что в староузбекском и современном узбекском литературных языках основные нормы совпадают. Отсюда следует вывод, что новоузбекский литературный язык, то есть узбекский национальный литературный язык, формировался на базе староузбекского литературного языка при активном влиянии узбекских диалектов и говоров, причем говоров главным образом городских.

Формирование же староузбекского литературного языка началось с конца XIV века и было непосредственно связано с карлукским наречием, которое легло в основу и литературного языка караханидского периода, называемого Махмудом Кашгари «хаканий турки». Образцом последнего является язык поэмы «Кутадгу билиг» Юсуфа из Баласагуна.

Разумеется, староузбекский и современный узбекский литературные языки нельзя отождествлять. В процессе многовекового развития узбекский литературный язык подвергался изменениям и обновлению, постепенно вырабатывались стабильные нормы, при этом особенно большие изменения произошли в области фонетики и лексики.

Б. ОСМОНАЛИЕВА

ОБ ОТРАЖЕНИИ ЛЕКСИКИ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА В СЛОВАРЕ МАХМУДА КАШГАРИ «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК»

«Диван» Махмуда Кашгари представляет собой ценный источник для изучения общетюркской лексики, составляющей часть лексики современных тюркских языков. В частности, исследование лексического материала «Дивана» позволяет установить значительное число лексических параллелей с современным киргизским языком.

Киргизы, издавна ведя кочевой образ жизни, занимались скотоводством, и многие названия, связанные с этой отраслью хозяйства и зафиксированные в словаре Махмуда Кашгари, сохранились в современном языке киргизов, хотя и с некоторыми фонетическими изменениями, например: *jilki* (III, 41)¹, кирг. *žylky* 'табун', узб. *turtoekli ҳайвон* 'скот'; тај (III, 173), кирг. *taj* 'лошак, жеребенок-двухлетка', узб. *toj* 'жеребенок-стригунок'; қісрақ (I, 439), кирг. *kysrak*, узб. *eš bajtal* 'молодая кобылица, только что пущенная в косяк и еще не жеребившаяся'; кішән (II, 21), кирг. *kišen* 'железные пути на передних ногах лошадей', узб. *tušov* 'пути'; көмүлдүрүк (I, 56), кирг. *k'ömdöldürük* 'нагрудник (часть верховой сбруи)', узб. *ot asbobi* 'подпруга'; тэплик (I, 441), кирг. *terdik*, узб. *žazlik*, *egar ostidan kujilddigan pamat* 'верхний войлочный потник'; көпчүк (I, 443), кирг. *k'öprük*, узб. *egärning ustiga kijgiziladigan jopuk* 'подстилка на седле'; қісір (I, 344), кирг. *kysyr*, узб. *kisir* (*hotin va hajvonlargo nisbatan kullanadi*) 'яловая, нетельная'. Особого внимания заслуживает термин «*kisir*», который в киргизском языке употребляется только по отношению к скоту.

В «Диване» имеется много названий различных продуктов. Например: *joғурт* (III, 179); кирг. *žuurat* 'цельное кислое молоко (без примеси воды и не снятое)', узб. *ajran* 'кислое молоко'; жүргәмәр (III, 64), кирг. *žörgöm* 'кушанье из легких и желудка (разрезанных полосками и переплетенных кишками)', узб. *bir xil ovkat* 'колбаса из требухи'.

Ряд слов «Дивана» отражает названия предметов домашнего обихода, одежды, строительные термины и т. п. Например: там (III, 172), кирг. *tam* 'дом', узб. *devor* 'стена'; жүғурқан (I, 27), кирг. *žuurkan* 'одеяло (стеганое)', узб. *ustki tuperinčik* 'покрывало'; көнäk (I, 373), кирг. *köpök* 'кожаное ведро, служащее подойником при доении кобыл' (слово *köpök* в современном алтайском языке означает «ведро», узб. *obdasta* 'кувшин'); суулук (I, 437); кирг. *suuluk* 'полотенце', узб. *dast rūmol* 'платок'; тон (I, 167), кирг. *top* 'овечий тулуп', узб. *kūim* 'одежда'; үкäk (I, 107),

¹ В скобках указаны том и страница узбекского издания «Дивана».

кирг. үкөк 'сундук для съестных припасов', узб. sanduk 'сундук'; жѣшан̄ (III, 395); кирг. žunšan, узб. kūj jungini kirkadigan katta kajči 'ножицы для стрижки овец'; чіктан̄ (I, 408), кирг. čykdan 'загородка из чия в женской (правой от входа) половине юрты, за которой хранятся кухонные принадлежности и продовольственные припасы'; тутгуч (I, 422; IV, 288), кирг. tutkuč 'войлочные наручники для снятия котла с очага', узб. dastlabki ovkat 'ранний обед (завтрак)'; јанчуқ (III, 52), кирг. žančyк, узб. hamen 'кошелек'.

Термины родства, представленные в словаре, также совпадают по своему значению с аналогичными лексемами современного киргизского языка. Например: јазнā (III, 42), кирг. žezde 'зять', узб. katta kizkar-došning эгі 'муж старшей сестры'; карјндаш (I, 386), кирг. karındaš 'младшая сестра (по отношению к брату, но не к сестре)', узб. bir karindan tugilgan ikki bola 'единоутробные братья, сестры'; балдіз (I, 426), кирг. baldyz, узб. хотining singlisi 'свояченица (младшая сестра жены)'; ача (I, 114); кирг. эже; узб. ора 'сестра (старшая)'; түркүн (I, 414), кирг. tōrkün 'родители и родня жены', узб. kaftm 'отчий дом'.

Термины же, связанные с анатомическим строением человеческого тела и животных, претерпели лишь незначительные фонетические изменения. Например: јін (III, 11), кирг. žip 'содержимое желудка и кишок', узб. tezak; «tezak» в современном киргизском языке означает «помет» (главным образом конский); өзāk (I, 101), кирг. özök 'пищевод', узб. beling ički kismidagi tomir 'яремная, шейная вена'; толарсақ (I, 460), кирг. tolorsuk 'косточка, соединяющая сүкө (альчик) и берцовую кость', узб. oјok izi 'пятна (у животных)'; уча (I, 114), кирг. иса² 'крестец, задок', узб. ogka 'зад, спина'.

Среди терминов, связанных с земледелием, можно назвать следующие: таріғ (I, 354), кирг. taguu 'просо', узб. uгуу 'зерно, семена'; ашлїқ (I, 137), кирг. aštyk 'хлебные злаки', узб. buydaj 'пшеница, зерно'. Немало в «Диване» терминов, являющихся названиями продуктов из злаков: јупқа (IV, 41), кирг. župka 'кушанье из слоеного теста (сваренного в молоке и сдобренного маслом)'; узб. jurka 'тонкий'; кōмāч (I, 51), кирг. kotoč 'лепешка, печенная в золе', узб. kўtoč 'вид хлеба'; тоқуч (I, 339), кирг. tokoč 'хлеб домашнего приготовления', узб. tukoč 'ситная лепешка'. В северном диалекте киргизов «tokoč» употребляется в значении «хлеб» вообще и является синонимом литературного «пап»; јарма: јарма јуға (III, 41), кирг. jarma 'похлебка из дробленого жареного зерна (пшеницы или ячменя), приправленная молоком, жиром, а также без приправы', узб. bir hil katlama 'вид слоеной лепешки'; јумуртга (III, 439), кирг. žumurtka, узб. tuxim 'яйцо'.

Одним из ведущих занятий в древности была охота. Поэтому «Диван» отразил множество охотничьих терминов, а также названий в области фауны и флоры: аwчі kijікті аңдїді (III, 30), кирг. aңču kijікті aңdydy, узб. ovči kijіkti tutuш paпaga berkinib xijla kildi 'охотник подкараулил косулю'; бэг аwқа чїқтї (I, 109), кирг. bek aңга čіktї, узб. bek ovgo čіkti 'бек отправился на охоту'; турумтај (III, 261), кирг. turumtaj, узб. jirtkič kušlardan birining nomi 'дербник'; кэкүк (II, 331), кирг. kükük 'кукушка', узб. bir xil kuš 'вид птицы'; көкүрчгүн (III, 425), кирг. kögüčgon, узб. kepter 'голубь'; үбүб (I, 107), кирг. sasyk үрүр 'потатуйка, попишак', узб. porišak kuš 'удод'.

² В современной Северной Киргизии иса 'крестец' считается лучшим куском (букв. почетным) и подается мужчинам во время праздничной трапезы («тоя» и «аша»).

Ряд слов, обозначающих меры длины, сохранялся неизменным вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции: *jüǧūt*: *bir jūrūm jër* (III, 54), кирг. *bir žügūrum žer*, узб. *bir čoriš bilen ugarlik jer* 'расстояние в один пробег'; *qarış*: *bir qarış* (I, 350); кирг. *bir kariš*, узб. *bir karič* 'пядь'.

В заключение отметим, что богатый лексический материал «Дивана» Махмуда Кашгари может служить основой для историко-этимологического изучения современного киргизского языка.

Х. Г. НИГМАТОВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЮРКСКИХ АВТОРСКИХ ПРИМЕРОВ В «ДИВАНЕ» МАХМУДА КАШГАРИ

Иллюстрируя значения тюркских слов и их форм, Махмуд Кашгари приводит при каждом слове пример его реализации в речи. В ряде случаев такие примеры он заимствует из фольклорных произведений, но в большинстве случаев составляет их сам. Прекрасное знание как своего родного, так и других тюркских языков и диалектов (1, 44)¹ давало автору «Дивана» определенное право на составление образцов тюркской речи. Однако авторские примеры в «Диване» не лишены некоторых особенностей, на которых мы и остановимся ниже.

1. В большинстве примеров «Дивана», являющихся глагольными предложениями, тюркский глагол выступает в форме III лица ед. числа прошедшего категорического времени: *бэг аңар а:т бэрді* 'бек присвоил ему звание' (I, 107); в этой же форме даны все глаголы в словарных гнездах «Дивана»: *эңді* 'удивился, растерялся' (I, 185). Это объясняется тем, что «Диван», написанный на арабском языке, был предназначен для читателей, владеющих этим языком; а в арабском языкознании исходной (словарной) формой глагола принято считать форму III лица ед. числа мужского рода прошедшего времени.

2. В авторских примерах «Дивана» из имен существительных наиболее часто употребляются слова *нэң* 'вещь, товар, имущество' (в позиции прямого дополнения и подлежащего), *эр* 'мужчина', *бэг* 'бек' (в позиции подлежащего), *кіші* 'человек' (в позиции подлежащего и дополнения), а также указательные местоимения: *їраді нэң* 'вещь удалась, что-то удалось' (III, 97), *эр їгүрді* 'мужчина бежал' (III, 76) и т. д. Частое употребление местоимений и одних и тех же имен существительных с обобщенными значениями (*нэң* — нечто неодушевленное, *эр*, *бэг* — нечто одушевленное и т. д.) в авторских примерах «Дивана» свидетельствует о том, что Махмуд Кашгари стремился грамматикализовать свои примеры; затемняя лексическое значение, подчеркнуть тем самым грам-

¹ В круглых скобках указываются тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами) по следующему изданию «Дивана»: Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. Уч томлик. Гаржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов, тт. I—III. Тошкент, 1960—1963. В примерах всюду сохраняется транскрипция, принятая в узбекском переводе «Дивана».

матическое, чтобы его примеры прежде всего отражали строй тюркского предложения, то есть были формализованы².

3. В составе предложений, сказуемое которых выражено глаголом в форме возвратного залога, нередко содержится местоимение *öz* 'сам; себя', а в предложениях с глагольным сказуемым в форме взаимного залога — слова *bir biri, bir ikindi, ikki: ol özin ögündi* 'он хвалил себя' (I, 211), *ol öziñä tarıf ekindi* 'он сам сеял посев для себя' (I, 211), *olar ikki a: rişdi* 'они оба обманывали [друг друга]' (I, 191), *olar ikki bir birig suvqa batruşdi* 'они оба окунули друг друга в воду' (II, 236). Упомянутые слова служат для точной передачи значений возвратного и страдательного залогов тюркского глагола, хотя в структуре предложения их присутствие необязательно. Поэтому предложения *ol tarıf tarindi* (II, 185) и *ol öziñä tarıf ekindi* (I, 211) переводятся Махмудом Кашгари одинаково — «он сам сеял посев для себя».

4. Весьма специфичными являются примеры Махмуда Кашгари на употребление причастных оборотов. В иллюстративном материале «Дивана» при именах деятеля и причастиях очень часто фигурируют местоимения *bu* и *ol*: *bu qujaş ol kişini uşıtan bukv.* 'этот зной — он, заставляющий человека жажжать' (I, 170), *bu oğul ol burñi jumurğan bukv.* 'этот юноша — он, нос его кровоточащий' (I, 478). Подобные конструкции не свойственны тюркским языкам и, на наш взгляд, образованы автором «Дивана», искусственно по аналогии с арабскими именными предложениями типа: *هذا الرجل هو طالب الصف الأول* 'Этот человек — студент первого курса' и сложно-подчиненными предложениями с придаточным определительным типа: *سمعت محاضر الأستاذ الذي عالم مشهور في الاتحاد السونيائي* 'Я слушал лекцию профессора, который является известным в Советском Союзе ученым'³.

Если сравнивать буквальные переводы арабского простого именного предложения (а) и первого нашего примера (*bu qujaş ol kişini uşıtan*) (б), то нетрудно заметить их структурное однообразие:

а) Этот человек — он студент первого курса.

б) Этот зной — он, заставляющий человека жажжать.

Для арабского языка подобные конструкции являются нормой, а тюркским они чужды. Эти *bu* и *ol* в составе тюркских предложений ничего общего со структурой предложения тюркских языков не имеют и нельзя их переводить указательными местоимениями, как это часто делается в тюркологической литературе. Примеры Махмуда Кашгари, где *ol* встречается в середине предложения (т. е. типа *bu qujaş ol kişini uşıtan*), видимо, следует рассматривать как атрибутивные обороты: *kişini uşıtan qujaş* 'зной, вызывающий у человека жажду'. Возможность такого понимания этих оборотов доказывается и другими примерами. Слово *uşıtan* Махмуд Кашгари иллюстрирует упомянутым *bu qujaş ol kişini uşıtan*, но в фольклорном тексте, приведенном при этом же слове, читаем *uşıtan qujaş* (I, 170). Ср. также: *bu oğul ol bōri ulıgu* 'время, когда волки воют' (I, 155), но *bitig bititgu oğur* 'время, когда пишут письма'.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

² Ср. формализованное русское предложение, составленное академиком Л. В. Щербой: «глокая куздра штеко будланула бокренка».

³ Примеры заимствованы из книги: А. А. Ковалев, Г. Ш. Шарбатов. Учебник арабского языка. М., 1969, стр. 106, 261. О роли указательных местоимений в определительных предложениях в арабском языке см.: С. Brockelmann. Arabische Grammatik. Leipzig, 1962, § 18, § 150, а).

1) Махмуд Кашгари старался по возможности формализовать свои примеры, чтобы они могли служить своего рода моделями тюркских предложений;

2) Отдельные примеры сознательно построены Махмудом Кашгари искусственно — по аналогии с моделями предложений арабского языка — с целью облегчить постижение тюркских форм читателем, исходящим при изучении тюркских языков из норм арабского языка.

Э. А. УМАРОВ

О ДВУХ ОМОНИМАХ В «ДИВАНЕ» МАХМУДА КАШГАРИ

Как известно, основной словарный фонд узбекского языка составляют общетюркские слова. Часть этих слов в процессе развития узбекского языка претерпела существенные изменения, что иногда затрудняет установление этимологии. Одним из путей установления первоначальной формы и значения таких слов является обращение к древнетюркским письменным памятникам, в частности, к «Словарю» Махмуда Кашгари. Это помогает лексикографам, например, правильно расположить омонимы в словарных статьях. Пренебрежение же данными таких источников может привести к грубым ошибкам, что имело место в нескольких узбекских словарях.

Махмудом Кашгари зафиксированы следующие две омонимичные пары: 1) *õñ* 'перед', *õñ* 'цвет'; 2) *oñ* 'легко' (*oñ iñ* 'легкое дело'), *oñ* 'правый' (*oñ ilik* 'правая рука')¹.

Эти слова часто встречаются в памятниках узбекского языка. Первая пара преобладает преимущественно в памятниках, характеризующихся сильными огузскими, а вторая — кыпчакскими элементами.

Остановимся на некоторых примерах.

õñ 'перед'.

Bu navbatkim bordilar devona ikki ölükniñ ikki söñakiñ ikki qöliga olib keldi va Iskandarga salom qildi va ul ölüklarniñ söñaklariñ Iskandarniñ õñida qöjdi².

'На этот раз, когда они пришли, девона (юродивый) взял в обе руки по кости от двух трупов, приветствовал Искандара и положил перед ним эти кости'.

õñ 'цвет'.

Tiladi ton berin tejü tutub fal,
Murassa ton kedürdilar õñi al³.

'Попросил: дайте халат, подобающий моменту,
Одели в дорогой халат красного цвета'.

oñ 'легко'.

Rostlar mamanidur dajr tuz ur ul sari gom,
Kimki ul ägri qadam urdi iñi kelmadi oñ⁴.

¹ См.: Махмуд Қошғарий. Девону луғотит турк, т. I. Тошкент, 1960, стр. 76.

² Пошшоҳуҷа. «Мифтоҳ-ул-адл» ва «Гулзор» дан. Тошкент, 1962, стр. 31. Здесь и дальше цитаты приводятся нами в принятой журналом латинской транскрипции.

³ A. Zajaczkowski. Najstarsza wersja turecka «Husräv u Sırın» Qutba, czesc I, tekst Warszawa, 1958, стр. 215.

⁴ Алишер Навоий. Хазойин-ул-маоний, т. I, Фаройиб-ус-сиғар. Тошкент, 1959, стр. 381.

‘Кабачок — место честных, иди прямо туда,
Кто ступит на кривой путь, у того дела не будут ладиться’.

оң ‘правый’.

Alqissa bu kişini ältib hammomga kijyrub podšohona liboslar kijdurub otga mindurub оң — söliqdin beklar va arkoni davlat kōrunuṣ qilib ältib tazim va takrim birla taht ustida ölturgizdilar⁵.

‘В конце концов отвели этого человека в баню, одели в царские одежды, посадили на коня, справа и слева обступили его беки и государственные мужи, с почестями посадили на трон’.

В процессе развития узбекского языка эти омонимы значительно изменились. Зона распространения второй пары расширилась, а слова первой почти вышли из употребления и стали архаизмами (вместо оң ‘перед’ стали говорить old и вместо õñ ‘цвет’ — gang). Однако производные от последней пары омонимов остались в составе нескольких слов и устойчивых выражений: õñ ‘перед’ — õñlik ‘передник, фартук’⁶, oḡqa-õñiga qagamasdan (jurmoq) ‘не обдумав (пойти)’; õñ ‘цвет’ — õñmoq ‘линять’, õñniqib ketmoq ‘линять’, ‘выцветать’.

Составители современных словарей, часто фиксируя в словарях вторую пару омонимов, не принимают во внимание истории этих слов и включают в их словарные статьи слова первой пары. В результате в словарных статьях соседствуют слова, значения которых не имеют ничего общего. Например, в «Узбекско-русском словаре»⁷ слово оң и связанные с ним устойчивые словосочетания в основном разделены на три гнезда:

Оң I 1. ‘правый’; ~ qōl ‘правая рука’; ~ vazir (бука. ‘правый визирь’) ист. ‘главный визирь’; ~ ga или ~ qōlga ‘вправо, направо’; ~ da или ~ qōl tomonda ‘справа, по правую сторону, по правую руку’; ~ dar ‘справа, с правой стороны’; 2. ‘лицевая сторона; лицо, верх’; ċitniñ ~ I ‘лицевая сторона ситца’; kostjumniñ ~ i ‘верх костюма’; 3. полит. ‘правый’; ~ partijalar ‘правые партии’; ~ lar ‘правые’; 4. перен. ‘удобный, сподручный; подходящий; успешный’; bu jōl menga ~ ‘эта дорога для меня удобнее; iṣ ~ idan keldi ‘дело удалось, дело выгорело’; oḡqa-~ iga qagamasdan или ~ i-terisiga qagataj (бука. ‘не разбирая, где изнанка, где верх’) ‘не разбирая, без разбору, необдуманно’; oḡqa-~ ini olmoq ‘поправить свои дела’; oḡqa-~ ini ajlantirmoq (бука. ‘переворачивать, перелицовывать’) ‘переворачивать что-либо так и сяк, выворачивать наизнанку’.

Оң II ‘явь’; tuṣimmi? ~ immi? ‘что это, явь или сон?’ tuṣ ~ (idan) keldi ‘сон стал явью; сон в руку’.

Оң III: kōz ~ ida ‘на глазах (у кого-л.)’; halqniñ kōz ~ ida ‘на глазах у людей, при всех’; kōz ~ iga kelmoq ‘появляться в воображении, представляться’; kōz ~ iga keltirmoq ‘представлять, воображать’; kōz ~ i qoḡpılaṣdi ‘у него потемнело в глазах’.

Как видно из примеров, две омонимичные пары разделены на три словарные статьи. В итоге слова с далекими значениями, как, например, õñ ‘легко’ и оң ‘перед’, оказались в одной словарной статье.

К сожалению, аналогичное явление наблюдается и в индексе «Словаря», хотя вышеприведенные примеры показывают, что Махмуд Кашгари очень четко разграничивал форму и значения этих омонимичных слов. В индексе приводятся только три слова оң⁸:

⁵ Пошшоҳўжа. «Мифтоҳ-ул-адл» ва «Гулзор» дан, стр. 35.

⁶ Ф. А. Абдуллаев. Хоразм шевалари, т. I. Тошкент, 1960, стр. 72.

⁷ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 583—584.

⁸ Махмуд Қошғарий. Девону луғотит турк. Индекс. Тошкент, 1967, стр. 185.

оң (öñ). I — old 'перед, впереди'. I, 76—14; ар. 44—1.

оң (öñ). II — gang 'цвет, расцветка'. I, 76—16; ар. 44—1.

оң. III — оң 'право, правый, правильный', оң іш — оson, qulaj іш 'удобное, легкое дело'. I, 76—18, 20; 102—9; ар. 44—4; 69—11. оң älik—оң qöl 'правая рука (чигил)'. I, 76—20; ар. 44—4. оң älik—оң qöl 'правая рука'. I, 102—9; ар. 69—11; оң іш—oson іш, qulaj іш 'легкая, удобная работа'. I, 76—17; ар. 44—3.

И здесь составители допустили неточность при систематизации: слово öñ 'легко' необоснованно поставлено в ряд с третьим словом оң III 'право'.

Было бы правильным слово оң и связанные с ним устойчивые словосочетания разделить на четыре словарные статьи примерно в следующем порядке:

1. Оң 'перед, лицевая сторона'; daftarnıñ oñı 'лицевая сторона тетради', köz oñıda 'на глазах (у кого-л.)', oñqa-oñıga qaramasdan 'необдуманно (букв. не разбирая, где изнанка, где верх)'.

2. Оң 'цвет', оңтоқ 'выцветать', unniqib ketmoq 'линять, выцветать'.

3. Оң 'правый'; оң qöl tomonda 'справа, по правую сторону'.

4. Оң 'удобно', оң jöl 'удобная дорога', оңуaj 'удобный', іші oñıdan keldi 'дело удалось'.

Следует надеяться, что в дальнейшей лексикографической работе указанная здесь ошибка будет устранена.

А. МАТГАЗИЕВ

К ИСТОРИИ ФОНЕТИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Для исследования исторического развития того или иного языка важное значение имеет сравнительно-диахронное изучение языковых особенностей письменных памятников разного периода.

В данной статье излагаются некоторые замечания по истории фонетического изменения слов в узбекском языке. Наши выводы построены на сравнении языка письменных памятников узбекского языка XIX века с языковыми фактами более раннего периода, почерпнутыми, наряду с другими, и из «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

Метатеза. Метатеза, то есть перестановка согласных звуков, является одним из фонетических явлений, характерных для всех тюркских языков, в том числе и для многих слов современного узбекского литературного языка. Например: *jamtug* < *jamug*, *örgan* < *ögrän*, *k'ift* < *k'itf*, *kulf* < *kulf*.

Чтобы установить, на каком этапе истории узбекского языка эти слова подверглись таким изменениям, необходимо рассмотреть все основные письменные памятники узбекского языка разных периодов.

Махмуд Кашгари в своем «Диване» отмечает, что, наряду с формой *jamtug* 'дождь' [например: *Нэчама опрак кезук эрса йағмурқа йарар* (ДЛТ, III, 45) 'Одежда, какой бы ни была старой, может пригодиться к дождю']¹, в то время употреблялся и метатезный вариант этого слова, который, однако, им не приводится. Даже в староузбекском языке XIV—XVI веков не встречается метатезная форма.

В источниках же первой половины XIX века параллельно употреблены оба варианта этого слова, например: *jamtug katrasu* (БВ, 25^a) 'дождевые капли'; *ok jamtugu* (МТ, 227°) 'дождь стрел (пуль)'; *bulutsyz jamtug jaydyrdu* (КН, 8°) 'он вызвал дождь без облака'.

Начиная с конца XIX века, стала употребляться только форма *jamtug* || *jamtug*.

Такая же эволюция наблюдается и в историческом развитии слова *k'irpik* 'ресницы'. В старотюркском и староузбекском языках оно употреблялось в формах *k'irpik*, *k'irbük*, *k'irpük*, например: *Қэра кир-пүкүңга күндүз теңалмас* 'Даже черная ночь не сравнится с твоими черными ресницами'².

¹ См. в конце статьи список сокращений.

² *Хорезми*. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба. М., 1961, стр. 50.

Bir bakyb xušu xugad nakdyny yārat kyldy,
K'ōzlāri k'āfirginā ul k'irpigi nāštārginā (Навои).

‘Одним взором сокрушила все мое сознание и разум
Та красавица с гяурскими глазами и острыми ресницами’.

В языке письменных памятников XIX века доминирует форма k'ir-pik' || k'irbik', например: k'irbik'lāri üzün (РС, 285^a) ‘(её) ресницы длинные’; *Гамзасин кирпикларидин новак андоз этти дуст* (Мунис) ‘Любимая излучала кокетство своими стрелами—ресницами’.

В современном узбекском литературном языке это слово подверглось метатезе и употребляется только в форме k'irpik'. Однако в некоторых говорах узбекского языка, а также во многих тюркских языках, оно употребляется в древней форме k'irpik' || k'ärpik' || k'ärvik'.

Слово telmir || telmür ‘смотреть, оглядываться, уставиться’ употреблялось в данной форме до XIX века, например: *эр талим тэлмурди* (ДЛТ, II, 208) ‘человек долго смотрел’, *йэтимлэр тэлмүрүб йығлары хақы* ‘ради рыдающих сирот, которые смотрят с тоской’³. Ul rafyqum telmürüb... (МТ, 293) ‘Тот мой товарищ долго смотрев (на меня)...’ В дальнейшем совершилась перестановка сонорных согласных l и г, вследствие чего появился новый вариант указанного слова — termil.

К позднейшим явлениям в историческом развитии фонетической структуры узбекского языка относится метатеза в словах, заимствованных из арабского и персидского языков. Например, в словах k'ifti ‘плечо’, kufl ‘замок’, mǎzrā ‘земля, почва’, mizāz ‘темперамент’, sufra ‘подстилка’, barjā ‘циновка’ и др. Все эти слова в языке письменных памятников XIX века употреблялись в указанных формах, то есть без перестановки согласных звуков: Šāh Kāsım meni k'ötārib k'ifti üzrā kojdy (БВ, 455^a) ‘Шах Касым, подняв меня, посадил на плечо’; Kuflny syndyryb dārvāzāni açty (ГД, 13^a) ‘Сломав замок, открыл ворота’. Ва mǎzrāni amalapyndyn merās tarubmān (РС, 48°) ‘Эту землю я получил у отцов в наследство’; *Оти улуг, суфраси қуруғ* (Гулханий) ‘(Его) имя великое, а подстилка — пустая’; *Бобо фаррошға бир тиллоға бурё била кумир олиб берилди* (ХДХ, 103) ‘Для сторожа Бобо куплены на золото циновка и уголь’; *Юзи сафҳаси* (Огаҳий) ‘Страница (её) лица’.

В современном же узбекском литературном языке все вышеприведенные слова подверглись метатезе и стали употребляться в формах k'ift, kulf, mǎrzā, sāhifā, mizāz, bojra. Лишь слово surra в литературном языке сохранило свою прежнюю форму, хотя в отдельных говорах узбекского языка и встречается метатезная форма surra.

Вставка и выпадение согласных. Появление фарингального h в начале слова в современном узбекском литературном языке относится к позднейшим фонетическим явлениям. В «Дивану лугат-ит-тюрк» и произведениях Алишера Навои встречаются слова ök'üz ‘бык’, öi ‘мокрый’, ürk'mäk' ‘пугаться, вздрагивать’, авиш ‘пригоршня’ и др. Наличие этого звука в языке отдельных племен в XI веке Махмуд Кашгари объяснял влиянием индийского и арабского языков⁴.

В языке изучаемых нами памятников указанные слова продолжали употребляться в первоначальной форме, то есть без протезы. Например: *Бир овуч кул* (Мунис) ‘Пригоршня пепла’; *Jana bir ök'üz almakda šitab kul'ul* (КН, 160°) ‘Еще при покупке быка будь решительным’; *Ul be-čāga it janlyu urdu* (КН, 173^a) ‘Тот бедняга лаял, как собака’; *ürk'di* (КН, 76^a) ‘вздрыгнул’; *idlāmäsün* (МТ, 104°) ‘пусть не нюхает’.

³ См.: Э. Фазылов. Староузбекский язык (хорезмийские памятники XIV века), т. II. Ташкент, 1971, стр. 377.

⁴ См.: ДЛТ, I, стр. 49, 68.

В современном узбекском языке все приведенные выше слова приобретают протетический *h*: *hök'üz*, *havič*, *hürk'*, *hid*, *hur*, *hidlä* и т. д. В некоторых говорах узбекского языка звук *h* в начале слова выпадает.

Вставка и выпадение согласного *j* в начале слов является древним и весьма распространенным фонетическим явлением в тюркских языках. Еще Махмуд Кашгари заметил это явление и расценил его как диалектное различие между языками огузов и тюрков⁵. Мирза Мухаммед Мехдихан также указал на это явление в языке Алишера Навои⁶.

В письменных памятниках XIX века в большинстве случаев в начале слов *j* сохраняется, например: *Bir jylan anga tiš tek'ürüb* (БВ, 333^a) 'Одна змея укусила его'; *jylan terisi* (РС, 285^a) 'змеиная кожа'; *jylan jyly* (ГД, 107°) 'год змеи'; *jübäk'din šal tokymakny čykardy* (РС, 138^a) 'он придумал ткать шали из шелка'; *ul jüzük'ni jak sayyndilar* (БВ, 309^a) 'они предполагали, что то кольцо исчезло'; *xalk k'özini özidin jyrak kylyb* (МТ, 21°) 'скрываясь от глаз народа'.

В исследуемых источниках встречаются и обратные случаи, то есть выпадение *j* в начальной позиции некоторых слов, например: *Йул уза-сида* (Гулханий) 'по пути, на дороге'; *ipäk'ni ul rajda kylyb* (РС, 139°) 'он изобрел шелка'; *xat ybaryb* (МТ, 185°) 'отправляя письмо'; *birav-biravni uta almadylar* (БВ, 375°) 'не могли выиграть друг у друга'.

В отдельных местах наблюдается выпадение глубокого заднеязычного согласного *γ* в конце и середине слов, например: *Üč k'ünlük' katty: pañ* (БВ, 529°) 'трехдневная твердая лепешка'; *кугаγ* (БВ, 320°) 'берет'; *aju : dek'* (РС, 176°) 'как медведь'.

Выпадение гуттуральных согласных *g/k*, *γ/қ* в конце определенных слов, особенно прилагательных, носит почти регулярный характер во всех хорезмских и ряде других говоров узбекского языка⁷.

В современном узбекском литературном языке арабское слово *kaf* (كف) употребляется в форме *kaft*, то есть с дополнительным согласным *t* на конце слова. Это изменение произошло сравнительно недавно. В письменных памятниках XIX века встречается только форма *kaf*.

Таким же позднейшим фонетическим изменением является выпадение согласных в таких словах, как *otyg < oltyr* 'сидеть, садиться'; *kutul < kurtul* 'освобождаться, избавляться, спасаться'; *art < aryt* 'вытирать, очищать, чистить'. Эти слова в языке исследуемых памятников употреблялись, в основном, в полной форме. Например: *olturdylar* (БВ, 457°) 'сидели'; *ölümdün kurtuldyñ* (БВ, 520°) 'ты спасен от смерти'; *rojmalı birlä k'özüm äšk'ini arytur erdi* (БВ, 458^a) 'платком вытирала мои слезы'.

Недостаточный глагол *erdilledi* 'быть' также употребляется в обеих формах. Однако такое же употребление наблюдается и в источниках более раннего периода. Так, например, в «Бабур-наме» преобладала усеченная форма *edi*.

Древнее происхождение имеет вставка звука *p* в середине слов (обычно между притяжательными и падежными суффиксами). В древне- и старотюркских языках, а также в староузбекском языке XIV—XVIII веков, появление в середине слов так называемого «вставочного»

⁵ См.: ДЛТ, I, стр. 67.

⁶ См.: К. Мухитдинов «Санглох» Мирзы Мухаммеда Мехдихана (исследование, комментарий, перевод и транскрипция). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, стр. 13.

⁷ См.: Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967, стр. 110; Ш. Шоабдурахмонов. Узбек адабий тили ва ўзбек халқ шеваляри. Тошкент, 1962, стр. 124.

и носило системный характер. Начиная с XIX века встречаются случаи выпадения этого согласного, например: *Куринур буки юзи сафҳасида лаб. уза хол* (Огахий) 'Видна родинка на губе, на странице ее лица'; *ik'k'i kaşuṇuṇ aṛasyda xaly pazaṛṇa k'irdi* (БВ, 85⁶) 'между ее бровями виднелась родинка'. В современном узбекском языке «вставочный» п отсутствует.

Чередование согласных. В современном узбекском литературном языке и во многих его говорах конечные глухие согласные именных основ *қ* и *к* перед следующими за ними гласными (особенно перед притяжательными аффиксами) в большинстве случаев озвончаются. Это явление в современном узбекском языке уже приобрело системный характер, например: *қушлоқ—қушлоуу* 'кишлак—его кишлак'; *jūrāk—jūrāgi* 'сердце—его сердце'. Однако в старотюркском и староузбекском языках чередования не происходит, например: *Аның йоруқы нэтак?* (ДЛТ, I, 63) 'Его поведение каково?'; *Бу айақның йаруқы бар* (ДЛТ, III, 22) 'У этой посуды есть трещина'; *Азақның кулақы, эвликим* (Рабгузи)⁸ 'твои ноги', 'его уши', 'моя жена'. Это явление особенно характерно для языка «Тефсира»⁹.

П. М. Мелиоранский также отметил наличие глухих согласных *қ* и *к* в положении между гласными у Ибн Муханны, указав при этом, что эта фонетическая особенность свойственна древним тюркским языкам и отражена в языке орхонских надписей и у Рабгузи¹⁰.

В языке письменных памятников XIX века также наблюдается сохранение этой особенности. Например: *süt aṛyky* (БВ, 72^a) 'молочный арык'; *barṁakyn tişlätti* (ГД, 9^a) 'заставил укусить себе палец'; *jaḥşy-taky* (КН, 74^a) 'хороший', 'лучше'; *kulaky* (МТ, 218⁶) 'его уши'; *k'el-māk'lik'igä* (БВ, 268⁶) 'его приходу'; *eṭäk'i* (КН, 39^a) 'подол (платья)'. Однако в этот период встречаются и случаи чередования согласных *қ* и *к* в указанных позициях, например: *Бесабрлар уз оғидин йитар* (Гулханий) 'Нетерпеливые заплетаются в собственных ногах'. *Харом-зоданинг қуйруғи бир тутам* (Гулханий) 'Хвост ублюдка — одна прядь'. *Мумкин эмас топилмоғи онинг суроғланиб* (Мунис) 'Невозможно, распырашивая, разыскать ее'.

Сингармонизм. В современном узбекском литературном языке закон сингармонизма почти полностью утратил свою силу, сохранились лишь отдельные рудименты этого фонетического явления, например: *kyşloḱka—şähärgä*, *kyskyç—süzgiç* и др. Возникает вопрос, в каком периоде истории узбекского языка начал нарушаться этот закон?

Известно, что в старотюркском языке сингармонизм полностью сохранялся. Частичные нарушения его в «Тефсире» и у Ибн Муханны А. К. Боровков и П. М. Мелиоранский объясняли искажениями переписчиков¹¹. Вопрос о сфере действия этого закона в староузбекском языке все же остается открытым. А. М. Щербак приводит некоторые случаи нарушения палатально-велярной гармонии в староузбекском языке¹². По поводу второго типа сингармонизма, то есть губной гармонии, он пишет, что «его состояние может быть охарактеризовано вполне

⁸ См.: У. Мирзакаримова. Морфологические особенности «Кисаси Рабгузи». Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969, стр. 6.

⁹ См.: А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка. III. — «Ученые записки Института востоковедения», т. XVI. М.—Л., 1958, стр. 177.

¹⁰ См.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб, 1900, стр. XXXVIII—XXXIX.

¹¹ См.: А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 184—185; П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. XXIX.

¹² См.: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 73—74.

определенно. В целом этот тип предстает в неустойчивом виде, обнаруживая тенденцию к полному исчезновению»¹³.

А. Рустамов, изучив достоверный список «Хамсы» Алишера Навои (переписанный Абдулжамил катибом), приходит к выводу, что в языке Алишера Навои существовали все три вида сингармонизма: палатально-велярный, губной, а также гармония звонких и глухих согласных¹⁴.

Ф. А. Абдуллаев в своей специальной статье, посвященной вопросу гармонии гласных в языке произведений Навои, на основе графического и фонетического анализа слов выдвигает предположения о причинах возникновения процесса нарушения сингармонизма в языке Навои и вообще в узбекском языке¹⁵.

Материалы письменных памятников узбекского языка первой половины XIX века показывают, что и в этот период большинство многосложных слов подчинилось закону сингармонизма. Многие суффиксы имели сингармонические варианты: -mäk'/-mak, -gän/-yan, -k'än/-kan, -gü/-yu, -k'ü/-ku, -lik'/-lyk, -lig/-lyu, -lük'/-luk, -lüg/-luu, -gä/-ya, -k'ä/-ka, -mi/-my, -mü/-mu, -ym/-im, -üm/-um, -yü/-yu, -tär/-tar, -dir/-dur, -yüz/-yuz и др.

Однако следует отметить, что в языке исследуемых памятников встречаются и случаи нарушения обоих типов сингармонизма. Причем, это не частные случаи, а наоборот, результат проявления довольно широко распространенных тенденций, к которым относятся, например:

а) нарушение палатально-велярной гармонии: özüñya 'себе' (БВ, 498^a), öltürmäk'ya (БВ, 252^a) 'чтобы убить', emäk'iya (КН, 18^a) 'на его осла', rävsänlik'din—rävsänlykya (БВ, 96) 'от ясности к ясности' и др.;

б) нарушение губной гармонии: boldum 'был' (РС, 86) sözim (ШИ, 89^a) 'мое слово', sözlik (КН, 1686) 'словник' и др.

Вообще в исторической эволюции сингармонизма наблюдается тенденция постепенного смягчения многих слов с твердыми основами, например: soñ>söñ 'после', oñ>öñ 'правый', 'правильный', syuy>sigir 'корова', julduz>jüldüz 'звезда', myñ>miñ 'тысяча', jyl>jil 'год' и др. Все эти слова в современном узбекском литературном языке произносятся мягче.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БВ — *Восифи*. Бадое-ал-вакое (перевод Диловара), ИВ АН УзССР, инв. № 3344.
ГД — *Огахи*. Гульшани довла, ИВ АН УзССР, инв. № 7572.
ДЛТ — *Махмуд Кошгарий*. Девону луғот-ит-турк. Тошкент, 1960—1963.
КН — *Кабус-наме* (перевод Огахи), ИВ АН УзССР, инв. № 7577/11.
МТ — *Хакимхан ибн Саид Маъсумхан*. Мунтахаб-ат-таварих, ЛО ИВ АН СССР, Д—225.
РС — *Мирхонд*. Равзат-ус-сафо, т. I (перевод Шермухаммеда Муниса), ИВ АН УзССР, инв. № 7305.
ХДХ — *Хива давлат хужжатлари*, т. II. Под редакцией М. Ю. Юлдашева. Ташкент, 1960.
ШИ — *Огахи*. Шахид-ал-икбол, ЛО ИВ АН СССР, С—572.

¹³ См.: А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 74.

¹⁴ См.: А. Рустамов. Алишер Навоий тилининг фонетик хусусиятлари. — «Навоий ва адабий таъсир масалалари». Тошкент, 1968, стр. 274.

¹⁵ См.: Ф. А. Абдуллаев. Алишер Навоий асарлари тилида унли товушлар уйғунлиги масаласига доир. — «Узбек тили ва адабиёти». Тошкент, 1966, № 5, стр. 11—15.

О. КАРАЕВ

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ, СООБЩАЕМЫЕ МАХМУДОМ КАШГАРИ

(ПО ТЯНЬ-ШАНЮ И СЕМИРЕЧЬЮ)

По дошедшим до нас сведениям, около 940 г., неизвестные до того времени пришедшие с юга тюрки-язычники (которые, вероятно, и основали впоследствии династию караханидов) захватили г. Баласагун в долине реки Чу¹. Судя по некоторым косвенным данным Махмуда Кашгари, можно предположить, что во главе этих тюрков-язычников стояло племя *чигил*. По сведениям того же автора, чигили в то время обитали в городке Чигил, вблизи Тараза и в нескольких кишлаках около Кашгара, расположенных в долине реки Или². Согласно сведениям, сообщаемым другими средневековыми авторами, чигили жили также и в районе озера Иссык-Куль, то есть в тех местах, откуда происходил родом Махмуд Кашгари³. Очень важным является сообщение Махмуда Кашгари о том, что огузы были непосредственными соседями чигилей в долине Таласа и постоянно враждовали с ними (I, 374). По свидетельству других средневековых авторов, караханиды в конце X в. также находились во враждебных отношениях с огузами, заселявшими окрестности долины Таласа. Таким образом, как будто есть основания для отождествления караханидов с чигилями. Отмечая, что огузы ошибочно называли всех тюрков от Сыр-Дарьи до Чина, перенявших обычаи и одежду чигилей, чигилями (I, 374), Махмуд Кашгари тем самым подчеркивает рост влияния и возвышение в тот период чигилей. В другом месте Махмуд Кашгари именуется племена тухси, обитавшие в долине Или, тухси-чигилями (I, 399). Очевидно, не случайно хаканские (то есть правительственные. — О. К.) указы и распоряжения назывались чигильским словом «ярлыг» (III, 49). Можно согласиться с мнением С. М. Муталлибова, что в то время чигильский язык играл роль языка, объединяющего носителей многочисленных тюркских диалектов (I, 11). На основании приведенных данных можно заключить, что именно чигили из Центрального Тянь-Шаня, опираясь, главным образом, на своих соотечественников в долинах рек Или и Талас, а также на союзные племена ягма и другие, образовали государство Караханидов.

Как сообщает Махмуд Кашгари, Тянь-Шань и Семиречье были заселены различными племенами. О расселении одного из основных

¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 40.

² Махмуд Кашгарий. Девону луғотит турк. Тошкент, 1960—1963, т. I, стр. 118, 374, 387; т. III, стр. 187; далее в тексте указываются только тома и страницы этого издания.

³ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 36—39.

племен — чигилей в государстве Караханидов уже говорилось выше. В Баласагуне обитали сугдаки, переселившиеся из Мавераннахра (I, 437). Непосредственными соседями чигилей и аргу вблизи Таласа являлись огузы (I, 374; III, 167). Кыпчакские племена расселялись около Тараза и Кашгара (I, 440, 444). Согласно карте Махмуда Кашгари, кыпчаки и огузы занимали территорию вблизи Тараза (I, см. карту на стр. 64). На берегах реки Или наряду с чигилями обитали племена ягма и тухси (I, 118, 387, 399). Однако на карте вместо них указаны татары и башгырты. Племена ягма также жили около Тараза (III, 41). Непосредственными соседями ягма и татар в долине реки Или, по-видимому, были киргизы (I, 28, 497). Ямаки обитали в районе Узгенда и в долине реки Иртыш (I, 122, 314). Племена ябаку населяли территорию между Кашгаром и Узгендом и по соседству с татарами в долине реки Или (I, 490; III, 43). Махмуд Кашгари не указывает района расселения карлуков. Согласно данным других средневековых авторов, часть этого племени обитала в районах Семиречья и современной Северной Киргизии. На северо-восточной границе государства Караханидов кочевали племена басмил (ясмил), кай и жумул. Восточными соседями караханидов были уйгуры. У Махмуда Кашгари отсутствуют какие-либо сведения о районе расселения играков и жаруков.

В словаре Махмуда Кашгари приводится большое количество географических названий. Наиболее подробно характеризуются им районы Тянь-Шаня и Семиречья. Это объясняется, по-видимому, тем, что автор был родом с южного побережья Иссык-Куля; он много путешествовал и хорошо знал восточную часть территории государства Караханидов. Ниже приводятся географические названия, относящиеся к Тянь-Шаню и Семиречью:

названия местностей — *Отукан, Яфгу, Арт, Куми Талас, Занби Арт, Арук Турук, Ак Сай, Ала, Аргу, Конгут, Кабуш, Торуг Арт Тиз, Кавак Арт, Бедел Арт, Чагла, Минглок, Бархан, Баласагунские горы, Токкурка, Бакирлиг, Тавушган Огуз, Каргалик, Кара Йылга, Жиз Ав Тайиз, Жон Арык, Бай Жыгыч, Кара Сенир, Кифчак, Ак Терек, Ила и Сигун Самур* (см. I, 156, 361, 110, 148, 159, 350, 354, 364, 373, 405, 407, 409, 440, 451, 456, 469, 479, 110, 91, 388; III, 39, 253, 445, 40, 136, 158, 173, 241, 440);

названия городов и кишлаков — *Улуг Талас, Кэми Талас, Косан-Куча, Уч, Баласагун-Куз, Улуш-Куз Орду, Атлук, Орду, Тартук, Яфгу, Баллу, Кожа, Камланчу, Яфинч, Кучанар Баши, Канжак Сенир, Саплиг Каяс, Урун Каяс, Кара Каяс, Ики Окуз, Чигил, Барсган, Сулми, Жанбалык, Бешбалык, Янибалык, Букур, Кизил Оз, Узгенд и Ягма* (см. I, 347, 384, 71, 94, 125, 145, 434, 444, 91, 374, 136, 342, 109, 114; III, 39, 251, 255, 260, 385, 392, 187, 424, 41);

названия озер и рек — *Юлдуз Кол, Корун Кол, Азгирак Суу, Исык Кол, Сизин Кол, Каз Суу, Улуг Кайкан, Кичиг Кайкан, Тарин Кол, Ай Кол, Ябаку Суу и Или* (см. I, 149, 162, 388; III, 381, 149, 165, 190, 149, 43).

Большинство этих географических объектов существует до сих пор, местонахождение других нетрудно установить. Ниже мы попытаемся локализовать некоторые из них.

Из перечисленных географических названий следующие сохранились и поныне: перевалы *Бедел, Шамси* (у автора *Занби*), *Торуг Арт*; пастбище *Ак Сай*; местность *Кавак*; река *Или*, города *Куча, Узгенд*, озера *Юлдуз Кол, Исык Кол, Сон* (у автора *Сизин*) *Кол*.

Ряд географических объектов, на основании данных самого Махмуда Кашгари или других авторов, можно отождествить с современными. Так, например, *Баласагунские горы*, по-видимому, получили свое название от города *Баласагуна*, одной из столиц государства Караханидов. Город Баласагун отождествляется археологами с городищем *Ак-Бешим* или башней *Бураной*, расположенными в долине реки Чу. Махмуд Кашгари указывает эти горы к югу от города Баласагуна. Поэтому Баласагунские горы соответствуют нынешнему Киргизскому Ала-Тоо. Крепость *Кучанар-Баши* отождествляется с развалинами *Ширдакбек*, расположенными в долине Ала-Буки. Город *Тараз* отождествляется с *Джамбулом*. Родной город отца Махмуда Кашгари *Барсхон* находился на юго-восточном побережье озера Иссык-Куль. Примерное местонахождение всех остальных вышеперечисленных географических объектов можно установить на основе данных Махмуда Кашгари. Приведем несколько примеров. «Атлук, — пишет автор, — город поблизости Тараза» (I, 124). «Орду — город, расположенный около Баласагуна» (I, 145). «Бай Жыгач — название местности между Куча и Уч» (III, 173). «Яфинч — название одного города поблизости Или» (III, 385). «Жиз Ав Тайиз — пастибища около Барсхона» (III, 136). «Аргу — междугорье. Поэтому города между Таразом и Баласагуном также называются Аргу» (I, 148).

Как мы видим, содержание сообщений Махмуда Кашгари указывает на то, что многие упоминающиеся им географические названия относятся к районам Тянь-Шаня и Семиречья.

С. ИБРАГИМОВ, М. АСАМУДДИНОВА

ОТРАЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК» И «КУТАДГУ БИЛИГ»

В эпоху караханидов с расцветом феодализма значительное развитие получили, находившиеся под влиянием мусульманской культуры, общественные науки, математика, медицина, а также различные отрасли народного хозяйства: зерноводство, хлопководство, многие ремесла и промыслы. Одновременно обогащалась связанная с ними профессиональная лексика тюркских языков. Составленная авторами карточка этой лексики включает 1651 профессиональный термин из «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари (общее количество заглавных слов «Дивана» вместе с омонимами выражается числом 7343) и свыше 400 терминов из «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни.

Авторы в данной статье ограничились анализом терминов, относящихся к предметам и деталям сбруи, упряжи, одежды и к портняжному делу¹.

НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ СБРУИ И УПРЯЖИ

Одним из предметов конской сбруи, название которого встречается в «Дивану лугат-ит-тюрк» (ДЛТ)² и «Кутадгу билиг» (КБ), является агсак 'седло'. Китайский посол Чжан-Цзянь, посетивший Среднюю Азию во II веке до нашей эры, в своем отчете китайскому императору упоминает *Эрши* (или *Ирши*), название главного города Давана (Ферганской долины). Некоторые ученые, в том числе и казахский филолог Г. Мусабаев, так этимологизируют это слово: *эрши* < *зерши* || *иерши* || *эгарчи* 'седельный мастер', 'седельный ряд'; 'населенный пункт, жители которого занимаются изготовлением седел'. Если эта гипотеза верна, то термин «эгар» является одним из древнейших тюркских слов.

Слово *äðär* в «Диване» зафиксировано в следующей фразе: *ol äñär äðär kökläşdi* (II, 261) 'Он помог ему застегнуть части арчака или седла'.

äðärlädi (I, 293) 'седлал лошадь' и др. Этот термин в настоящее время употребляется во всех тюркских языках в разных фонетических вариантах: узб. *egär*; казах. *ijär*; кирг. *eeg*; каракалп. *eg*; туркм. *ejär*; азерб. *jähär*; татар. *ijär* и т. д.

¹ Раздел, посвященный названиям предметов и деталей сбруи и упряжи, написан С. Ибрагимовым, одежды и портняжным терминам — М. Асамуддиновой.

² Все ссылки даются: на узбекское издание — Махмуд Кошгарий. *Девону луғотит турк. Таржимон ва нашрга тайерловчи С. М. Муталлибов*. Тошкент, т. I — 1960, т. II — 1961, т. III — 1963, «Индекс-лугат» — 1967, (в скобках указываются том и страница); и на *Jusuf Xas Haʼib. Qutadqu bilig* (قۇتادغۇ بىلىك) Ташкент, 1971.

В XIX и XX веках в Средней Азии пользовались несколькими видами седел: в Узбекистане *аравакаш* (или *арава*) *эгар* 'вьючное седло', *салт эгар* или *мугар эгар* (а в говорах Верхней Кашкадарьи — *кызыл эгар* 'красное седло') 'верховое седло', *эшак эгар* 'седло для ишака'; в Казахстане *өзбек иер* 'узбекское седло', *гутас иер* 'цельное седло', *өгиз иер* 'седло для быка', *эшек иер* и *қуранди иер* 'седло для ишака'; в Туркмении — *озбек ияр*, *ховут* 'седло для верблюда' и *иңгырчық* (*iñgırsıq*) 'седло для ишака'.

Все эти типы седел отличаются друг от друга как по внешнему виду, так и по количеству деталей. Узбекский *салт эгар* состоит из 28 деревянных частей: *nükčä, balä jelkä, jelkäpöšäk, baläpöšäk, jansil, pärrä, qaşpeç, büžänäk, biqinçör, märdäk, qaptal, qoşaqr, qulaq, dästäk*³.

Как видно из названий деталей *äbär*, зафиксированных в ДЛТ, седло XI века состояло только из четырех частей и было похоже на казахский *qurandı ijer*. Указанный вид седла состоит из следующих частей: *alıı qas* 'передняя лука', *arqa qas* 'задняя лука', *qospa* 'часть, соединяющая переднюю и заднюю луки' и *qaptal* 'нижняя боковая часть седла'.

qurandı ijer используется в тех же целях, что и *äğäyäkäs egär*, а также *salt egär*.

Та часть седла, которая в настоящее время называется *qaşlıqas* 'лука седла', в ДЛТ обозначена словами *jalıy* 'передняя и задняя лука арчака' (III, 212) и *ömzik* (I, 129): *öñdöngi jalıy* 'передняя лука' и *kedingi jalıy* 'задняя лука' (III, 21). Отсюда можно заключить, что седло XI века имело две луки (*jalıy*), узбекские же седла имеют лишь одну луку (*qaş*), а на месте задней луки находится *karsan* (*quřiq*) или *jasmaq* (в туркменском языке).

В словаре Замахшари «*Muqaddimat-äl-ädäb*», созданном в XIII веке, можно прочесть: *ijärniñ ilaj qaşı* 'передняя лука седла' и *ijärniñ kejin qaşı* 'задняя лука седла'⁴.

Отметим, что казахское седло *qurandı ijer* и узбекское *iñgınsaq* 'седло для осла' имеют две луки.

Следующие термины служили в языке XI века названиями различных предметов упряжи:

tartıy — *egärniñ qajışi* (I, 420) 'ремень седла'. Однако не ясно, какой из седельных ремней носит название *tartıy*. В «Индексе» же ДЛТ данное название переведено как «подпруга» (251)⁵.

В языке XI в. встречается еще слово *qadıš* 'ремень': *baqanlıy qadıš* — узб. *halqalı qajış* 'ремень с кольцом' (I, 458). Однако к ремню прикрепляются не кольца (*halqa*), а пряжки (*toqa*), и потому слово *baqanlıy* следовало бы перевести как *toqa*, а не *halqa*. В значении «ремень» в языке XI в. употребляли также термин *jarındaq*, например, *ol meñä jarındaq tilişdi* 'он помог мне подрезать ремень' (II, 121).

sıdrım 'ремень, чересседельник в упряжи местного образца'.

otıyın 'широкий ремень, прикрепляемый к левой стороне конского седла. К нему пристегиваются застёжки пряжки' (I, 132). В ДЛТ слово *halqa* переведено как «застёжка пряжки». Между тем *halqa* обозначает не «застёжку», а круглую форму — «кольцо». Пряжка же имеет в основ-

³ См.: Узбек шеваларининг лексикаси. Тошкент, 1956, стр. 122.

⁴ Монгольский словарь «Мукаддимат-ал-адаб». Л., 1938, стр. 154.

⁵ В узбекском языке подпруга называется *ajil*.

ном четырехугольную форму и в узбекском языке называется *toqa* (в казахском — *aïlbas*).

В узбекском седле XIX—XX вв. деталь *otup* отсутствует. Вместо нее на одном конце подпруги прикрепляется *tilsiz toqa* 'пряжка без застежек', что соответствует казахскому *žigim* — от корня *žig-* (*žigmaq*).

ādbārlīk 'деревянный подседельник' (I, 167). Махмуд Кашгари отмечает, что, если конечный звук слова *ādbārlīk* произнести как *g*, то это слово будет иметь значение «владелец седла». Указанный термин совпадает с названием XIX—XX вв. *qaptal* 'две боковые нижние части седла'.

jabi 'подушка седла' (III, 30). В узбекском языке слово *jarīq* означает «попона, покрывало для лошадей», а в ДЛТ *jabuq* (или *jaruq*) означает «голая, неоседланная лошадь». В современном же туркменском языке попона называется *žuvul* (узб. *žul*).

abrīm 'верхний войлочный потник' (I, 131). В современном узбекском языке этот предмет называется *žazlīq* (в Ташкенте и Ферганской долине), а в кыпчакском наречии Самаркандско-Бухарско-Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей — *žahaldirik* (ср. кирг. *želdik* и туркм. *jola*).

žazlīq бывает двух видов: *salt žazlīq* 'ездовой' и *ārāvākāš žazlīq* 'выючный' (лицевая сторона *salt žazlīq* делается из кожи, а нижняя — из войлока); по-видимому, *abrīm* в XI в. изготовлялся из войлока и употреблялся как для выючного, так и для ездового седла.

kōrčūk 'седельная подушка' (огузское, «Индекс», 169). Перевод в ДЛТ (I, 443) неточен: «чехол, который надевается на седло» (*egārniñ üstigā kijgizilādigān jarīq*).

В современном узбекском и казахском языках слово *kōrčīk* означает «кожаная подушка, набитая шерстью или пухом, которая кладется на седло».

tapciq 'торба, небольшой мешок для корма лошади и другие предметы, висящие на седле', *egārgā asiladigān turva vā bašqa nārsālār* (I, 144). В «Индексе» (стр. 178) указано так: *egārgā asiladigān nārsālār* 'чересседельная переметная сума'. В обоих вариантах перевода допущены неточности. Обычно такие вещи висят не на седле, а на тороке (*qapžīya*).

qismaq — *üzānginiñ ikki janidāgi ikki qajīs bayī* (I, 349) 'два ремня стремян' («Индекс», 366). Например, *Ol aṇar qismaq qisrīšdi* 'Он помог ему укоротить ремень стремени' (II, 255). Данный предмет (*qismaq*) в современном узбекском языке называется *üzāngi bayī* (в Хорезме — *zāngi bayī*), а в казахском — *zōngi bayī*.

žiktān — *egār üstidān jarīladigān jarīnčīq* (I, 408). В «Индексе» переведено как «чепрак» (стр. 331). В современном узбекском языке данный предмет называется *jarīq* или *dikkāk||digi*.

baṇīrcaq 'седло для осла' (I, 460). В том же значении в «Диване» встречается еще слово *sīrmaq* (I, 437).

*qom*⁶ 'верблюжий потник' (III, 151). Этот термин дошел до нашего времени. В узбекской классической литературе он встречается в сочинении поэта Гулхани «Зарб ул-масал»⁷.

Выше было приведено название *azrīm* (*abrīm*) 'верхний войлочный потник' (I, 131). В том же значении в другом месте «Дивана» встреча-

⁶ Слово *qom* в узбекском переводе ДЛТ транскрибировано в виде «қум», хотя следовало бы дать «қом».

⁷ Тошкент, 1332 год хиджры, стр. 8.

ется слово *terlik* (I, 144). По нашему мнению, здесь в переводе допущена ошибка. Обычно потников бывает два: *верхний* и *нижний*. Верхний называется *toqum* (лицевая сторона его бывает узорчатой, обрамленной черным бархатом), а нижний — *terlik* (в туркменском языке *jona*). Последний изготавливается из тонкой кошмы, чаще всего белого цвета, размер которой соответствует *toqum*. Под *toqum* на спину лошади стелется *terlik*, чтобы предотвратить просачивание пота.

köbän 'верблюжья сбруя' (I, 384)⁸. В «Индексе» это слово дается в значении *toqum* 'потник' и *egar* 'подседельник' (стр. 162). Здесь нетрудно заметить некоторое противоречие. В «Кутадгу билиг» в значении «сбруя» встречаются два слова — *tolum* и *üstäm*: *ölümüg unutmaj, oset tolum* (255/1366) 'Не думай о смерти, готовь сбрую'; *At üstäm jariqlar bolur qib qizil, qizil qizyu enlar bolur jab-jasil* (390/2349). 'Лошади, сбруи, кольчуга, шит бывают красные, красноватые, а лица зеленые'.

jügün 'узда'. Имеются следующие соответствия в современных тюркских языках: узб. *jügän||zügän*; туркм. *üjän||öjän*; казах. и кирг. *žüqön*; тат. *tezgen*; азерб. *žilov*. Данный предмет состоит из двух крупных частей: 1) *jügän||zügän*, надеваемой на голову лошади, которая, в свою очередь, состоит из частей: *başlıq, püştüburun, betlik, saqaldırıq, tamaqlıq, suvluq, halqa*; 2) *žilav||tizgin*. В «Диване» слово *jügün* как заглавное не встречается. Оно приведено в словарной статье *tuluñ* во фразе *jügün tuluñ* 'кольцо узды' (III, 381). В «Индексе» дается ссылка на том III, стр. 377, где, однако, этого слова нет. В «Диване» (III, 16—17) значение «узда» имеет еще слово *jülär*. Здесь деэпричастие *jülärlän* переведено как *poxtalab* (в совр. узб.) 'надев недоуздок' (III, 124) («лошадь взнуздана»). Однако в переводе имеется неточность: в XI веке слово *jülär*, по всей вероятности, означало «недоуздок», а *jügün* «узда». В значении *jülär* в «Диване» встречается и слово *küvüç* (III, 178).

burunduq 'повод, стерженек, продеваемый в нос верблюда' (I, 460).

Название второй части узды — *tizgin* 'повод, вожжи' встречается в сочетании *tin tizgin* 'узда и недоуздок' (I, 326). В данном случае слово *tin* выступает как синоним слова *jügün* 'узда'. Если произносить слово *tin* с заднеязычным *i*, то значение его изменяется, обозначая «душа, дыхание» (I, 326). Значение «недоуздок» в КБ выражает слово *tiz: tizikmak* 'надевать недоуздок на голову коня':

Käjik sanı dävlat kişigä tezig.
Qalı kelsä beklä tuta häm tizig (160/698).

'Богатство похоже на оленя, убегает от человека.
Если близко подойдет, обуздай его и держи крепко'.

Отсюда следует, что корнем современного слова *tizgin* является *tiz (-gin — аффикс)*.

В КБ, в значении *tizgin* встречается и другое слово — *örk*:

E mülkätkä nür jaiy, qutqa örk.

'О, свет царства, проходящей жизни — недоуздок!'

Таким образом, для обозначения понятия «узда» в тюркских языках XI в. употреблялись два термина: *jügün* и *tin*. То же значение, что и *tizgin* в ДЛТ, кроме приведенного выше *jülär*, имеет и другой синоним — *žetgan* (I, 414).

Обычно узда и нагрудник (*ömlüdügük*) украшаются узорчатыми металлическими пластинами разной формы. В XIX—XX вв. в Узбеки-

⁸ В говорах Кашкадарьинской области УзССР называется *žihaz*.

етане металлические детали (*āpžāmā*) назывались: *üz mā*, *γuppa*, *bārgāk*, *šākki*, *pōgi*, *üzük*, *toqa*.

Узда состоит из следующих кожаных и металлических частей: *tizgin* 'повод', *bašlig* 'наголовный ремень', *bārroj* или *betlik* 'нащечный ремень', *pūštuburun* 'нахрапный (или «наносовый») ремень', *saqaldiriq* или *tamaqliq* 'подгортанный ремень' (состоящий из *uzun saqaldiriq* и *kältā saqaldiriq*), *suvluq* 'удила' или 'мундштук' (или 'трензель'), *halqa* 'кольцо' и *toqa* 'пряжка'.

Указанные части узды можно видеть и на миниатюрах рукописей, изображающих всадников XIV и XV вв. Некоторые названия этих частей зафиксированы и Махмудом Кашгари в «Диване», например: *jig* (III, 157) (современные его эквиваленты: *suvluq* — в узбекском, *avuzluq* — в казахском), *tulun*.

В «Диване» можно прочесть: *jügün žiñil-žiñil etti* 'узда издала звон, зазвенела' (III, 377). Это позволяет сделать вывод, что на уздах XI века также имелись металлические украшения. Кроме того, Махмуд Кашгари включил в «Диван» следующие названия:

jig 'удила узды' (III, 157), *tulun* 'бусы, амулеты и т. п., прикрепляемые на узде с правой и левой стороны у висков лошади' (III, 381), *tulun* 'кольцо узды' (III, 381). В современных уздах также имеется такое кольцо, к которому прикрепляются части узды, называемые *bašliq* и *bārroj*.

В значении «кнут» (*qamčī*) в ДЛТ встречается термин *uγu* (II, 73). Зафиксировано и слово *čavuy* 'конечная часть кнута': *čavuy čirmaldī* 'конец кнута был переплетен'. В КБ упоминается и термин *qamčī*, например:

Uduy [غۇي] beg sözi kör bögä jolčılıy,
Kür arslan münügli qılıč qamčılıy (384/2318).

'Прислушайся к словам бдительного бека. (Его слова) являются путеводными: Небоязливый человек, седлающий льва, должен иметь саблю и кнут'.

kömdürük 'нагрудник' (I, 482). В современных тюркских языках: узб.—*ömüldirik* или *ömäldirik*, кирг. и казах.—*ömüldürük*, каракалп.—*oñürşe*. В «Индексе» это название переведено как «подпруга», что не совсем верно.

Выше мы указали некоторые названия предметов конской сбруи, употреблявшиеся в языке XI в. Из этих названий *ādār*, *tolum*, *üstām*, *tiz*, *qamčī* вошли и в литературный язык того времени (см. «Кутадгу билиг»). Отдельные названия употреблялись лишь в языках XI—XII вв. и не дошли до нас. К числу таких терминов относятся: *tolum*, *üstām*, *jaliγ*, *tartıy*, *baqan*, *jarındaq*, *sīdrīm*, *otγun*, *jabī*, *kōbān*, *mančuq*, *qīšmaq*, *čiktān*, *bayıgčaq*, *sirmaq*, *ađrim*, *toluγ*, *jülār*, *jig*, *tim*. Некоторые термины изменили свой звуковой состав, например: *egār*, (вм. *azar*), *qajış* (вм. *qadıš*), *jügān* (вм. *jügün*), *ömäldirik* (вм. *kömdürük*) и т. д. Ряд названий дошел до нас без изменений. К таким названиям можно отнести: *qamčī*, *burunduq*. Термин *qamčī* мы встречаем в «Muqaddimat-āi-ādāb» مقادیم الادب (XIII в.): *urdī āni qamčī birlā* 'ударил его кнутом'⁹.

В произведениях Алишера Навои встречаются следующие названия частей сбруи: *ijār*, *qamčī*, *qušqun*, *terlik*, *tizgin*, *žibilgir* (или *žilgir*),

⁹ «Мукаддимат-ал-адаб», стр. 154.

hāna, toqum, ʒazlıq, ularçay, ʔanʒıʔa, cilbūr, qantar, toqa. Названия предметов конской упряжи: egār, qamšī, jügān, ömüldirik, terlik, tizgin, qom и некоторые другие, употреблявшиеся в тюркских языках XI в., сохранились во многих современных тюркских языках.

ТЕРМИНЫ ПО ПОРТНЯЖНОМУ ДЕЛУ

Здесь имеются в виду названия одежды, обуви, головных уборов, их деталей, названия сырья, трудовых процессов и специальных инструментов.

Рукописи караханидского периода свидетельствуют о том, что в XI в. одежда, обувь и их детали, а также швы, узоры, формы, способы шитья обозначались специальными терминами. Термины по портняжному делу встречаются как в «Диване» Махмуда Кашгари, так и в «Кутадгу билиг». Их можно сгруппировать следующим образом:

1. Термины, употреблявшиеся лишь в XI веке.
2. Термины, употреблявшиеся в XI—XVI вв.
3. Термины, дошедшие до наших дней.

К первой группе относятся следующие термины:

а) названия сырья

bäsbäl — *bir qatım ip* 'нитка длиною в один размах руки' (I, 445). В «Индексе» переведено: «кудель, моток ниток» (57). Налицо несоответствие.

emšan — *postın qılınadigān teri* 'кожа, предназначенная для шитья шубы' (I, 133). В «Индексе» — 'кожа, пригодная для шубы' (44).

bürtä — *kijimlārgä čätılädigān girdäk säklidägi jupqa zārlār* 'золотые пистоны для застегивания одежды' (I, 393). В «Индексе» — 'мишура' (79).

bütär — *bärdi degān toqıma kijimlikkä islätılädigān öriş (uzunäsiggä qojılädigān ip)* 'нить-основа при изготовлении материи (барди)' (I, 341).

tehčäk — *čin ipäkli gäzlāmäläridān bir türi* 'один из видов китайской шёлковой ткани' (I, 441). В «Индексе» — 'вид шёлковой материи' (261).

žüz — *qızıl rānli zār tikilgān čin ipäk gäzmalı* 'китайская золототканная материя красного цвета' (I, 314). В «Индексе» — 'вид шёлковой материи' (335).

qoʔuʒ — *işlav berilqān teri* 'обработанная кожа, шкура' (III, 154). В «Индексе» — *čägm, teri* 'кожа, шкура' (373);

б) названия рабочих процессов

jigi II zič 'плотно' (III, 32). В «Индексе» — *zič tikilädigān čak* 'плотно сидящий шов' (132).

köbik — *čarap qavış* 'стегание (халата)' (I, 387).

sabīndi — *ip ötkāzdi* 'продел нитку'; *eşlār jignā sabīndi* 'Женщины сделали вид, что продевают нитку' (II, 175);

tik: ton jigi tik — *tonnı žič qılıb tik* 'шей одежду крепко';

в) названия одежды и ее деталей

ji — *kijim čaki* 'шов' (III, 235).

jörgāncü 'портянки; сверток'; *adaqına Jörgāncü sarladı* — 'ногу обматывал портянкой' (III, 311).

izlik — *čarıq* 'ичиги' (I, 129).

kidük — pät-dän qilīngān baš kijim 'головной убор из перьев' (I, 371).

kiḡgū — jamyırda kijilādigān japīnčiq 'плащ' (I, 371; III, 46).

keḡgū — kijilādigān här bir nārsā 'одежда' (I, 405).

iştan 'штаны' (ягма, I, 133).

örkän — qajış 'ремень' (огузское, I, 132).

saryuḡ 'женский платок, покрывало' (I, 449).

tulvör 'женское покрывало на лицо' (I, 425).

uquq — mähşini äjāb, üstidän kijilādigān, pajtava kabi nārsā 'портянокоподобный предмет для наматывания на ичиги' (I, 97).

üm 'штаны, шаровары' (I, 74).

cukrāk 'шерстяной халат' (III, 321).

didāk — kelin köḡgāndā, jürgāndā beganälärdän jāsiriniş ücün japīnādigān nārsā 'покрывало, которым невеста укрывается от посторонних взглядов' (I, 387).

didim — nikah kečasi kelingā kijdirilādigān taḡ (gimmat bāha taşlar ornätilgān baš kijim) 'кокошник, венец, надеваемый невестой в ночь первого дня свадьбы' (I, 378).

japtac 'бурка пастуха' (III, 45).

jaraq — temir kijim, savut 'кольчуга, панцирь'; er jaraqlandi 'человек надел кольчугу' (III, 125).

jaşıq — dubulḡa (mis jakı polat qalpaq) 'металлический шлем, медный или стальной' (III, 57).

jalma — paxtalı top 'ватный халат' (III, 419).

ör — qaftan jakı kāmzülñiñ qoltıq astı qısmı 'подмышечная часть кафтана или камзола' (I, 80).

siziḡ — köjlāk etäğiniñ ikki tamanidän jaqasığāčā bolgān qısmı 'пола платья' (I, 355).

künčük 'карман' (I, 444);

г) названия инструментов

bıḡyūḡ — qajči 'ножницы' (I, 421).

jüksük — āngişvanā 'напёрсток'.

cıḡ II — türklärñiñ gāz ölčävi nami. U gāznıñ ücdän ikkisigä teḡ Köḡmāñılār u bilān bōz ölčäjdilār 'мера длины, равная двум третям аршина, которым кочевники мерят ткань' (III, 141).

quftu — qajči 'ножницы' (чигил., I, 395);

д) названия мастеров

jici 'портной' (III, 235).

börkci — dorpiḡuḡış 'торговец тибетейками, шапками' (I, 62).

etükci — etikdoz 'сапожник' (II, 54).

Из категории терминов, относящихся ко второй группе, можно отметить следующие:

а) названия сырья

az 'ткань' (I, 108). Этот термин встречается в письменной литературе XIV—XV вв. в виде as, (см., например, произведения Навон).

bürčin 'парча, шелковая материя' (I, 141, 168). Таким образом, «парча» — измененное barčin;

б) названия одежды

bürünzüḡ — reşānābayı, hatınlar gotalı 'небольшой женский головной платок' (I, 467). В «Индексе» — 'покрывало, надеваемое женщина-

ми' (85). Это название также встречается в произведениях Навои в виде *bugunčiq*:

börk — *qalpaq, baš kijim* 'меховая шапка'. Пословица: *Tatsiz türk bolmas, bašsiz börk' bolmas* 'Без тата нет тюрка, без головы нет шапки' (I, 333).

könläk 'рубаха' (III, 394), *könläkländi* 'надел рубаху' (III, 418).

ton 'одежда' (III, 151; II, 57). И это слово можно найти у Навои.

qaftan 'кафтан' (I, 408).

etük 'сапоги' (I, 98; III, 106):

etükländi — *ajaq kijimli boldi* 'приобрел обувь' (I, 289; III, 360, «Индекс», 51). Слово «сапоги» в произведениях Навои встречается в виде: *ötük: zärhāl ötük* 'позолоченные сапоги'.

К третьей группе терминов, сохранившихся в современных тюркских языках, в том числе и в узбекском, с некоторыми лексико-грамматическими изменениями, относятся следующие:

а) названия сырья

böz (произносится мягко с переднеязычным гласным *ö*) — *raxta talasidän toqilgān māta* 'хлопчатобумажная ткань' (III, 134, 139, 83).

kön 'необработанная лошадиная кожа, шкура'. Иногда человеческая кожа также называлась *kön*. В переносном смысле это слово обозначало и верблюжью кожу: *tevi köni* 'верблюжья шкура' (III, 154).

körk II — *mojna, postin, tulup* 'мех, тулуп' (I, 336).

sayri 'сафьяновая кожа'; *etüklik sayri* 'сафьяновая кожа для изготовления ичигов' (I, 167);

б) названия рабочих процессов

bürüsdī — *bürīb tikišdā jardām berdi* 'помог собирать в складки в процессе шитья' (II, 101).

tafčindī 'шил мелкими стежками' (II, 381);

в) названия одежды и ее деталей

arqay 'уток ткани' (I, 140).

etäk 'подол' (I, 98); *etäkli ton* 'одежда с подолом' (I, 167).

etük 'сапоги' (I, 98; III, 106).

eliklik 'перчатки' (I, 168).

Указанные термины употребляются в азербайджанском, туркменском и турецком языках.

börk (перевод см. выше). Ср. также в казах. — *börik||pörik*, кирг. — *borik*, тат. — *berək*, башк. — *borik*, алт. — *bürük*.

išton 'штаны', *er ištōnländi* 'человек надел штаны' (I, 305). Данное название имеет синоним *üm* 'штаны, шаровары' (I, 74).

iç qur 'пояс, подвязываемый внутри халата' (I, 71).

içük 'шуба из шкур соболя, белки' (I, 99).

içükländi 'оторочил мехом' (I, 298). *jančiq I* 'кошелек' (III, 52). *jančiq II* 'торба' (II, 12). Ср. алт., тат. *jančuk*.

keđüt||kiđüt 'одежда; одежды, подаренные на свадьбе близким друзьям жениха' (I, 51, 338). Это название дошло до нас в виде *kijit* (в узбекских говорах Ферганской долины и некоторых городов Узбекистана, например, Шахрисабза) и обозначает «отрез, подаренный гостям».

partuq — *jāxtāk* 'фартук' (I, 393). В настоящее время слово «фар-

гук» употребляется в узбекском языке, но как заимствованное из русского (в XX веке). Раньше употреблялось ашхогақ.

čaruq 'чарыки' (I, 362). *čaruqlandī* 'надел чарыки, ичиги'.

čaruqluq 'кожа для обуви' (I, 461).

qaba—*čekgāk qaba* 'накидка раба' (I, 442). Этот термин в виде قبا часто встречается в произведениях узбекских поэтов-классиков, обозначая длинную мужскую одежду; употребляется он и в татарском языке.

könläk||kömläk 'рубаха'.

qars 'одежда, изготовленная из шерсти верблюда или овцы' (I, 333). Данное название ныне употребляется в Самаркандской и Кашкадарьинской областях Узбекской ССР в значении «кушак, пояс в виде платка».

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. ХАЙИТМЕТОВ

О ДРЕВНЕЙ ПОЭЗИИ ТЮРКОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК» МАХМУДА КАШГАРИ)

«Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, выдающийся письменный памятник XI века, не может не привлечь внимания литературоведов. Махмуд Кашгари, признанный знаток тюркских языков, прекрасно знал также устную и письменную литературу того времени. Его «Диван» представляет собой неисчерпаемый источник для изучения идейно-художественного содержания древнетюркской поэзии. Этот памятник как бы подводит итог целому этапу в истории литературы тюркских народов. Стихи, приведенные в «Дивану лугат-ит-тюрк» в качестве иллюстраций, ярко отражают жизнь тюркских народов в средневековье, их быт и нравы. Многообразные по содержанию и художественно-стилистическим особенностям, стихи являются свидетельством высокого развития художественного мышления своих создателей.

«Диван» Махмуда Кашгари содержит богатый материал и для изучения ряда теоретических проблем древнетюркской литературы. Так, например, до недавнего времени некоторые литературоведы считали, что все четверостишия, включенные в «Диван», представляют собой образцы устной народной поэзии. Внимательное же ознакомление с ними, а также ряд замечаний самого составителя показывают, что далеко не все поэтические примеры этого памятника — плод устного народного творчества. Многие из них являются произведениями отдельных авторов, поэтов-профессионалов. В этом можно убедиться, обратившись к комментариям Махмуда Кашгари (I, 165, 358, 410, 413; II, 243, 283; III, 206, 324)¹. Приводя то или иное четверостишие, Махмуд Кашгари указывает, что оно создано определенным лицом. К сожалению, он нигде не называет имен авторов стихов. Из комментариев не ясно, пользовался ли Махмуд Кашгари рукописями отдельных поэтов, или же приводил устные варианты, так как автор «Дивана» всюду употребляет выражение: «поэт говорит», а не «поэт пишет».

Несмотря на это, мы все же полагаем, что при составлении «Дивана» Махмудом Кашгари были использованы письменные источники, написанные арабским, уйгурским, руническим и другими древними шрифтами, получившими распространение у тюрков в IX—XI вв.

Как известно, большая часть тюркских народов, населявших Среднюю Азию, к XI в. вела уже оседлый образ жизни, что создавало благоприятные условия для приобщения их к цивилизации, способствовало развитию у них науки и литературы.

¹ Махмуд Кашгарий. Девону лугатит турк. Уч томлик. Тошкент, 1961—1963.

В тюркском обществе формировалась интеллигенция, передовые люди стремились овладеть высотами знаний. Это нашло отражение и в поэтическом творчестве:

*Küçändi biläğim,
Jağudı tiläğim.
Tslindı biläğim.
Təgrüb аңар jərtilür²*

‘Я принуждал свои руки,
Когда приблизилась цель
И раскрылись двери знаний,
Жизнь подходит к концу’.

Речь здесь идет об овладении наукой и неодолимой тяге к ней. Об этом же говорят и следующие строки:

*Biläği iрдädim,
Bögü аңар узурдум,
Ozümni аңар dıdım.
Jalğıl atım jazlınur³*

‘Искал знаний,
Гонялся за учеными людьми.
Уединялся от людей.
За это не пожалел и своего коня с белой гривой’.

Или другой пример:

*Oğulım сән qozurmən ardam öğüt хумару
Bilgä эгіг болуп сән баққіл аниң табару⁴*

‘О сын, тебе в наследство я оставляю благую заповедь:
Если тебе встретятся ученые люди, то сблизься с ними, воспользуйся ими’.

Тот факт, что в XI в. из среды тюрков вышел такой высокообразованный ученый как Махмуд Кашгари, — свидетельствует о существовании в этот период определенного круга интеллигенции и ученых. Это позволяет нам утверждать, что письменная литература у тюрков существовала значительно ранее XI в., очевидно, еще с VI — VII вв. Как свидетельствуют приводимые в «Диване» факты, у тюрков были свои поэты, выражавшие поэтическим языком чувства и стремления своих племен и народностей. Именно о них говорится в следующем четверостишии:

*Ərdi üzä эранлär
Ərdäm бэги bilig тағ.
Ajdı бкүш бəүtlär
Köңлүм болуп аңар сағ⁵*

‘Прежде бывали благородные люди,
Овладевшие высотами знаний.
Они читали много наставлений (людям).
Душа находила наслаждение в них’.

В древности наставления обычно читались в поэтической форме. По-видимому, здесь под благородными людьми, овладевшими высотами знаний, подразумеваются поэты-мудрецы, поэты-ученые.

² Махмуд Кашгарий. Девону луғотит турк, т. II, стр. 172.

³ Там же, т. III, стр. 248.

⁴ Там же, стр. 445.

⁵ Там же, т. I, стр. 116.

Сравнение художественно-поэтических особенностей включенных в «Диван» четверостиший, созданных отдельными авторами, со стихами условно определяемыми как народные, показывает, что и в том, и в другом случае в их основе лежат аналогичные художественно-поэтические принципы. И те, и другие близки к устному поэтическому творчеству тюркских народов, в том числе и узбеков. Это указывает на то, что письменная литература тюркских народов в древности сближалась с устным народным творчеством, усваивала его традиции, специфику художественного мышления, носила в себе ярко выраженные черты народности и реализма.

Древняя поэзия тюркских народов, образцы которой представлены в «Диване» Махмуда Кашгари, свободна от мистических аллегорий, характерных для поэзии средневековья, и вычурности, присущей, например, касыдам восточных поэтов того времени. Искренность и непосредственность, реализм в выражении чувств и мыслей в этих стихах поражают современного читателя. Эти стихи создавались на основе жизненных наблюдений, были органически связаны с самыми реальными практическими проблемами общества. Описание ярких картин природы, воспевание пылких человеческих чувств, изображение впечатляющих моментов борьбы с врагом и социальных противоречий, раздумья о смысле жизни, осуждение алчности и трусости, противопоставление мужества и благородства—подлости и низости—характерные лейтмотивы этих стихов. Вот четверостишие, повествующее о повседневной жизни, о радости труда:

*Jigitlär(ə)işlatu
Jığac jəmiş ırqatu,
Kullan kəjək aqlatu,
Bəzrəm qilib aşnalım⁶*

Парней попросим поработать,
Собрать плоды с деревьев,
Поохотиться за оленями и дикими ослами,
Да поспрадуем и погуляем⁷.

В другом отрывке красочно изображается наступление весны:

*Jashin atib jashnadi,
Tuman turub tuşnadi,
Azgir, qisır kişnadi,
Oğır alib oqraşur⁸*

Засверкала молния (с громом),
Зашевелились облака живо;
Стали ржать жеребцы и кобылицы,
Радуются, кружась цепью⁸.

С разложением родового строя и усилением внутренних социальных противоречий в поэзии появляются мотивы недовольства, критического отношения к жизни. Противоречия феодального строя отрицательно сказались, по-видимому, на положении ученых.

В одном из четверостиший читаем:

*Bilgā bōkū jūnchidi,
Ajun atī janchidi,
Ərdām eti tīnchidi,
Jərgā təgip cūrtūlūr⁸*

⁶ Махмуд Кашгарий. Девону луғотит турк, т. I, стр. 262.

⁷ Там же, стр. 238.

⁸ Там же, т. III, стр. 318.

Положение ученых ухудшилось;
Время издевается над ними.
Их благородные тела распространяют зловоние.
Они еле ползают от слабости'.

В других стихах время и небо изображаются врагами подлинно честных и благородных людей. Этот мотив противопоставления человека «небу» и «времени», осуждения последних получил дальнейшее развитие в средневековой поэзии Востока.

Реалистичность древнетюркской поэзии проявляется и в художественно-поэтическом изображении любовных чувств и картин природы, в сочности и эмоциональности образов:

*Јалшын аниң көзі,
Јәккин аниң өзі,
Толун ајин јүзі,
Јарді мәнің јүрәк⁹*

Глаза ее такие очаровательные.
Она сама приезжая.
Лицо ее, как полная луна.
У меня разрывается сердце'.

Значительную часть использованных в «Диване» поэтических примеров составляют стихи дидактического содержания, что вообще типично для древних литератур и, очевидно, в какой-то мере связано с самим характером общинно-родового и феодально-родового строя, в условиях которого слово главы общины или рода, слово старшего и авторитетного лица являлось законом. Большинство дидактических стихов «Дивана» носит гуманистический характер. В них решительно осуждаются отрицательные человеческие качества, проповедуется благородство, доброжелательность к ближнему, гостеприимство, уважительное отношение к гостю, щедрость. Они призывают к овладению знаниями, к самоусовершенствованию:

*Оч кәк қамуғ кішінің јалынуқ үзә алим бил,
Әзгүлүгүгә җанча әлиғиң билә тәлим қил¹⁰*

Месть, обида — все это есть как бы долг, за них следует расплачиваться;
Знай это, делай добра как можно больше — сколько в твоих силах'.

Или:

*Алғил бәйт мәндін, оғул әрдәм тила,
Бәјда улуг билгә болуб, билгін ула¹¹*

О сынок, слушай мое наставление, приобретай хорошие качества.
Стань великим ученым в стране, распространяй свои знания'.

Наряду со стихами назидательного и лирического характера в «Диване» приводятся прекрасные стихи, воспевающие мужество и благородство Афрасияба-Али Эр Тунга — народного героя древнетюркской поэзии, оплакивающие его смерть. По нашему мнению, эти четверостишия являются отрывками из не дошедшего до нас народного эпоса, посвященного этому легендарному герою.

⁹ Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк, т. III, стр. 40.

¹⁰ Там же, т. I, стр. 79.

¹¹ Там же, стр. 85.

В «Диване» содержится ряд четверостиший в форме *муназаре*, передающих спор между летом и зимою. По-видимому, этот жанр поэзии был широко популярен в древности.

Все это свидетельствует о том, что древняя поэзия тюрков была богата жанрами и отличалась высоким уровнем художественного развития. Совершенно очевидно, что средневековая поэзия тюркских народов (узбекская, уйгурская, азербайджанская, турецкая, туркменская), уходящая своими корнями в древнетюркскую поэзию, развивает ее лучшие художественные традиции и идеалы. В этом нетрудно убедиться, сравнивая лирические стихи «Дивана» хотя бы с узбекской лирикой XV—XIX вв.

Приведем несколько примеров:

*Булнар мѣни улас кѳз
Қара мѣнѳз кѳзѳл јѳз.
Андѳн тамар тѳкѳл тѳз,
Бѳлнѳл јана ол қачар*¹²

‘Она своими хмельными глазами,
Черной родинкой, румяным лицом пленила меня.
Ее щеки как бы источают сладость,
Она пленила, да сама убежала’.

*Јѳглаб узѳ артадѳм,
Багрѳм башѳн қартадѳм,
Қачмѳш қутѳр ѳртадѳм,
Јағмур кунѳ қан сачар*¹³

‘Плачу, вспоминая любимую,
Сердце мое — сплошная рана.
Счастье бежало, я в муках,
Глаза мои вместо слез проливают кровь’.

*Ақтурур кѳзѳм јолақ,
Тѳшлѳнѳр ѳрдѳк јуғак*¹⁴

‘Из глаз моих изливается родник (слез)
(Столь обильный, что) в нем плавают утки’.

*Ічлѳдѳ мѣнѳ азақ,
Кѳрмѳзѳб ѳғрѳ тузақ.
Іклѳдѳм андѳн узоқ,
Ѵмлѳгѳл ѳмдѳ тузоқ*¹⁵

‘Не заметив тайную западню,
Моя нога застряла в ней.
Она долго мучила меня,
(О моя любимая), теперь сама вылечил’.

*Озѳк ѳтѳ тутунѳб
Опка јѳрѳк қағрулу*¹⁶

‘Когда загорается пламя любви,
(Оно) обжигает легкие, сердце’.

¹² Махмуд Кошғарий. Девону луготит турк, т. I, стр. 92.

¹³ Там же, стр. 270.

¹⁴ Там же, стр. 227.

¹⁵ Там же, стр. 361.

¹⁶ Там же, т. II, стр. 167.

Очень характерно и четверостишие, связанное с представлением о слове «мэнг» — «родинка»:

*Бэрің мәңә сөз кія
Мәңліг қара туз кія
Јалғын тутар көз кія
Муңун мәңің біліңа¹⁷*

‘Единственный раз дай мне слово,
(О моя любимая), с черной родинкой, с приятным лицом,
Стреляющая (охотящаяся) очаровательными глазами,
Пойми мою печаль’.

Подобные образы стали впоследствии традиционными для любовной лирики средневековья. Поэзия являлась основным жанром древнетюркской литературы, причем в ней доминировала лирика, часто восходящая к народным песням.

Как уже отмечалось, древнетюркская поэзия была тесно связана с повседневной жизнью. Она звала людей к преодолению зла, к труду, мирной, основанной на разуме, жизни, с ее простыми человеческими радостями. В одном из двустиший читаем:

*Болса кімің алтун күйүш ірла этәр,
Анда болуп тәкрі бүкрү тапғиң бтәр¹⁸*

‘У кого имеются золото, серебро, тот строит жилище,
Обретя покой в жилище, он в нем молится богу’.

Эти строки заставляют вспомнить «Авесту», духом которой проникнуты многие стихи «Дивана». Идеальный лирический герой этих стихов — человек, любящий жизнь, труд, стремящийся к знаниям, борющийся за свое счастье:

*Әндік кіші тітілсүн,
Әі төрү жітілсүн,
Тоқлі бәрі жітілсүн,
Қазғу јәмә сауілсүн¹⁹*

‘Пусть глупцы будут разгромлены,
В стране царит закон,
Овцы дружат с волками,
Скорбь и печаль удаляются от нас’.

Таков социально-политический идеал древнетюркской лирической поэзии. Ее герой живет думами и заботами о своем народе. Он желает для всех мира и потому исключительно гостеприимен и с радостью встречает любого гостя, независимо от того, откуда и кто он. Гость в этих стихотворениях символизирует счастье и благосостояние. Человек, не любящий гостя, нарушает основные этические нормы поведения в обществе и заслуживает осуждения.

Общественные и эстетические идеалы, сложившиеся на основе экономической, социально-политической и культурной жизни тюрков на определенном историческом этапе их развития, определяют содержание древнетюркской поэзии. Поэтический материал «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари является тому прекрасной иллюстрацией.

¹⁷ Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк, т. II, стр. 371.

¹⁸ Там же, т. III, стр. 268.

¹⁹ Там же, т. I, стр. 131.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. РУСТАМОВ

О ПЕРЕВОДЕ «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК» МАХМУДА КАШГАРИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В настоящее время завершается работа над русским переводом «Дивана» Махмуда Кашгари. В работе принимают участие член-корреспондент АН СССР А. Н. Кононов, д-р филол. наук, проф. Н. А. Баскаков, действительный член АПН СССР В. В. Решетов и автор этих строк. Полезные советы были получены от академика АН Киргизской ССР К. К. Юдахина. Общее руководство подготовкой перевода осуществляется А. Н. Кононовым. Им же написана исследовательская часть работы.

«Диван» Махмуда Кашгари переведен с фотоконии его единственной дошедшей до нас рукописи. При этом использовались издание Ахмеда Рифата, переводы «Дивана» на другие языки (С. Муталлибова, Б. Аталая, К. Брокельмана, С. Ахаллы), различные рецензии и словари, в том числе и «Древнетюркский словарь» (Л., 1969).

Перевод с копии рукописи позволил восстановить некоторые пропущенные Ахмедом Рифатом слова, уточнить значение и определить звучание ряда тюркских слов.

Ряд пропусков (но не все) Ахмеда Рифата был восстановлен еще Бесимом Аталаем в турецком издании «Дивана».

В рукописи один согласный некоторых слов имеет по две огласовки. В таких случаях Ахмед Рифат в подготовленном им издании оставлял лишь одну огласовку. Нам же пришлось дать обе, так как, на наш взгляд, они указывают на фонетические варианты слова. Например, в рукописи в слове *сэвук*, *р* в слове *эрук* огласованы и *даммой* и *касрой* (آرك سافيك). Это говорит о том, что *сэвук* имеет еще вариант *сэвик*, а *эрук* — *эрик*.

В отдельных случаях Ахмед Рифат добавляет свою огласовку, не отмеченную в оригинале, например, в рукописи *ألگين* *элгин*, а в его издании *ألكين* *алигин*. В таких случаях мы оставляли вариант рукописи, но в сноске указывали и на вариант Ахмеда Рифата.

Ахмед Рифат внес много верных поправок в арабскую часть текста, но с отдельными его исправлениями согласиться нельзя. Например, в рукописи слово *узуз* означает «чесотка», слово *тын* — «дыхание», а в издании Ахмеда Рифата — «чесоточный» и «душа». И в таких случаях, разумеется, мы останавливались на варианте рукописи.

Опыт турецкого и узбекского переводов «Дивана» намного облегчил работу над его русским переводом. Однако нужно отметить существенное отличие последнего от предыдущих, использованных критически.

Между русским и другими переводами имеются расхождения, объясняющиеся спецификой тюркологической терминологии Махмуда Кашгари.

Известно, что Махмуд Кашгари в своем «Диване» при описании языковых явлений тюркских языков пользовался арабской лингвистической терминологией. Однако одни и те же термины, применяемые для описания разносистемных языков, могут не совпадать по значению. Неточное же использование терминов в трактовке и определении соответствующих языковых явлений приводит к ошибкам принципиального характера. Этих ошибок не удалось избежать в переводных изданиях «Дивана» Махмуда Кашгари и посвященных ему исследованиях.

Например, под термином *ишма:м* (лабиализация) К. Брокельман понимает переднеязычность гласных, Бесим Аталай и С. Муталлибов — «мягкое и тонкое произношение звуков», под термином *имала* (мягкая огласовка) Бесим Аталай и С. Муталлибов понимают долготу гласных.

В «Диване» имеется глава «Слово о прибавках к именам», в которой Махмуд Кашгари «прибавками» называет буквы, пишущиеся согласнотюркской орфографии, но лишние с точки зрения арабского языка. Наши предшественники не вполне поняли содержание упомянутого термина, что привело к неточному переводу главы и ошибочным комментариям к ней.

Имеются расхождения с предыдущими переводами той части «Дивана», в которой определяются значения тюркских слов.

Например, *алыш* в русском переводе «взятие в долг у кредитора», в турецком — «допрашивание должника о долгах» (т. I, стр. 62), а в узбекском — «производство взаимных расчетов» (т. I, стр. 92), *оғлақ* в русском переводе — «козленок», а в узбекском — «теленок» (т. I, стр. 96); *ирик наң* в русском — «сгнившая вещь», у Бесима Аталая — «намокшая вещь» (т. I, стр. 70); *қачут* в русском — «преследование», у Бесима Аталая — «короткое копье» (т. I, стр. 12), у С. Муталлибова — «бегущий» (т. I, стр. 51); *йазым* в русском — «подстилка», в узбекском переводе — «войлок» (т. I, стр. 54); *эркэк тышықа қавушты* в русском — «самец совокуплялся с самкой», турецком (т. II, стр. 109) и узбекском (т. II, стр. 113) изданиях — «мужчина с женщиной сошлись, поженились». Подобных расхождений много.

При транскрибировании в русском переводе тюркских слов авторы, во-первых, не ограничивались использованием только одного из тюркских языков, а, во-вторых, по мере возможности учитывали фонетические закономерности. Например, глагол *او كمالڭ* или *ا كمالڭ* со значением «собирать в кучу» во всех трудах транскрибируется как *ök-* или *ýk-*. Однако этот глагол в современных тюркских языках звучит как *уй*, а в *й* переходит звук *г* или *г*, а не *к* и *қ*. Поэтому в нашем переводе этот глагол дан как *үг-*.

Ниже приводится образец перевода «Дивана» на русский язык.

Махмуд Кашгари:

...Эту книгу я составил в алфавитном порядке, || украшая ее пословицами, саджами¹, поговорками, стихами, раджазами² и отрывками из прозы. Я облегчил трудное, разъяснил неясное, трудился годами и, наконец, поместил каждое слово на свое место и определил их порядок для того, чтобы ищущий находил их на своем месте и желающий видел их в нужном разделе. Весь словарь этот я разбил на восемь разделов.

¹ Садж — рифмованная проза.

² Раджаз — стихи воинственного содержания.

Первый из них — раздел хамзовых слов.³ Мы выдвинули его вперед, видя доброе предзнаменование в начертании имени всевышнего⁴.

Второй — раздел правильных слов.⁵

Третий — раздел удвоенных слов.⁶

Четвертый — раздел подобноправильных слов.⁷

Пятый — раздел* пустых слов.⁸

Шестой — раздел* недостаточных слов.⁹

Седьмой — раздел назальных слов.¹⁰

Восьмой — раздел слов со стечением двух неогласованных букв.

Каждый из этих разделов я подразделил на две части: на именную и глагольную. Имена я расположил перед глаголами, затем привел глаголы по главам, в определенном порядке. Термины для этих разделов и глав, для того, чтобы они были понятны всем, я заимствовал из арабского языка.

У меня было мнение построить книгу так, как построил Халил¹¹ || [свою] «Китаб ал-еайн»¹², где даны и употребительные, и неупотребительные [слова] для того, чтобы доказать, что тюркский язык ничуть не уступает арабскому, и тогда она [книга] была бы более совершенна. Однако и такое построение [книги] верно, потому что так пользоваться ею удобно, а также люди к этому [изложению] очень склонны. Итак, я отмечал употребительные [слова], а неупотребительные опускал ради краткости.

Вот образец употребительных и неупотребительных [слов]. Пусть будет известным, каковы они в тюркском [языке]:

آرق арық — река; употребляется.

آقر ақур — стойло; употребляется.

قار қар — снег; употребляется.

قرا қара — черный; употребляется.

راқа — не употребляется.

آق рақ — частица превосходства; употребляется.

آرق азуқ — провизия; употребляется.

آقз ақуз — не употребляется.

قوزы қозы¹³ — ягненок; употребляется.

³ Хамзовые слова — слова, имеющие хамзу. В арабском языке хамзой обозначается гортанно-смычный звук. Но в тюркском языке, как указывает Махмуд Кашгари (см. стр. 17), хамза существует лишь как буква, не имеющая звукового значения. Ср.: СМ, 45, сн. 7. (Здесь и дальше СМ — перевод Салиха Муталлибова, БА — перевод Бесима Аталая, АР — перевод Ахмеда Рифата, МК — Махмуд Кашгари).

⁴ Слово «Аллах» начинается с хамзы.

⁵ Правильные слова — слова, не имеющие хамзы, двух одинаковых согласных и так называемых слабых букв (وا).

⁶ Удвоенные слова — слова с двумя одинаковыми согласными.

⁷ В арабском языке подобноправильными называются слова, начинающиеся с «в» или с «й»; в «Диване», ввиду отсутствия «в» в начале тюркских слов, подобноправильные слова начинаются только с «й». Ср.: СМ, 45, сн. 9.

⁸ СМ, 45; БА, 5: Раздел трехбуквенных слов.

⁹ Пустыми называются слова, в середине которых имеется одна из «слабых букв».

¹⁰ БА, 5; СМ, 45: Раздел четырехбуквенных слов.

¹¹ Недостаточными называются слова, оканчивающиеся на одну из «слабых букв».

¹² Назальные слова — слова, содержащие назальный звук.

¹³ СМ, 45, доб.: ибн Ахмад.

¹⁴ О ней см.: И. Ю. Крачковский. К истории словаря ал-Халиля. Избранные сочинения, т. I, стр. 363—367.

¹⁵ БА, 7: kuzi.

قىز қыз — невольница; употребляется.

زقى зқы — не употребляется.

زىق зыйық¹⁴ — не употребляется.

Как говорят, «следы указывают на направление»; аналогичны им и четырехбуквенные и другие многобуквенные [слова].

Я пошел таким путем, чтобы облегчить и сократить описание, и выступил с сочинением, которого не было и о котором не знали раньше. По тем причинам, которые я объяснил, и на основании сравнений, сделанных мною, я ввел [иные] принципы, чтобы [мое] сочинение было отличного метода и достойным подражания. Я создал его для того, чтобы желающий руководствовался и пользовался им, чтобы указать ему путь вперед и лестницу для восхождения. Затем я ограничивался корнями [языка] каждого племени, потому что мудрое изречение рождается при сокращении обстоятельного¹⁵.

Я рассыпал в нем примеры из читаемых ими [тюрками] стихов, для того, чтобы ознакомить [читателя] с их опытом и знаниями, а также пословицы, || которые они употребляют в качестве мудрых изречений в дни счастья и несчастья, с тем чтобы сказитель, передавал их передатчику, а передатчик другим. Вместе с этими [словами] я собрал в книге упоминаемые предметы и известные [употребительные] слова, и таким образом книга поднялась до высокого достоинства и достигла отличного превосходства. Боже, прошу помощи в моем намерении, которому я отдал свое сердце. На все воля божья. Мы надеемся на него, и какое прекрасное упование в нем!

Слово о буквах, которые используются в тюркских словах

Основных букв, которыми пользуются тюркские языки, восемнадцать. Тюркская письменность пользуется этими буквами. Эти буквы следующие:

ا ب گ د ه و ز ق ی ک د
 ر ر ر ر ر ر ر ر ر ر
 م ن س ب ج ر ش ت ل

Эти буквы равны буквам ا ب ت ث арабского алфавита. Кроме основных букв [еще] есть семь второстепенных букв, которые не обозначаются на письме, но имеются в [отдельных] словах¹⁶.

Они суть: глухое ب (п)¹⁷, арабское ج (ж₁), которое редко [встречается] в этом словаре; ث (ж)¹⁸ *по месту образования¹⁹ среднее

¹⁴ AP. 6.

¹⁵ Ср.: СМ, 47.

¹⁶ Деление букв на основные и второстепенные не имеет фонетических оснований. Махмуд Кашгари основными называет буквы, отраженные в тюркской письменности, а звуки, не передающиеся в письме отдельными знаками, называет второстепенными.

¹⁷ Глухость у МК обозначается термином *а́ссулба* — твердость.

¹⁸ БА, 9, СМ, 48:

¹⁹ БА, 9: оп.

тельной буквой³⁰. Подобное [явление происходит] в арабском языке / [в словах]: *الاب* (*ал'абу*) — отец и *الاخ* (*ал'аху*) — брат; при изафете³¹: *هذا ابوك* 'это твой отец', *رايت اباك* 'я видел твоего отца', *بابيك مررت* 'я прошел мимо твоего отца'. Здесь ты добавляешь букву ради огласовки.

Этим письмом с давних времен до сего дня пишутся книги и послания хаканов и султанов во всех тюркских странах от Кашгара до самого Верхнего [восточного] Чина.

Тюркская речь обладает твердой огласовкой (*ал—'ишба'*) и мягкой огласовкой (*ал—'имала*)³², лабиализацией (*ал—'ишмām*)³³ трех характеров,³⁴ глухостью³⁵ (*ассалаба*)³⁶ и звонкостью (*ар—рикка*)³⁷, назализацией (*ал—гунна*), носовой буквой, стечением двух сукунированных [букв]³⁸, соединением *қ* (*ق*) с *ч*³⁹ (*ج*), переходом *б* (*ي*) в *м* (*م*), *н* (*ن*) в *л* (*ل*) и т. п. Они еще будут описаны там, где положено.

Слово об именах, производных от глаголов

Имена делятся на производные (*муштаққ*) и непроизводные (*мавду'а*). Производные от глаголов образуются буквами, которых двенадцать.

А что касается непроизводных [имен], они вроде слов *قىلىچ* *қылыч* 'меч' и *اوق* *оқ* 'стрела'. Такие имена не образуются || [от других слов], тогда как производные образуются [от других]. Из них те, которые можно услышать [в речи], «употребительные», а [некоторые] образованные по [такому же] образцу «неупотребительные»⁴⁰.

Я отказался от неупотребительных [слов] в пользу употребительных. Но я сделал так, что можно по аналогии образовать от них неупотребительные [слова].

Я говорю: имена, которые ответвляются от глаголов, образуются прибавлением одной из двенадцати букв. Эти буквы суть: *ث* (*-а/-ə*), *ت* (*-т*), *ج* (*-ч*), *ش* (*-ш*), *غ* (*-ғ*), *ق* (*-қ*), обычный⁴¹ *ك* (*-к*), звонкий *ك* (*-г*), средний — по месту образования — между *ق* (*-қ*) и *ك* (*-к*), *ل* (*-л*), *م* (*-м*), *ن* (*-н*), *و* (*-у*).

! (*-а/-ə*)

Например, умный, мудрый, ученый [человек] называется *بلكا* *билка*. Происходит от слова *بلدى* *билди*, [так] говорят, если кто-нибудь узнал что-нибудь.

³⁰ В арабском языке эти буквы обозначают долгие гласные, которые считаются «самостоятельными буквами».

³¹ То есть со слитными местоимениями.

³² Ср.: СМ, 50; БА, 10.

³³ Ср.: СМ, там же; БА, там же.

³⁴ То есть лабиализация фатхи (*ā/ə*), касры (*y/i*) и даммы (имеется в виду максимальная лабиализация огубленных гласных).

³⁵ СМ, там же: оп.

³⁶ Словарное значение этого термина «твердость».

³⁷ СМ, 50: оп.

³⁸ Сукунированной называется буква, за которой не следует гласный.

³⁹ БА, 10; СМ, 50: ж.

⁴⁰ Имеются в виду непрактические, теоретические образования.

⁴¹ То есть глухой.

Говорят *اگا өгä* — звание, которое дается очень умному [человеку]. Оно происходит от *اودی نانکنی*⁴² *өди нәкни* — он осмыслил что-либо после того, как его обдумал.

Одно из блюд называется *اوا уа*. Происходит от слова *اودی* *уады* 'он крошил что-то'. *В него [в это блюдо] крошат сахар.⁴³

Очень много [случаев] сочетания алифа (-а/-ә) с мимом (м). Например, *کسما кәсмә* 'челка'. Происходит от слова *کسدی кәсди* 'он отрезал'. Эту часть волос стригут, чтобы они не мешали глазам.

Говорят, *اورما сәч өрмә сач* 'коса'. Оно происходит от слова *وردی өрди* 'он заплетал': /

ت (-т)

Например, *قجت қачут* 'преследование'⁴⁴. Происходит от слова *قجدی қачды* 'он убежал'.

Одежда называется *کذت кәзүт*. Оно происходит от слова *کذتی кәзти* 'он одел'. ||

Например, *کمج көмәч* 'лепешка'. Происходит от слова *کمدی көмди* 'они закопали в золу или во что-нибудь другое'.

سغنج сәвинч 'радость', от слова *سغندی сәвинди* [так говорят], если человек обрадовался.

ش (-ш)

Например, того, с кем имеют знакомство, называют *بلش билиш*. Происходит от слова *بلدی билди* 'он узнал'.

Сражение и битва называются *اورش نقش уруш-тоқуш* от слов *اوردی урды* — 'он бил' и *تقیدی тоқыды* 'он бил'. Оба они равнозначны⁴⁵.

غ (-ғ)

Она [эта буква] имеет три положения:

Во-первых, она присоединяется к глаголам и относит их к числу имен. Например, чистая вещь называется *ارغ арығ*. Происходит от *آرندی арынды нәң* 'вещь стала чистой'. Сухая вещь называется *قرغ қуруғ* от слова *قریدی қуруды* 'он высох'.

Во-вторых, она присоединяется к первоначальным именам и образует имена места. / Например, место летнего пребывания называется *يلاغ йайлағ*, *يای йай* 'лето'. К нему добавляется -ғ для того, чтобы оно приобрело это значение. Место зимнего пребывания называется *قشلاغ қышлағ*, *قش қыш* 'зима'. [Здесь] -ғ передает упомянутое значение⁴⁶.

В-третьих, во всех тюркских языках она присоединяется к глаголам в сочетании с *у* (و) и превращает глагол в название различных орудий, которыми что-то делается. Например, орудие, которым режут что-нибудь,

⁴² Должно быть *اوکدی өгди*.

⁴³ БА, 12; СМ, 51: оп.

⁴⁴ БА, 12: короткое копье; СМ, 51: бегущий.

⁴⁵ СМ, 52: оп.

⁴⁶ БА (стр. 13) и СМ (стр. 52) считают, что тут аффиксом места является -лағ, а не -ғ, но прав МК, так как аффикс -лағ состоит из -ла+ғ. Локальное значение имеет последний.

называется *بيچغۇ* *бычғу*. Происходит от слова *بيجدى* *бычды* 'он (от)резал'. Говорят *نازك ارغۇ* *наң урғу* 'предмет, чем бьют что-нибудь', от слова *اردى* *урды* 'он бил'.

Ее может заменить звонкий *ك* (-г) в том же значении. Например, *كسكو نازك* *касгу наң* 'предмет, || которым режут'. Происходит от слова *كسدى* *касди* 'он (от)резал'.

То, чем провеивают что-нибудь, называется *آفوسكو* *әвүсгү* от слова *آفوشدى* *әвүсди* 'он провеивал'.

غ -f прибавляется к глаголам с твердой огласовкой, в которых нет мягкой огласовки и тонкости, ك -g прибавляется к противоположным им. /

Эти -f и -g в этом (тюркском) языке — подобные *миму*⁴⁷ (م), который присоединяется к началу глаголов в арабском языке, как в словах: *منجل* 'сери' от слова *نجل* 'он косил', [например], сено; *منخل* 'сито' от *نخل* 'сеять, [например], муку'; *منسفی* 'решето', от *نسفی* 'провеивать что-нибудь'.

Что касается огузов, то они ставят ا (-a/-ə) вместо غ -f или ك -g, и ى (-сы/-си) вместо و (-y/-ү) в том же значении. Например, говорят *يغاچ بچاسى نازك* *йығач бычасы наң* 'предмет, которым рубят дерево'; *أتونك كساسى بللو* *отунң кәсәси балду* 'топор, которым рубят дрова'.

Таким же способом [образуются] имена времени и места, имена действия (*مصلر*—*масдар*). Между хаканийскими и другими тюрками, между туркменами — огузами и другими есть одна разница. Одно общее правило не повторяется всегда. [Поэтому] оно будет описано в своем месте, если будет угодно Аллаху, всемогущему и великому.

ق (-қ)

Например, расческа *ترغاق* *тарғақ*. Происходит от *سج ترادى* *сач тарады* 'он причесал волосы'. Сери называется *ارغاق* *орғақ*⁴⁸ от *أوت* *от* *اردى* *от орды* 'он скосил траву'.

глухой ك (-к)

Например, отрезок чего-нибудь называется *نازك كساک* *наң кәсәк* от слова *كسدى* *касди* 'он отрезал'. / Покрывало называется *آشك* *әшүк* от слова *آشودى* *әшүди* 'он покрывл'.

звонкий ك (-г)

Например, живой называется *ترك* *тириг*⁴⁹. Происходит от слова *تريلىدى* *тирилди* 'он ожил'. || Мертвый называется *اولك* *өлүг*⁵⁰ от слова *اولدى* *өлди* 'он умер'.

⁴⁷ Название орудия в арабском языке образуется при помощи приставки *м* с различной огласовкой.

⁴⁸ КБ, 231: *urğaq*.

⁴⁹ СМ, 54: *tipik*.

⁵⁰ Там же: *ölük*.

Л (-л)

Например, говорят *بيچغیل يئر* *бычғыл йэр* 'трещина в земле'. Происходит от *نانڭ بيچيلدى* *бычылды нәң* 'вещь была разрезана'.

Вещь с черно-белыми полосками называется *ترغیل* *тарғыл* от слова *تريلدى* *тарылды* 'рассеялось что-то'. Как бы смешиваются черное и белое, первое рассеивается по второму.

М (-м)

Например, подстилка⁵¹ называется *ينم* *йазым*. Происходит от слова *يذنى* *йазты* 'он подстелил'.

Кусок дыни называется *بیر بیجه قاغون* *бир бычим кағун* от слова *بيجى* *бычды* 'он отрезал'.

Н (-н)

Например, поток называется *آقن* *ақын*. Происходит от *سقى اقلدى* *сув ақды* 'вода текла'. /

Куча земли называется *تبراق ييغن* *йығын тупрақ*⁵² от *تبراق يغدى* *тупрак йығды* 'он свалил землю в кучу'.

О (-у, -ү)

Она мало употребляется отдельно от предшествующей ей [буквы]. Например, инструмент для отсасывания крови называется *سرغو* *сорғу*. Происходит от *سردى* *сорды*. Так говорят, если животное высосало молоко и кровь.

Говорят *ترغو يئر* *турғу йэр* 'место, где можно жить'. Это такие правила, которым полностью подчиняются слова⁵³, так же как небо вращается вокруг полюса⁵⁴.

Это правило одинаково для глаголов двухбуквенных, трехбуквенных, четырехбуквенных, пятибуквенных и других многобуквенных. Здесь мы [обо всем] сказали кратко; потом скажем подробнее, если будет угодно Аллаху, всемогущему и великому.

Слово о размерах строения слов

Основа слова бывает:

Сокращенной двухбуквенной, как, например, слова: *آت* *ат* 'лошадь' и *ار* *эр* 'мужчина'.

Трехбуквенной, как слова: *آزق* *азуқ* 'провизия' и *يازق* *йазуқ* 'грех'.

Четырехбуквенной, как слова: *|| يغمر* *йағмур* 'дождь' и *حغمر* *чағмур*⁵⁵ 'репа'. /

⁵¹ СМ, 54: войлок.

⁵² БА, 15: torrak; КБ, 213: то же.

⁵³ БА, 16: тюркские языки.

⁵⁴ СМ, 54: вокруг полярной звезды

⁵⁵ СМ, 55: jaғмур.

Пятибуквенной, как слова: قروغساق *қуруғсақ* 'желудок' и قىرغاق *қузурғақ* 'одна из двух пол кафтана'.

Шестибуквенной, как слова: كەملىك *көмүлдүрүк* 'нагрудник (часть верховой сбруи)' и قىزىرغون *қузурғун* 'подхвостник (часть верховой сбруи)'.

Семибуквенной: таких имен мало, например, слово: زرغىچىمۇز *заргунчимуз*⁵⁷ 'садовая гвоздика'. [Имен] более семибуквенных нет.

Слово о прибавках к именам⁵⁸

Прибавками⁵⁹ к именам являются: маддовые и льяиновые буквы (хуруф ал-мадд ва-л-лайн)⁶⁰.

Маддовая буква, как в словах: تاغار *тағар* 'мешок для пшеницы' и چافار *чафар* 'растопка'⁶¹.

Льяиновые буквы, как в словах: قارىغ *қариг* 'заповедник', آرىغ *арығ* — так называют чистую вещь, آنوق *ануқ* — так называют вещь, находящуюся налицо, تىنوق *тануқ* 'свидетель'.

Хамза⁶², как в словах: آغىر *азғыр* 'жеребец', ىشىغن *ышғун* 'ревень'.

Нун (ن), как в словах: بازغان *базған* 'плосконосый'⁶³ и قىزغان *қазған*⁶⁴ 'галька'⁶⁵.

Вав (و), как в словах: تىرغو *турқу* 'шелк', قىرغو *қурғу* 'вспыльчивый'⁶⁶ человек'.

Иа (ى), как в словах: كىتىكى *көтки*⁶⁷ 'холм'⁶⁸, بىرقى *бурқы* 'хмурое лицо'⁷⁰.

Итак, допускается произнесение льяиновой буквы в словах типа فاعال *фағал*, فعال *фиғал*, فعول *фағұл*, فعيل *фағил*.

⁵⁶ AP: زرغىچىمۇز

⁵⁷ БА, 17: zargunçmud; СМ, 56: заргунчмуд.

⁵⁸ БА критикует МК за этот раздел, обвиняя его в насильственном применении правил арабского языка к тюркским языкам (стр. 17). В этом разделе МК разъясняет специфику тюркской орфографии, для того чтобы предупредить читателя-нетюрка, для которого предназначен «Диван», что некоторые буквы не выполняют той функции, которая им свойственна в арабском языке.

⁵⁹ МК прибавками / زيادات / зийа:да:т/ называет буквы, лишние с точки зрения арабского языка.

⁶⁰ حروف المد — в соответствии с арабской терминологией — буквы долготы, то есть буквы (اوى) в качестве знаков долготы гласных, но в тюркских языках обозначают простые гласные; حروف اللين — мягкие буквы, то есть (ىو).

⁶¹ Алиф здесь не обозначает долгий а, как в арабском языке. Ср. СМ, 56.

⁶² Здесь нет хамзы, ожидаемой с точки зрения арабского языка.

⁶³ БА, 18: овраг.

⁶⁴ В арабском языке эти слова писались бы без нуна: بىزغا и قىزغا.

⁶⁵ БА, 18: котел.

⁶⁶ БА, 18: легкомысленный.

⁶⁷ В арабском языке эти слова писались бы без вава: بىرقى и كىتك.

⁶⁸ СМ, 56: күткі.

⁶⁹ БА, 18: похожий на холм, гору; СМ, 56: холмик.

⁷⁰ СМ, 56: наглый человек.

Дерево называется *يغاج* *йығач* (*йағач*) можно произносить и *يغچ* *йығач*. То, что за рекою или долиной, называется *يغوج* *йуғуҷ*, можно произносить и *يغچ* *йуғуҷ*.

Слово *قريغ* *қорығ* 'заповедник' можно произносить и *قرغ* *қорығ* (*қоруғ*). Краткая речь лучше, чем длинная. Остальное будет сказано в нужном разделе, если будет угодно Аллаху всевышнему...

Э. И. ФАЗЫЛОВ

ОБ ИЗДАНИЯХ И ИЗДАТЕЛЯХ «ДИВАНА» МАХМУДА КАШГАРИ

«Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари впервые был издан турецким ученым Бильге Килисли Рифатом в Анкаре¹.

Бильге Килисли Рифат (1873—1953), известный в Турции под именем Килисли муалим Рифат, родился в городе Килисе, где и получил начальное образование. Окончив в 1888 г. Стамбульскую школу учителей (Darulmuallim), К. Рифат преподавал арабский и турецкий языки в различных лицеях и школах, а затем на факультете литературы Стамбульского университета. Одновременно он закончил юридический факультет этого университета.

Килисли муалим Рифат — автор многочисленных работ по истории турецкой литературы, переводчик литературных памятников с арабского и персидского языков. Наибольшей известностью пользуются издания «Kitab-i Dede Korkut», «Elkavanin-ul-Kulliyya li-zabt allugat-it-turkiyya» (İstanbul, 1928) и, в особенности, «Дивану лугат-ит-тюрк»².

Публикация «Дивана» была осуществлена Килисли Рифатом на основе единственной рукописи, работа над которой была завершена переписчиком Мухаммедом бин Абу Бакр Абулфатхом 27 шаввала 664 г. хиджры (то есть в первое воскресенье августа 1266 года) с оригинала, предназначавшегося в дар халифу Абул Касиму Абдуллаху ибн Мухаммаду ал-Муктади, который вззошел на престол в шабан 467 г. хиджры (апрель 1075 г.) и умер в мухаррам 487 г. хиджры (февраль 1094 г.).

Несмотря на аккуратность и тщательность, с которой работал переписчик, ему не удалось избежать некоторых существенных ошибок.

Издание К. Рифата имеет значительные недостатки. Наряду с многочисленными опечатками, пропусками отдельных фраз и слов, «исправлениями» орфографических «ошибок» Махмуда Кашгари издатель дал также сплошную огласовку оригинального текста, ввел дополнительный знак (вертикальную кясру) и т. д.³. Однако, несмотря на все это, труд К. Рифата все же сохраняет важное значение для тюркологии, так как именно он лег в основу переводов «Дивана» на немецкий, турецкий и узбекский языки.

¹ *Китаб диван لغات الترك*. Анкара, т. I, II, 1915; т. III, 1917. Издатель Килисли Рифат.

² Общие сведения о Килисли Рифате см.: *Ansiklopedik sözlük*, t. 3. Dil ve cenel kültür ansiklopedisi. Анкара, 1967, стр. 1297.

³ См.: Т. А. Боровкова. Относительно первого издания словаря Махмуда Кашгарского. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 5, стр. 133—135.

Первый перевод «Дивана» Махмуда Кашгари на немецкий язык принадлежит известному востоковеду Карлу Брокельману. Его работа была издана при содействии Венгерской Академии наук в 1928 г.⁴

К. Брокельман (1868—1956) родился в Ростове. Обнаружив большие способности к языкам, он поступил в 1886 г. в Ростовский университет, где изучал арабский, древнееврейский, армянский, санскрит, европейские и тюркские языки.

В 1890 г. по окончании университета он преподавал арабский язык в Страсбургской протестантской гимназии.

В 1893 г. К. Брокельман защитил докторскую диссертацию и совершил поездку в Стамбул, где изучал древние рукописи. По возвращении на родину он начинает преподавать в Берлинском университете.

В 1903 г. К. Брокельман был приглашен на должность ординарного профессора в Кёнигсберг. Там он написал свою знаменитую книгу «Основы сравнительной грамматики семитских языков»⁵.

С 1913 г. К. Брокельман работает в Галльском университете и в 1918 г. избирается его ректором.

В 1932 г. К. Брокельман был избран ректором университета в Бреслау.

Заведуя с 1945 года библиотекой Восточнонемецкого общества в Галле, К. Брокельман стал ее почетным профессором. Здесь он читал лекции по турецкому, сирийскому, аккадскому, коптскому и другим языкам.

Карл Брокельман — почетный член-Немецкого ближневосточного общества, член английского и французского обществ востоковедов, действительный член, или член-корреспондент большинства академий. Им написаны многочисленные труды по санскриту, древнееврейскому, сирийскому, арабскому, староузбекскому, турецкому и другим языкам, а также исследования в области литературы и истории народов Востока. Он — автор многих словарей и учебников по семитским языкам; общее число его работ превышает шестьсот⁶. Наиболее важными среди них являются издания «Дивана» Махмуда Кашгари и «Восточно-тюркской грамматики исламского литературного языка Средней Азии» (Лейден, 1954). Свой перевод «Дивана» К. Брокельман снабдил транскрипцией тюркского материала.

Немецкий перевод, по сути дела, представляет собой индекс слов, в котором в отдельных случаях приводятся подтверждающие цитаты из «Дивана» Махмуда Кашгари.

В 1934—1943 гг. «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари был переведен на турецкий язык Бесимом Аталаем и издан Турецким лингвистическим обществом в Анкаре⁷.

Бесим Аталай (1882—1965 гг.) родился в селении Ушак области Кутах. Он получил начальное и среднее образование в медресе этого

⁴ C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Mahmūd al-Kāšgarī Divān Lugat it-türk. Budapest—Leipzig, 1928.

⁵ C. Brockelmann. Grundriß der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, 2 Bde., t. I. Berlin, 1908; t. II. Berlin, 1912.

⁶ Carl Brockelmann (1868—1956) Von Johann Fück. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Band 108, Heft 1, NF, Band 33, Wiesbaden, 1958, стр. 1—13.

⁷ Divani Lugat-it-türk terçümesi, Çeviren Besim Atalay, c. 1, Ankara, 1939; c. 2, Ankara, 1940; c. 3, Ankara, 1941; Divani Lugat-it-türk Dizini-İndeks, yazan Besim Atalay, Ankara, 1943; в 5-й том включено факсимиле «Дивана» Махмуда Кашгари, из-за низкого качества техники фотографирования, много потерявшее в своей ценности.

селения. Окончив в 1906 г. Darulmuallim в Стамбуле, Бесим Аталай стал преподавать в школах различных городов Турции персидский, арабский и турецкий языки. В дальнейшем в течение многих лет он был профессором персидского и турецкого языков на факультетах языка, истории и географии Анкарского университета.

Бесим Аталай является одним из основоположников Турецкого лингвистического общества.

Он известен также как автор стихотворных сборников, драм и рассказов, а также как собиратель и издатель устного народного творчества⁸.

Среди филологических трудов Б. Аталая наиболее значительным является его перевод «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

На основе этого издания Дехри Дельчин, видный историк турецкого языка⁹, опубликовал в 1957 г. индекс на арабском алфавите¹⁰.

Первым издателем «Дивана» Махмуда Кашгари в Советском Союзе является узбекский ученый Салих Муталлибов¹¹.

Салих Муталлибов родился в 1900 г. в Ташкенте. Начальное образование получил домашнее (его отец был школьным учителем), а затем учился в медресе. Он овладел арабским и персидским языками, изучал восточные литературы.

Окончив после революции курсы по подготовке преподавателей, работал школьным учителем, а затем директором школы. С 1927 по 1930 гг. С. Муталлибов учился в Самаркандской педагогической академии. В 1944 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1967 г. — докторскую на тему: «Девону лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского (перевод, комментарии, исследование)».

С. Муталлибов в настоящее время заслуженный деятель науки Узбекистана, видный исследователь истории узбекского и других тюркских языков, автор рассказов и песен, переводчик многих художественных произведений с арабского, составитель учебников узбекского языка¹².

Узбекское издание «Девону лугат-ит-тюрк» С. Муталлибова снабжено грамматическим очерком (авторы Г. Абдурахманов и Ш. Шукуров), а также индексом-словарем, в котором параллельно с узбекским дается и русский перевод¹³.

«Диван» Махмуда Кашгари — фундаментальный труд, перевод которого на другие языки сопряжен с большими трудностями. Этим объясняется наличие в переводах различного рода неточностей, часть которых обнаружена и исправлена самими издателями в опубликованных ими вслед за текстом индексах.

⁸ См.: Э. И. Фазылов. Шарқнинг машҳур филологлари. Тошкент, 1971, стр. 78—80.

⁹ *Dilçin Dehri*. XIII asırdan günümüze kadar kitaplardan toplanmış tanıklarıyla tarama sözlüğü. Türkiye türkçesinin tarihî sözlüğü hazırlıklarından, I—IV. İstanbul, 1943—1957; Yusuf ve Zeliha. Dehri Dilçin. İstanbul, 1946; Dilçin Dehri. Edebiyatımızda atasözleri, kitap I. İstanbul, 1945.

¹⁰ Arap alfabesine göre Divanü Lugat-it-türk, Dızını, Hazırlıyan Dehri Dilçin. Ankara, 1957.

¹¹ Махмуд Кошгарий. Девону лугатит турк. Уч томлик, Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов, I том. Тошкент, 1960; II том, Тошкент, 1961; III том. Тошкент, 1963; IV том (индекс). Тошкент, 1967.

¹² См.: Р. Жуманиёзов. Солих Муталлибов. — «Ўзбек тили ва адабиёти». Тошкент, 1969, №1, стр. 79—81.

¹³ Г. Абдурахманов, С. Муталлибов. Девону лугатит турк (индекс). Тошкент, 1967.

Многочисленные работы и исследования, посвященные «Дивану», а также рецензии на них, дают правильное чтение и толкование значений многих слов, вошедших в «Диван» Махмуда Кашгари.

На основе анализа различных изданий «Дивана» нами установлено количество слов и словосочетаний, представленное в каждом из них, при этом были учтены особенности подачи материала в словарных статьях.

Результаты сопоставления количества слов в каждом из изданий приведены в алфавитном порядке в следующей таблице:

Таблица № 1

№	Алфавит	Карл Брокельман	Бесим Аталай	Салих Муталлибов	Древнетюркский словарь
1	a	595	619	647	540
2	ā	338	416	418	383
3	b	697	753	806	708
4	z	5	7	2	9
5	ç	436	456	537	434
6	d	17	24	23	20
7	δ	—	—	1	1
8	f	2	4	5	2
9	g	4	13	9	1
10	h	6	4	3	6
11	h	—	—	4	1
12	x	16	21	26	22
13	y	74	94	74	50
14	i	239	209	208	167
15	j	1004	1196	1216	929
16	k	612	675	688	610
17	l	12	12	11	10
18	m	109	134	130	130
19	n	19	26	24	17
20	o	205	209	207	192
21	o	231	246	237	170
22	p	18	42	22	12
23	q	994	1036	1120	1002
24	r	2	4	4	3
25	s	758	853	856	774
26	ş	29	40	36	40
27	t	1171	1317	1439	1080
28	u	260	290	293	245
29	ü	130	162	164	143
30	v	1	2	4	2
31	z	7	10	8	10

Как видно из таблицы, в издании К. Брокельмана содержится по предварительным подсчетам 7993 слова и словосочетания из «Дивана» Махмуда Кашгарского.

В словарь Бесима Аталая вошло 8783 слова и словосочетания.

В узбекском издании Салиха Муталлибова — 9222 слова и словосочетания.

В древнетюркском словаре приводится 7729 слов и словосочетаний.

Попутно заметим, что подсчеты количества слов в «Диване» Махмуда Кашгари К. Брокельманом и Нихадом Сами Банарлы¹⁴ оказались неточными.

При сравнении немецкого, турецкого и узбекского изданий обнаружилось расхождение в транскрипции и переводе отдельных слов, ряд слов и словосочетаний оказался в некоторых из них опущенным.

¹⁴ *Nihad Sami Banarlı. Res'imli türk edebiyatı tarihi Destanlar Devrinden zamanımıza kadar. İstanbul, 1947, стр. 74; C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Mahmud al-Kāşgarî Divân Lugatit-türk. Budapest—Leipzig, 1928.*

Ниже приводятся обнаруженные в различных изданиях «Дивана» расхождения в транскрипции, переводе и употреблении слов:

1) Расхождения в употреблении слов:

Таблица № 2

Транскрибированное слово	Перевод	Карл Брокельман	Бесим Аталай	Салих Муталибов
a	междометие, выражающее удивление	+	+	—
a qyl-	удивлять	+	+	—
açlyq	голод	+	+	—
açuq	старший брат	+	+	—
açtur-	велеть открыть	—	+	+
açur-	оставлять голодным, делать голодным	+	+	—
adaşlyq	дружба, братство; верность, искренность	—	+	+
aǵbol-	приносить счастье, добро	—	+	—
aǵyr-	отделять, разлучать	+	+	—
aǵyryq	свиной палец, пырей	—	+	+
aftaby	кувшин	+	—	—
ayla-	плакать	+	+	—
ayla-	быть одиноким, быть пустым	—	+	—
ayrlyal-	оказывать честь, почёт, уважение	—	+	+
ayruy sönüñi	первый шейный позвонок	+	+	—
aytar-	опрокидывать; сваливать; побеждать	+	+	—
ayuz	молозиво	—	+	+
ajala-	хлопать в ладоши	+	+	—
ajaqlyy	установленный блюдами; с чашкой	+	+	—
al	шелковая накидка оранжевого цвета	+	+	—
aļa	тайные мысли	+	+	—
alañ	гладкий, ровный, плоский	—	+	+
alañ jazy	гладкая, открытая равнина	—	+	+
alqu	то, что необходимо взять	—	—	+
alymsyn-	делать вид, будто брать	+	+	—
alqa-	восхвалять, хвалить	—	+	—
altunlaş	спорить на золотом	+	+	—
alwyр-/älwir-	устремляться, бросаться, вскочить; посмотреть внимательно	—	+	+
amyr	повелитель	+	—	+
añy	полностью, совершенно; настезь	—	+	+
añyl açuq qaruy	распахнутая дверь	+	—	+
añraş-	шуметь (о воде)	+	—	—
aqulyq	щедрость	+	+	—
arçurt-	утомлять, утомить	—	+	+
arçurtur-	утомлять, утомить	—	+	+
arçy	довольно много, изрядно	—	+	—
arçylan-	1) стекаться (о воде); 2) проходить арыком, делать в пути реки, рвы	+	+	—
arçyş-	обманывать (взаимно)	—	+	+
arçyt-	1) холостить; 2) обрезать (мальчика); 3) взрослеть, становиться мужчиной	+	+	—
arçytyş-	помогать чистить, очищать	—	+	—
arçayan	мятлин, мартук	—	+	+
arç	нечистоты, отходы	—	+	+
arçalaş	товарищ	+	—	—
arçyş	чары, колдовство	—	+	+
arsal/arsyl	красновато-желтый, каштановый (цвет)	+	+	—
artuqluq	избыток, излишек (по Брокельману: чрезмерная прибыль)	+	—	—
arumduñ	краска	+	+	—
arut	сухой, высохший	—	+	—
arwal-	колдовать, очаровывать	—	+	+

Окончание таблицы № 2

Транскрибированное слово	Перевод	Карл Брокельман	Бесим Аталай	Салих Муталлибов
arwys	чары, колдовство	—	+	—
aşbar	корм из самана с различными отрубями	+	+	—
asyun-	стираться, изнашиваться, прохудиться	—	+	+
asynar-	упрямиться, не желать работать	+	—	+
asra	низ, внизу, низко	—	+	+
asry	1) пантера; 2) двухцветный	+	+	—
aşu-	присоединять; перебираться, переваливать (через гору)	—	+	—
asurt-	чихать	—	+	—
aşut-	велеть заворачивать; укрывать	—	+	+
ata-	давать имя, псевдоним, называть	—	+	+
ata sayun	лекарь	—	+	+
atyç	ямка для игры в орешки	—	—	+
atym	метание, выстрел	+	+	—
atyzla-	прокладывать канал и готовить почву для посева	—	+	+
az	продукция (напр., материал)	—	—	+
azaq	неизвестно кем-то скрыто выстреленная пуля, шальная пуля	—	+	—
azlan-	принимать, считать за малое количество	—	+	+
ä-	быть, стать	—	+	—
äç äç	междометие для призыва скота	—	+	+
ädär-	искать; гнаться, преследовать	—	+	—
ädärlig	имеющий седло, с седлом	+	+	—
ädlän-	быть употребленным для чего-либо	+	+	—
ädlän-	жениться	+	+	—
ägätlän-	быть владельцем служанки, невесты	—	+	+
ägirt-	велеть пряхать; велеть окружить крепость	—	+	+
äkäklä-	оскорбить; считать развратным	—	+	+
äkiş-	сеять (совместно), помогать сеять	—	+	+
äl quş	пятнистая птица, похожая на орла	—	+	—
äldiri	кожа козленка	—	+	+
älri	кожа козленка	—	+	+
älsät-	от голода падать в обморок, сильно голодать	+	+	—
älük	насмешка	+	+	—
älwir-	напускаться, бросать упреки	—	+	+
ämikdāş	молочный брат	+	+	—
ämiklā-	бить в грудь	—	+	+
ämür-	кормить грудью	—	+	—
änmägü	испытание, проверка	+	+	—
äp	усилительная частица	—	+	+
äpmäk	хлеб	—	+	—
är	солнечная сторона земли	+	+	—
är-	тосковать, скучать; дырять, разбивать, разрушать	—	+	+
äräm	добродетель, воспитанность; ремесло	—	+	—
äräntüz	Созвездие Весов; Юпитер	+	+	—
ärät-	кастрировать; возмужать	—	+	+
äri-	топить, плавить	+	+	—
ärit-	топить, плавить	—	+	—
ärkän	самец	+	+	—
ärlä	родина	+	+	—
ärt-	проходить	+	+	—
ärtälä-	начинать рано	—	+	+
ärtiş-	состязаться в переходе	+	+	—

2) Расхождения в переводе:

Таблица № 3

Транскрибированное слово	Карл Брокельман	Бесим Аталай	Салих Муталлибов
1	2	3	4
aba başu	растение, похожее на огурец с колючим стеблем, которое едят в горных местностях	растение, похожее на огурец с колючим стеблем, которое едят в горных местностях	горное растение, похожее на огурец; огурцовое горное растение
abaly	выражение презрения	слово, употребляющееся для выражения презрения, унижения	модальное слово, выражающее гордость
aşırğan	—	часто голодающий; быстро голодающий	заставляющий голодать
aḃaq	1) нога; 2) дно (моря)	нога	нога
abuyḡlan-	показать (проявить) себя жеребцом	стать жеребцом	стать жеребцом; заметить жеребца
abdiqia-	поскольку вещь незнакомая, считать ее редкой	считать редкой; считать чужим, не узнавать	интересоваться
ahla-	брать проценты, заниматься ростовщичеством	глубоко вздыхать	глубоко вздыхать
ajas	ясный, светлый, прозрачный	ясный, светлый; имя собственное, которым нарекают прислугу, раба	ясный, светлый
aḡruş-	отделять, разлучаться	отделять, разлучать	расходиться, разлучаться
ayū	плохой, дурной	плохой, дурной	возвращение (долга)
ayūn-	1) вести себя; брать за что-либо; 2) получить, требовать, взыскивать (долг)	брать для себя	брать самому (для себя), взяться
aitun,	золото	золото	золото; перен. чистый, дорогой
aiuş	слива	персик	холодная, охлаждающая вещь
amuş	принижение, подарок из захваченной добычи	подарок, дар от благополучия, довольства	подарок путешественника
amşuj	род желтой груши	вид желтой сливы	сорт желтой сливы
amuş-	молча выслушивать упрек, порицание	стоять неподвижно из-за упрека	замирать, оторопеть
aquḡ	поток, река	ливень, поток	ливень, поток
aquḡ/aquḡu	разведывательный отряд	войны, делающие набег ночью	ночной летучий отряд
ayū	седловина	седловина	сумка, груз
ayū	1) овраг, ложбина, ущелье; 2) местность между Тиразом и Баласагуном - занимать сплетнями	ущелье, пронасть	долина между горами
ayūda-		проходить (между кем-либо)	проходить (между кем-либо)

Продолжение таблицы № 3

1	2	3	4
агуш	животное из породы крыс длиною пол-локтя, употребляющееся для ловли птиц в расщелинах стены. Если оно бросится на овцу, ее мясо пожелтеет, если бросится на спящего человека, то у него будет затруднено мочеиспускание	животное из породы крыс длиною пол-аршина	животное из породы крыс длиною пол-локтя, мангуста
агуш	вина, грех	грех	прочет, ошибка, промах
агаф-	помогать взваливать на спину; сваливать друг на друга	сваливаться друг на друга	помогать взваливать на спину
arta-	1) портиться, ухудшаться; 2) прохотить	портиться, ухудшаться	портиться гнить, разрушаться
as	1) горностай; 2) служит также именем девочки	горностай; имя собственное (девочки)	1) куница; 2) рабыня, прислуга
aslyq	1) кухня; 2) пшеница	1) кухня; 2) еда, провизия; 3) пшеница	1) кухня; 2) плечница
atyn-	1) делать вид, будто стреляешь; 2) прижиматься к кому-либо; 3) вертеться, оборачивать, вращать, кружить (страдат.)	1) делать вид, будто стреляешь; 2) катиться, вертеться, валяться	1) делать вид, будто стреляешь; 2) ползать, пресмыкаться
atyz	луг между двумя холмами	площадь между двумя арыками	посевная площадь между двумя арыками
atyzlan-	сделаться пахотным полем	приготовить поле для посева (привести арык и т. д.)	разделять, распределять
авуп- az	дерево (на языке Сайрам) чувствовать себя удобно, покойно горностай	дерево находить утешение; отвлекаться горностай	дерево иметь дружеские связи шуба из белой куницы
azma	баран	баран, который не ест из-за раны	дряхлый, выпущенный на постоянный выпас
ādiā-	печалиться, заботиться	оказывать внимание, почет, уважение; вспоминать, производить впечатление; печалить, огорчать	расширять, увеличивать (что-либо) ширь
ādiā-	взаимно чтить, взаимно почитать	вследствие уважения, внимания, взаимно искать друг друга	потерять (совм.)

Окончание таблицы № 3

1	2	3	4
ägirsä-	желать	желать лекарство «ичир»; хотеть прясть; желать кружиться; хотеть окружить, хотеть осадить	1) хотел лекарство «ичир»; 2) хо- теть прясть; 3) хотеть окружить кре- пость вид лекарства (из шафрана)
ägüt	лекарство из шафрана, которым смазывают лицо ребенка против на- рыва и от дурного глаза	лекарство, которым смазывают ли- цо ребенка от дурного глаза; это ле- карство приготавливается из смеси шафрана и других вещей	
ägış-	нагибаться за мячом (в игре в поло)	помогать нагибаться (в игре в поло)	нагибать (совм.)
ägrin-	прясть для себя	прясть для себя; делать вид, будто прясть	делать вид, будто прясть пряжу
ākāç	уменькая девочка	уменькая девочка; сообразитель- ная девочка	любимая, услужливая девушка, близкая, как сестра
ikindi/äkindi	то же; другой	тот другой	второй
äl	верховая езда	название коня	конь (тюркск.)
äldiri	место у двери юрты	—	поры
älin	путник, странник; мет. дух. (огуз., кыпч.)	кожа козленка дух; путник, странник (огуз., кыпч.)	кожа козленка, теленка чужестранец (огуз.)
ämä-	1) посетить; 2) трудиться, стараться	трудиться, переносить тяготы, за- труднения	замучиться
ämän-	отправляться	переносить тяготы, затруднения	1) мучиться, страдать; 2) останав- ливаться на отдых (по отношению к высокопоставленным лицам)
ämğäs-	заботиться друг о друге	переносить тяготы друг за друга	уставать, измучиться (совм.)
äniç	крыловидная плева на глазу	плева на глазу	ресница
äniçlä.	лечить плеву на глазу	лечить плеву на глазу	вытащить ресницу (из глаза)
äniçläñ-	получать плеву на глазу	получать плеву на глазу	попадать реснице в глаз
ärđäm	доброделитель	доброделитель, воспитание; ремесло	этика, воспитанность, достоинство
äräd-	возмужать	возмужать	1) кастрировать; 2) возмужать
ärän tüz	Созвездие; «Весы»; Юпитер	Созвездие Весов; Юпитер	—
ärğür-	1) приводить в расплавленное со- стояние; 2) догнать (до исчеэнове- ния)	приводить в расплавленное состоя- ние, топить, плавить; достигать	велеть растопить
ärsik	мужественный, мужской	—	бурый
äştis-	убеждать с кем-либо от чего-либо	состязаться в переходе	—
äsänlä-	приветствовать	приветствовать	быть здоровым

3) Расхождения в транскрипции:

Таблица № 4

Карл Брокельман	Бесим Аталай	Салих Муталлибов
ab... ab...	ap... ap...	ab... ab...
ablan	aplan	ablan
açuqluq	açuqluq (y)	açuqluy
adaqluq	adaqluq	adaqluq
adaş	adaş	adaş
ayuzla-	ayyzla-	ayyzla-
ahsun/ahsun	ahsum/ahsun	ahsun/ahsun
aja jārsgü	aja jārsgü	äjä jārsgü
ajman-/äjmān-	äjmān-	äjmān-
alqaş-	alqaş-	alqys-
amşan	amşan/ämşān	ämşān
arqaçaq	arqaçaq	arqaçuq
arqyn	arqun	arqun
arra	ärrä	arra
artat-	artut-	artut-
artuç	artuç	ärtüç
arus-/ärüş-	arus-/ärüş-	ärüş-
as	as/az	a : s
atymçu	atynçu	atynçu
avlaş-	avlaş-	äwläş-
awuş	awuş	awuç
az	að	a : z
ägiş	ägiş	äkiş
äkämä	äkämä	ikämä
ikindi	äkindi/ikindi	ikindi
äksik	äksig	äksik
il	äl	il
älkä-	älgä-	älkä-
älkäl-	älgäl-	älkäl-
älkän-	älgän-	älkän-
älkäs-	älgäs-	älkäs-
älkät-	älgät-	älkät-
inät-	änät-	inät-
äniz	anyz	anyz
ämäçlä-	amaçla-	amaçla-
äräñäju	ärñaju	äräñäju
äräñäk/ärñäk	ärñäk/ärñäk	ärñäk
irin	ärin	ärin
irtä	ärtä	ärtä
äşiç	aşaç/aşyc/eşiç	aşyc
äsry	asry/äsri	—
ätiz	atyz	atyz
ätizlän-	atyzlan-	ätizlän-
äv	äf	äv
äzlig	äzlig	äzlik
äsiz/ässiz	äsiz/ässiz	isiz
äsizlig	äsizlik	isizlik

Приведенный сопоставительный анализ указывает на необходимость нового издания «Дивана» Махмуда Кашгари с грамматическими и лексическими указателями и факсимильным приложением самого «Дивана».

Ю. МУХЛИСОВ

ОБ УЙГУРСКОМ ПЕРЕВОДЕ «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК»

О переводе «Дивана» Махмуда Кашгари на уйгурский язык до сих пор в научной литературе никаких сведений нет. Однако такой перевод существует.

К переводу «Дивану лугат-ит-тюрк» на уйгурский язык впервые в Восточном Туркестане приступили в 1946 году. За осуществление его взялся кашгарец Исмаил-дамулла, которому удалось перевести в г. Чугучаке с арабского языка лишь первый том. Дальнейшую работу прервала смерть переводчика.

После него переводом «Дивана» с арабского занялся Ахмет Зияи, который в течение 1953—1954 гг. перевел на уйгурский язык все три тома, Ахмет Зияи, как и многие другие представители уйгурской интеллигенции, был репрессирован маоистами. Но, находясь в заключении в Кашгарской тюрьме, он не прерывал работы над переводом «Дивана». По выходе из тюрьмы он завершил перевод и сдал его текст кашгарскому губернатору Сайфуллаеву. Эта рукопись в 1956 г. была принята в фонд Урумчинского музея литературных памятников (Уйгурский каталог, 1957 г., стр. 38).

Текст перевода записан Ахметом Зияи собственноручно, выполнен весьма грамотно и является полным. Переводчиком на первой половине страницы дан арабский текст, на второй — уйгурский перевод почерком *насталик*. Первый том перевода содержит 472, второй — 246, третий — 170 страниц.

После принятия рукописи перевода научный совет Урумчинского музея осуществил в 1957 г. в г. Кашгаре специальную сверку перевода с оригиналом. В состав комиссии, проводившей сверку, входили: Мухаммед-хан Пайзи (брат Ахмета Зияи), хорошо владевший арабским языком, Ясин-дамулла, Имир Хусаин-Кази, Сулейман-дамулла, Мухаммед Имин-Хажи и автор этих строк. Комиссия, установив верность и точность перевода, сочла необходимым сдать рукопись в печать. Министерство культуры СУАР в том же году дало согласие на издание перевода в издательстве национальной литературы в г. Пекине. Была создана редколлегия в составе: Амина Турсуна, Ибрагима Мутни, Ахмета Зияи, Бурхана Шахиди и Юсупбека Мухлисова. Были также выделены необходимые средства. Однако начавшаяся в конце 1957 года маоистская чистка не миновала и членов редколлегии. Ахмет Зияи вновь был репрессирован, а другие члены редколлегии сосланы в трудовые лагеря. Какова судьба рукописи перевода, сказать в настоящее время трудно. Хочется надеяться, что она рано или поздно увидит свет.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕСОЮЗНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 900-ЛЕТИЮ ТРУДА МАХМУДА КАШГАРИ «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК»

7—9 октября 1971 г. в Фергане состоялась Всесоюзная тюркологическая конференция, посвященная 900-летию «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, организованная Министерством высшего и среднего специального образования Узбекской ССР, Академией наук Узбекской ССР и Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР.

В работе конференции приняли участие 105 тюркологов из Алма-Аты, Андижана, Ашхабада, Баку, Бухары, Казани, Карши, Коканды, Ленинграда, Намангана, Нукуса, Самарканда, Ташкента, Термеза, Уфы, Ферганы, Фрунзе, Хивы.

Первое пленарное заседание открыл вступительным словом член-корреспондент АН СССР А. Н. Кононов (Ленинград), выступивший затем с докладом «Махмуд Кашгарский и его „Дивану лугат-ит-тюрк“».

А. Н. Кононов подробно охарактеризовал жизнь и деятельность первого тюрколога-энциклопедиста Махмуда ал-Кашгари, труд которого, по словам докладчика, представляет золотые россыпи интереснейших и тончайших наблюдений над фонетикой, грамматикой и лексикой ряда тюркских языков. Это единственное в своем роде сочинение донесло до нашего времени бесценные лингвистические, этнографические, фольклорные, географические, исторические сведения о хаканских (караханидских) тюрках, туркменах, огузах, ягма, чигилях, кыргызах. Отмечая большие заслуги Махмуда Кашгарского, А. Н. Кононов сказал, что лучшей данью его памяти будет глубокое и всестороннее изучение оставленного им потомству бесценного «Дивана».

С. Г. Кляшторный (Ленинград) в докладе «Эпоха Махмуда Кашгарского» отметил важность «Дивану лугат-ит-тюрк» как историко-этнографического источника, в котором отражены многие стороны внутренней жизни Караханидского каганата и Сельджукского государства. Сведения, содержащиеся в «Диване» об этническом составе городского населения Семиречья, Ферганы

и Кашгарии, о родоплеменной структуре огузов, письменной культуре уйгуров Турфана, по мнению докладчика, являются уникальными и их всестороннее изучение позволит прийти к ряду существенно важных для науки выводов.

Г. Г. Мусабаев (Алма-Ата) выступил с докладом «Некоторые сведения из жизни и деятельности Махмуда Кашгари». Махмуд Кашгари родился и вырос в период правления караханидов на территории древнего Семиречья. По мнению Г. Г. Мусабаева, рукопись «Дивана» была закончена в 1078 г. По лингвистическим данным, язык племени тухси-тургешей (туку, то есть тюрков) имел зачатки ж-канья. На основе этого языка в дальнейшем и развивался современный казахский язык.

С. И. Ибрагимов, М. Асамуддинова (Ташкент) в совместном докладе «Развитие профессиональной терминологии в письменных памятниках XI века „Дивану лугат-ит-тюрк“ и „Кутадгу билиг“» отметили, что значительная часть лексического богатства современного узбекского языка, относящаяся к той или иной области быта, зафиксирована в языке древнетюркских памятников. Докладчики дали лексико-семантическую трактовку части профессиональной лексики, встречающейся в «Диване» Махмуда Кашгари и «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни.

С докладом «О переводе „Дивану лугат-ит-тюрк“ на русский язык» выступил А. Рустамов (Ташкент). Он поделился опытом перевода на русский язык этого замечательного труда. В подготовке перевода принимают участие А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, В. В. Решетов, акад. АН Кирг. ССР К. К. Юдахин. Перевод осуществляется на основе фотокопии с оригинала. Учитывается также опыт перевода на турецкий и узбекский языки.

С докладом «Махмуд Кашгари — диалектолог» выступил М. Ш. Ширалиев (Баку). Он отметил важность значения «Дивана» для диалектологических исследований. Труд Махмуда Кашгари был основан на живом разговорном языке и охватывал все доступ-

ные автору диалекты. Поэтому для передачи фонетических особенностей говоров Махмудом Кашгари были введены дополнительные знаки, отсутствующие в арабском и уйгурском письме. Докладчик охарактеризовал фонетические и морфологические особенности племенных диалектов и отметил некоторые грамматические и лексические формы в одном из говоров азербайджанского языка, находящие соответствия в материалах «Дивана».

А. М. Щербак (Ленинград) в докладе «О формах порядковых числительных в „Дивану лугат-ит-тюрк“» остановился на вопросе соотношения кратких форм порядковых числительных, зафиксированных в «Диване», с другими формами, в частности, взаимосвязи $-(i)нч \sim -(y)нч$ и $-(^o i)нч \sim -(y)нчу$. О происхождении порядковых числительных имеется несколько точек зрения. Одни (О. Бётлингк, С. В. Ястремский, А. Н. Кононов) считают более древними полные формы, а другие (П. М. Мелиоранский, В. Банг, И. Бенцинг, Д. Синор, К. Менгес) — краткие. По Синору, древнее — $(^o i)нт(i)$, ср. др.-т. *ikinti* ~ *ikindi*. К. Брокельман первым указал на связь аффиксов порядковых числительных с аффиксами отглагольных имен: $-(^o i)нч \sim -(y)нч$.

Докладчик рассмотрел также другие формы порядковых числительных, в частности формы на *-маш*, *-меш*, *-м*, *-н*, которые имеются только в чувашском языке. А. М. Щербак дал новую этимологию порядковых числительных в тюркских языках.

Э. И. Фазылов (Ташкент) в докладе «Об изданиях „Дивана“ Махмуда Кашгари на немецком, турецком и узбекском языках» рассказал об изданиях и издателях „Дивана“. На основе сравнительного анализа им установлено количество слов и словосочетаний в каждом из изданий. При сравнении немецкого, турецкого и узбекского изданий обнаруживается разноречивость в транскрипции и переводе, пропуск части слов и словосочетаний.

В докладе «Сравнительный метод Махмуда Кашгари» А. М. Демирчизаде (Баку) остановился на общей структуре «Дивана» и основных принципах его построения. Анализ словарного состава тюркских языков, отраженный в словаре, указывает на общие, межплеменные и племенные слова, а также на изменения слов по значению и форме. Докладчик подчеркнул, что Махмуд Кашгари еще в XI в. практически применил в тюркологии сравнительный метод изучения языков и по праву может считаться его основателем.

Т. М. Гарипов (Уфа) выступил с докладом «Махмуд Кашгари и кыпчакские языки Урало-Поволжья». Он подчеркнул исторические заслуги автора «Дивана» в установлении этнической и языковой принадлежности тюрков XI в., в частности башкир, татар, йемаков и др. Принципиально согласуется с новейшими геоэтнографическими ис-

следованиями расселение предков современных кыпчаков Урало-Поволжья на территории междуречья Иртыша—Или по обе стороны Каспия, что зафиксировано на карте и особенно в тексте «Дивана». Лексический материал словаря содержит большое количество «кыпчакизмов», обнаруживающих живые параллели в башкирском и татарском языках.

С докладом «Поэзия в словаре Махмуда Кашгари» выступил Х. Усманов (Казань), проследивший истоки возникновения стихосложения. Докладчиком были продемонстрированы фотокопии древнетюркских памятников, в которых отчетливо проявляются элементы слогосложения. Наиболее распространенным, по его мнению, являлся семисложный стих. Х. Усманов высказал мысль, что размер *аруз* в тюркоязычной поэзии возник в недрах тюркского стиха, и в данном случае, видимо, следует говорить не столько о влиянии персидского стихосложения на тюркскую поэтику, сколько об их типологическом сходстве.

В докладе «Категории причастия и деепричастия в языке „Дивану лугат-ит-тюрк“» Г. Абдурахманов (Ташкент) подробно остановился на употреблении форм причастия на: 1) *-ку/-гу; -гу/-кү; 2) -р/-ар/-әр; -ур/-үр; -ыр/-ир; 3) -мыш/-миш; 4) -ган/кан/-гән/кән; 5) -тачы/-дачы; 6) -дук/-дүк; 7) -ыклы/-ыглы/-икли/-игли; 8) -ды/-ди/-ты/-ти; 9) -ча, -чи; деепричастия на: 1) *-(у, у)б/п; 2) -и(у); 3) -а/-ä; 4) -гынча/-гинча; -кынча/-кинча; 5) -қалы/-ғалы; -калы/-гәли; 6) -ы/-и; 7) -мабын; 8) (ы, у)бан; 9) -мышыча/мишичә*.*

Х. Хасанов (Ташкент), выступивший с докладом «„Диван“ Махмуда Кашгари и топонимика Азии», отметил преемственность идей и творческих устремлений, существовавшую между такими великими учеными Востока, как Ибн Сина, Бируни, Насир Хосров, Замахшари, Юсуф Баласагуни и Махмуд Кашгари. Докладчик проанализировал топонимические термины *окуз* и *джайхун* (вода, река), *унгур* (ущелье, долина), *юкары* (восток), *куйи* (запад), топонимы *Тарим*, *Эртыш*, *Сайрам*, *Тамга* и др. Дал краткий обзор топонимических изысканий Г. Вамбери.

В докладе «Историко-географические данные Махмуда Кашгари (по Тянь-Шаню и Семиречью)» О. Караев (Фрунзе) пришел к выводу, что автор «Дивана» происходил из племени чигилей, обитавших на Центральном Тянь-Шане, которые, опираясь, главным образом, на своих соотечественников в долинах рек Или и Талас и на союзные племена ягма, тухси и другие, образовали государство Караханидов. В заключение докладчик подчеркнул, что в «Диване» Махмуда Кашгари часто встречаются географические сведения о районах Тянь-Шаня и Семиречья, ряд упоминаемых в словаре названий существует и поныне. По этим названиям можно судить о месте расселения многих племен.

Ф. А. Ганиев (Казань) в докладе «Сложные глаголы в тюркских языках» указал на существование в последних двух видов сложных глаголов. К сожалению, отметил он, сложные глаголы, образованные путем сочетания деепричастий с модифицирующими глаголами, в словари не включаются, что является большим недостатком тюркской лексикографической практики. Между тем сложные глаголы составляют основное богатство глагольной системы тюркских языков, их количество достигает 40—60 тысяч. По мнению Ф. А. Ганиева, включение сложных глаголов в словарь позволило бы расширить их объем до 100—150 тыс. слов и, таким образом, продолжить богатые лексикографические традиции Махмуда Кашгари.

В сообщении «О двух омонимах в „Словаре“ Махмуда Кашгари», сделанном Э. А. Умаровым (Ташкент), была проанализирована история слова оң с гласной переднего и заднего ряда. По свидетельству Махмуда Кашгари, это слово составляет две омонимические пары: оң 'перед' || бң 'цвет', оң 'легко' || оң 'правый'. В процессе исторического развития узбекского языка эти омонимы претерпели существенные изменения. Первая пара вышла из употребления. Вторая пара стала широкоупотребительной. Составители современных словарей (например, «Узбекско-русского словаря», М., 1959) не уделяют должного внимания истории этих слов и, приводя вторую пару омонимичных слов, часто включают в словарные статьи также и архаичную первую пару, что приводит к соседству слов противоположного значения.

З. Мусабаява (Фрунзе) выступила с сообщением «Омонимы в „Диване“ Махмуда Кашгари». По ее мнению, следует пересмотреть оценку многих слов, ранее считавшихся арабскими и персидскими заимствованиями, так как истоки образования этих слов можно обнаружить в древнетюркских памятниках, в частности в «Диване» Махмуда Кашгари.

Выступивший с докладом «К вопросу о происхождении форманта настоящего времени юго-западной группы тюркских языков» М. Н. Хыдыров (Ашхабад) отметил существование нескольких мнений относительно истории образования настоящего времени (Ф. Е. Корш, В. Банг). Многие ученые в своих исследованиях опирались на материалы письменных памятников лишь некоторых тюркских языков и не принимали во внимание материалы других, в том числе туркменского (А. П. Понделевский, 1948). В этом можно убедиться, проследив чередование гласных а, о, у, ө, ү, ы, и, э, наблюдаемое в аффиксах. По мнению М. Н. Хыдырова, показатели будущего времени — аффиксы -ыр, -ир, -ур, -үр, -ар — единого происхождения. Об этом свидетельствует сопоставление туркменского языка с его диалектами. Одного и того же происхождения с упомянутыми аффиксами и показатели бу-

дущего времени -йур, -йөр, -йүр, -йар. В памятниках они различались только в зависимости от контекста, получив впоследствии самостоятельное развитие. Более древним по происхождению является вариант -йур, -йүр, зафиксированный в орхонских надписях.

Б. Орузбаева (Фрунзе) выступила с докладом «Словарь Махмуда Кашгари как источник для изучения семантического развития слов в тюркских языках (на материале киргизского языка)». Отметив значительные успехи в изучении тюркских языков и подчеркнув важность установления их лексического состава, Б. Орузбаева указала на недооценку языковедами-тюркологами сравнительно-исторического метода. Словарь Махмуда Кашгари дает богатый материал для сравнительного изучения лексики и грамматического строя современного киргизского языка, в частности семантического развития отдельных слов. Так, например, полисемия уходит корнями в глубокую древность. Сопоставляя примеры из «Дивана» и современного киргизского языка, Б. Орузбаева привела примеры конкретных случаев сужения и расширения семантики слов.

В докладе «„Дивану лугат-ит-тюрк“ и туркменская паремиялогия» Б. А. Каррыев (Ашхабад) остановился на истории современных туркмен, которые, будучи кочевниками, входили в различные племенные и военные объединения, в особенности с народностями, говорившими на близкородственных языках, что способствовало проникновению в туркменский фольклор художественных образов и идей выдающихся поэтов — Физули, Навои и других. Б. А. Каррыев отметил, что конференция уделяет недостаточно внимания фольклору, представленному в «Диване» Махмуда Кашгари, и предложил при переводе «Дивана» на русский язык в целях точной передачи представленного в нем фольклорного материала привлечь к совместной работе узбекских, туркменских, киргизских и казахских языковедов и фольклористов.

А. Х. Хайитметов (Ташкент) в докладе «О некоторых теоретических проблемах древней поэзии тюрков (на основе материалов „Дивану лугат-ит-тюрк“ Махмуда Кашгари)» отметил, что «Диван» Махмуда Кашгари должен быть изучен и литературоведами, ибо, по мнению докладчика, он дает богатый материал для исследования ряда теоретических проблем древнетюркской литературы. Древняя поэзия тюрков реалистична, близка к устному народному творчеству, богата формами и жанрами. Эта поэзия развивалась на основе внутренних закономерностей, обусловленных характером экономической, социально-политической и культурной жизни тюркских народов.

С докладом «Некоторые вопросы формирования сложноподчиненных предложений по материалам „Дивану лугат-ит-тюрк“ Махмуда Кашгари» выступил М. Закиев

(Казань). Докладчик отметил, что тщательное изучение синтаксической структуры древнего и современных тюркских языков дает возможность различать одну синтетическую и четыре аналитических моделей сложноподчиненных предложений, причем каждая аналитическая модель применяется в двух вариантах. На основе анализа отдельных исследований по тюркским языкам и материала «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари докладчик приходит к выводу, что не только синтетическая модель, но и основные варианты аналитических моделей являются праалтайскими или исконно тюркскими. Лишь некоторые из этих вариантов развивались под влиянием соседних языков, но непременно на основе преобразования праалтайских моделей.

М. Ш. Рагимов (Баку) выступил с докладом «„Диван“ Махмуда Кашгари и древнетюркские элементы в диалектах и говорах азербайджанского языка». Сравнение материалов «Дивана» с говорами азербайджанского языка позволило выявить ряд слов, считавшихся до сих пор монгольскими заимствованиями. Последние, видимо, правильнее рассматривать не как заимствования, а как общую для этих языков лексику, обусловленную их родством. М. Ш. Рагимов приводит несколько групп таких слов, общих для «Дивана» и говоров азербайджанского языка.

В заключение М. Ш. Рагимов подчеркнул, что он не ставил целью путем выявления степени совпадения лексики установить принадлежность языка «Дивана» к какому-либо из конкретных современных тюркских языков, ибо словарь представляет собой общетюркский памятник и принадлежит всем тюркским народам.

А. Курышжанов (Алма-Ата), выступивший с докладом «Махмуд Кашгари о кыпчакском языке», говорил о том, что слово «кыпчак» или «кывчак» обозначало название какого-то племенного объединения, в состав которого входили йемаки (ямаки), канлы, токсобинцы и др. Под определенным политико-административным влиянием кыпчаков, по всей вероятности, находилась не только известная часть одного из крупных объединений тюркских племен — огузов, но и многие другие более мелкие племена и роды, населявшие в то время огромную территорию от отрогов Тянь-Шаня на востоке до р. Дона на западе. Поэтому, утверждал докладчик, лексико-грамматические особенности, характерные, по мнению Махмуда Кашгари, лишь для кыпчакского языка, необходимо рассматривать как присущие языку всех входивших в кыпчакское объединение племен.

С докладом «Староузбекский и современный узбекский литературный языки. (К вопросу о формировании узбекского национального литературного языка)» выступил Ш. Шукuroв (Ташкент). Он высказал мысль, что для разрешения вопроса о формировании таких национальных литератур-

ных языков, как узбекский, имеющих письменную традицию и донациональный литературный язык, наряду с говорами и диалектами, должны привлекаться и факты истории развития этих языков. Однако, к сожалению, эти факты ввиду их малоизученности остаются неиспользованными (например, материалы староузбекского литературного языка). При сопоставлении данных староузбекского и современного узбекского литературных языков выяснилось, что за исключением второстепенных диалектных явлений и заимствований из других тюркских языков, а также архаизмов, в староузбекском и современном узбекском литературных языках основные нормы совпадают. Отсюда следует, что новоузбекский, или узбекский национальный литературный язык формировался на базе староузбекского литературного языка при активном участии узбекских диалектов и народных, главным образом городских говоров. Само собой разумеется, что староузбекский и современный узбекский литературные языки нельзя отождествлять.

А. Матгазиев (Фергана) выступил с докладом «К истории фонетического изменения слов в узбекском языке». Он отметил, что в результате многовекового развития многие слова в узбекском языке подверглись фонетическому, морфологическому и семантическому изменению. Докладчик остановился на истории некоторых фонетических явлений в узбекском языке: метатезы, вставки и выпадения звуков, чередования согласных, сингармонизма и других. Выводы докладчика в основном были построены на материалах письменных памятников узбекского языка XIX века, которые до сих пор не подвергались специальному исследованию. Для сравнения были привлечены факты из источников более раннего периода, в том числе «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

«Словарь Махмуда Кашгари как один из источников исследования национальной основы киргизской терминологии». Так назывался доклад Б. Осмоналиевой (Фрунзе), отметившей значение «Дивана» для разработки национальной киргизской терминологии. Словарь является общетюркским памятником, он содержит сведения, позволяющие установить истоки киргизской лексики, особенно в области кочевого быта и традиционных для кочевых народов занятий. Исследователи киргизского языка должны как можно шире привлекать материалы «Дивана».

И. Кучкартаев (Ташкент) выступил с сообщением «Из сопоставительного изучения „Дивану лугат-ит-тюрк“ Махмуда Кашгари и лексики современного узбекского языка». Анализируя семантическое поле глаголов речи, зафиксированных в «Диване» и в современном узбекском языке, по дифференциальным признакам, И. Кучкартаев приходит к выводу, что основные и оборотные глаголы речи с частным значением обнаруживают живые лексико-семантические парал-

лели в современном узбекском языке. Докладчик видит в этом свидетельство их общетюркской основы. Что же касается периферийных лексем семантического поля глаголов речи, то здесь имеются заметные расхождения как в лексическом, так и в семантическом аспектах.

С краткой речью на конференции выступил заместитель главного редактора журнала «Советская тюркология» *И. С. Сеидов* (Баку). Он рассказал о работе, проделанной редакцией, о трудностях, которые приходится ей преодолевать, и о ближайших задачах журнала.

Наш журнал, сказал *И. С. Сеидов*, существует немногим более полутора лет. Судя по поступающим в редакцию отзывам, он постепенно завоевывает популярность среди читателей и признание ученых; об этом же говорит и тираж журнала, доходящий до четырех тысяч. Несмотря на то, что журнал издается у нас в Баку, мы считаем его все-союзным органом, в равной степени принадлежащим всем тюркоязычным республикам и всем тюркологам страны. Поэтому и отношение к нему всех тюркологов должно быть хозяйским, заинтересованным.

Название журнала «Советская тюркология» ко многому обязывает. Журнал должен отражать достижения и высокий уровень развития тюркологии в нашей стране. Поэтому к статьям, представляемым в журнал, необходимо предъявлять самые серьезные научные требования. К сожалению, некоторые авторы без достаточной ответственности относятся к направляемым в журнал материалам, прежде всего к ссылочному научному аппарату, цитированию, транскрибированию и т. д. Нередко ниже всякой критики находится литературный уровень статей. Все это ставит редакцию в весьма затруднительное положение, намного задерживает процесс подготовки статей к печати, а, следовательно, отражается и на сроках выхода журнала.

Редакция испытывает недостаток в литературоведческих статьях общетюркологического характера. Литературоведы-тюркологи должны активнее выступать на страницах нашего журнала с научно-теоретическими статьями проблемного характера, представляющими интерес не только для отдельной национальной литературы (для таких статей имеются соответствующие академические издания в каждой республике), но и для всей тюркологической общественности страны.

И. С. Сеидов подчеркнул также, что недостаточность поступающих в редакцию ма-

териалов для рубрик: «Научная жизнь», «Хроника», «Рецензии», «Сообщения и обзоры», «Дискуссии и обсуждения» обедняет журнал, ограничивает его информационные возможности. А наш читатель должен быть в курсе всех, сколько-нибудь существенных событий в области тюркологии.

И. С. Сеидов призвал руководителей тюркологических научных центров в республиках и всех тюркологов оперативнее и активнее снабжать редакцию необходимым информационным материалом.

По имеющимся у нас сведениям, сказал далее *И. С. Сеидов*, журнал находит неплохое распространение среди научных работников. Много у него подписчиков и среди профессорско-преподавательского состава и студенчества Азербайджана. Однако в других тюркоязычных республиках распространение журнала среди последнего контингента читателей нельзя считать удовлетворительным. А ведь от студенчества в первую очередь зависит будущее тюркологической науки. Недооценивать этого факта нельзя. Надо всячески содействовать тому, чтобы журнал нашел среди студенчества постоянных и заинтересованных читателей.

И. С. Сеидов обратился к присутствующим с просьбой присылать в редакцию выходящие в республиках новые тюркологические издания, что намного ускорит и облегчит их рецензирование.

В заключение *И. С. Сеидов* подчеркнул, что создание журнала «Советская тюркология» является ярким свидетельством заботы партии и правительства о развитии тюркологии в нашей стране, на территории которой представлены почти все тюркоязычные народы, и показателем того значения, которое придается этой науке в настоящее время. Поэтому наш общий гражданский, патристический долг — сделать все от нас зависящее, чтобы журнал «Советская тюркология» оправдал возлагаемые на него надежды и способствовал объединению усилий советских тюркологов в деле дальнейшего и успешного развития тюркологии в нашей стране.

С заключительным словом выступил член-корреспондент АН СССР *А. Н. Кононов*. От имени участников конференции он выразил глубокую признательность ректорату Ферганского государственного пединститута им. Улугбека за четкую организацию работы конференции.

Конференция приняла резолюцию.

Э. И. Фазылов, Л. В. Данилова

РЕЗОЛЮЦИЯ

ВСЕСОЮЗНОЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 900-ЛЕТИЮ ТРУДА МАХМУДА КАШГАРСКОГО «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК»

ФЕРГАНА, 9 ОКТЯБРЯ 1971 ГОДА

С 7 по 9 октября 1971 года в Ферганском государственном педагогическом институте имени Улугбека состоялась Всесоюзная конференция тюркологов, организованная Министерством высшего и среднего специального образования УзССР, Академией наук УзССР и Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР. Конференция была посвящена 900-летию труда Махмуда Кашгарского «Словарь тюркских языков». В работе конференции приняли участие 105 тюркологов из Алма-Аты, Андижана, Ашхабада, Баку, Бухары, Казани, Карши, Коканда, Ленинграда, Намангана, Нукуса, Самарканда, Ташкента, Термеза, Уфы, Ферганы, Фрунзе, Хивы. На шести заседаниях конференции были заслушаны 43 доклада и выступления.

В докладах нашли отражение результаты новейших работ советских ученых, посвященных исследованию «Дивана» в лингвистическом, литературоведческом, историческом, географическом, этнографическом и других, более частных аспектах. Были заслушаны доклады, посвященные биографии Махмуда Кашгарского, составу и времени различных редакций его труда, эпохе создания памятника, грамматике, лексикологии, лексикографии, месту труда Махмуда Кашгарского в духовной культуре тюркоязычных народов.

Всесоюзная конференция тюркологов отмечает, что на ежегодных тюркологических конференциях, которые проходили в течение пяти последних лет в Ленинграде, определились многие основные задачи современных тюркологических исследований в СССР, проявилась тенденция к объединению общих усилий советских тюркологов в решении кардинальных проблем тюркологии. Заседания, состоявшиеся в Фергане, продолжили эту традицию и внесли серьезный вклад в разработку ряда проблем, стоящих перед советскими тюркологами, в том числе в области сравнительно-исторического изучения грамматики и лексики тюркских языков.

Участники конференции отмечают, что в изучение труда Махмуда Кашгарского крупный вклад внесли ученые Узбекистана, трудами которых был подготовлен полный узбекский перевод «Дивана» (С. Муталлибов), заканчивается подготовка русского перевода (А. Рустамов), изданы исследования по грамматике языка памятников XI в. (Г. Абдурахманов), осуществлено сопоставление существующих изданий памятника и дана критическая оценка (Э. Фазылов).

Азербайджанские ученые подготовили перевод «Дивана» на азербайджанский язык с русским словарным указателем (А. Демирчизаде,

А. Джафаров и Дж. Эфендиев), а также подготовили и частично опубликовали ряд важных исследований, посвященных памятнику.

Немалый вклад в изучение памятника внесли ученые Туркмени, Казахстана, Киргизии, Татарии, Башкирии и других тюркоязычных республик.

В общей работе над «Диваном» принимают активное участие тюркологи Москвы и Ленинграда.

Некоторые из указанных здесь исследований уже вышли в свет, издание остальных в ближайшем будущем представляется крайне желательным.

Участники конференции с удовлетворением отмечают всестороннее развитие тюркологических исследований в тюркоязычных республиках, где сложился ряд успешно работающих научных коллективов.

Работа конференции вновь подтвердила особую важность объединения усилий в разработке кардинальных научных проблем тюркологии и периодических встреч ученых для их обсуждения.

С особым удовлетворением участники конференции отмечают организацию и успешную работу первого всесоюзного журнала тюркологов «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ», который объединяет советских ученых для успешного решения насущных проблем тюркской филологии.

Участники заседания выразили глубокую признательность и сердечную благодарность ректорату Ферганского государственного педагогического института имени Улугбека, создавшего все условия для успешной работы конференции.

Р Е Ш Е Н И Е:

1. Отмечая чрезвычайную научную ценность труда Махмуда Кашгарского для исследования фундаментальных проблем тюркской филологии, истории и этнографии тюркоязычных народов, конференция считает необходимым:

а) скорейшее издание русского перевода «Дивану лугат-ит-тюрк» и факсимильного воспроизведения текста памятника;

б) скорейшее издание азербайджанского перевода «Дивана».

2. Рассматривая настоящее совещание как важный этап в изучении труда Махмуда Кашгарского, конференция рекомендует продолжать интенсивное исследование «Дивана» и считает необходимым следующую тюркологическую конференцию также посвятить этому важнейшему памятнику.

3. Учитывая исключительное значение для развития тюркской лексикографии, лексикологии и сравнительно-исторических исследований «Этимологического словаря тюркских языков», подготовленного Э. В. Севортяном, конференция считает особо важным скорейшее издание этого труда.

4. Конференция вновь подтвердила настоятельную необходимость создания объединения советских тюркологов — Комитета советских тюркологов, основной задачей которого будет координация и кооперация исследовательских работ в области тюркологии в Советском Союзе.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. Кононов (Ленинград). Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-түрк»	3
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Эпоха Махмуда Кашгарского	18
М. Ш. Ширалиев (Баку). Махмуд Кашгари как диалектолог	24
А. М. Демирчизаде (Баку). Сравнительный метод Махмуда Кашгари	31

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. О. Орузбаева (Фрунзе). Словарь Махмуда Кашгари как источник для изучения лексики киргизского языка в историческом плане	43
Т. М. Гарипов (Уфа). Махмуд Кашгари и кыпчакские языки Урало-Поволжья	47
А. К. Курышжанов (Алма-Ата). Махмуд Кашгари о кыпчакском языке	52
В. И. Асланов (Баку). «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и азербайджанский язык	61
М. Ш. Рагимов (Баку). «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и древнетюркские элементы в диалектах и говорах азербайджанского языка	75
И. Кучкартаев (Ташкент). Лексика «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и современный узбекский литературный язык	83
Ш. Шукуров (Ташкент). Староузбекский и современный узбекский литературные языки	91
Б. Осмоналиева (Фрунзе). Об отражении лексики киргизского языка в словаре Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк»	97
Х. Г. Нигматов (Бухара). Некоторые особенности тюркских авторских примеров в «Диване» Махмуда Кашгари	100
Э. А. Умаров (Ташкент). О двух омонимах в «Диване» Махмуда Кашгари	103
А. Маггазиев (Фергана). К истории фонетического изменения слов в узбекском языке	106
О. Караев (Фрунзе). Историко-географические данные, сообщаемые Махмудом Кашгари	111
С. Ибрагимов, М. Асамуддинова (Ташкент). Отражение профессиональной терминологии в «Дивану лугат-ит-тюрк» и «Кутадгу билиг»	114

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Хайитметов (Ташкент). О древней поэзии тюрков	123
--	-----

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

А. Рустамов (Ташкент). О переводе «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари на русский язык	129
Э. И. Фазылов (Ташкент). Об изданиях и издателях «Дивана» Махмуда Кашгари	140
Ю. Мухлисов (Алма-Ата). Об уйгурском переводе «Дивану лугат-ит-тюрк»	150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Э. И. Фазылов, Л. В. Данилова (Ташкент). Всесоюзная тюркологическая конференция, посвященная 900-летию труда Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк»	151
---	-----

Резолюция Всесоюзной тюркологической конференции, посвященной 900-летию труда Махмуда Кашгарского «Дивану лугат-ит-тюрк»	156
--	-----

*
*
*

C O N T E N T S

A. N. Kononov (Leningrad). Mahmūd al-Kašyari and his «Divānu luyat-it-türk»	3
S. G. Klyashtorny (Leningrad). Mahmūd al-Kašyari's epoch	18
M. Sh. Shiraliyev (Baku). Mahmūd al-Kašyari as a dialectologist	24
A. M. Demirchizade (Baku). Comparative method by Mahmūd al-Kašyari	31

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

B. O. Oruzbayeva (Frunze). Mahmūd al-Kašyari's dictionary as a source for study of the Kirghiz language in historical aspect	43
T. M. Garipov (Ufa). Mahmūd al-Kašyari and Kipchak languages of the Ural-Volga area	47
A. K. Kuryshzhanov (Alma-Ata). Mahmūd al-Kašyari on the Kipchak language	52
V. I. Aslanov (Baku). «Divānu luyat-it-türk» by Mahmūd al-Kašyari and the Azerbaijani	61
M. Sh. Ragimov (Baku). «Divanu luyat-it-türk» by Mahmūd al-Kašyari and ancient turkic elements in dialects of the Azerbaijani	75
I. Kuchkartayev (Tashkent). Vocabulary of «Divānu luyat-it-türk» by Mahmūd al-Kašyari and modern Uzbek literary language	83
Sh. Shukurov (Tashkent). Old and modern Uzbek literary languages	91
B. Osmanaliyeva (Frunze). On the reflection of the Kirghiz language in «Divānu luyat-it-türk» by Mahmūd al-Kašyari	97
H. G. Nigmatov (Bukhara). Some peculiarities of author's turkic examples in «Divān» by Mahmūd al-Kašyari	109
E. A. Umarov (Tashkent). On two homonyms in «Divān» by Mahmūd al-Kašyari	103
A. Matgazyev (Fergana). Towards history of phonetic changes of words in the Uzbek language	106
O. Karayev (Frunze). Historic and geographical facts reported by Mahmūd al-Kašyari	111
S. Ibragimov, M. Asamuddinova (Tashkent). Reflection of professional terminology in «Divānu luyat-it-türk» and «Kutadgu bilig»	114

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

A. Khayitmetov (Tashkent). On ancient poetry of Turks	123
---	-----

REPORTS, SURVEYS

A. Rustamov (Tashkent). Towards the translation of «Divānu luyat-it-türk» by Mahmūd al-Kašyari into Russian	129
E. I. Fazylov (Tashkent). On editions and editors of Mahmūd al-Kašyari's «Divan»	140
Yu. Mukhlisov (Alma-Ata). On the Uigur translation of «Divānu luyat-it-türk»	150

SCIENTIFIC LIFE

E. I. Fazylov, L. V. Danilova (Tashkent). The All-Union turkological conference, dedicated to the 900-th anniversary of «Divānu luyat-it-türk» by Mahmūd al-Kašyari	151
The Resolution of the All-Union conference of turkologists, dedicated to the 900-th anniversary of «Divānu luyat-it-türk» by Mahmūd al-Kašyari	156

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *С. В. Лисицова, И. Г. Дорфман*

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 25/I 1972 г. Подписано к печати 14/IV 1972 г. ФГ 01177. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 5. Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 13,3. Заказ 459.

Тираж 4400. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП, Баку—122, просп. Нариманова, 31, Академгородок,
Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.

Ряды ступени	смешаннорядные индекс-69		центрально- заднерядные индекс-9		заднерядные индекс-10	
	переднерядные индекс-7	центрально- рядные индекс-89				
1.	i y	ɸ ɯ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ
2.	ɪ ʏ	ɸ ɯ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ
3.	e ø	ə ɔ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ
4.	ɛ œ	ɜ ɔ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ
5.	æ ɶ	ə ɔ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ
6.	ɑ ɒ	ə ɔ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ	ɨ ʉ

смешаннорядные
индекс-69

أَنَّهُ بِالتَّوْبِ وَغَيْرِ التَّرَاتِمَاكِ وَيُقَالُ لِقَاعُونَ ذَاكَ الَّتِي إِذَا أَنَّهُ ذَهَبَ بِالطَّيْحِ
 إِلَى بَيْتِهِ وَكَذَلِكَ غَيْرِ التَّرَاتِمَاكِ وَيُقَالُ الْجَعَايَ قَائِرَ مَا قِىَ الَّتِي إِذَا أَنَّهُ أَمَرَ
 بِتَوَزِجِ الدَّرَاهِمِ وَتَفْرِيقِهَا عَلَى الْفُقَرَاءِ التَّرَاتِمَاكِ مَرَّةً يُقَالُ نَامَ امْتِىَ إِلَى الْجَبَارِ
 وَغَيْرِ لَيْسَ فُطًى وَيُقَالُ لَكُمْ أَنْكَرَ امْتِىَ إِذَا مَا لَقِيَ إِلَيْهِ امْتِرَاتِمَاكِ وَقَالَ
 فَلَانِ تَكَلَّمَ امْتِىَ إِذَا قَارَسَ قَوْمًا امْتِىَ هـ يَبْلَغُ تَنَا امْتِىَ تَزَكَّى تَدْبِكُ شَوْرَ
 يَصِفُ الرِّيحَ وَيَقُولُ هَبْجِ الرِّيحُ الْعَزَّ وَالْوَعْلُ حَتَّى اجْتَمَعَ الْأَرْضَى وَالْعَفْ
 نَامَتْ خَوْ الْمَصْطَافِ وَاصْطَفَتْ تَتَوَاتَبُ فَرْجَانِ يُقَالُ لِمَنْ تَأْتِي تَأْتِي إِذَا
 أَعَدَّ السِّلَاحَ لِلْعَدُوِّ وَكَذَلِكَ كُلِّ شَيْءٍ إِذَا أَعْدَا تَتَوَاتَبُ وَفِي الْمَثَلِ
 تَلَمْ أَنْتَسَا تَلَمْ تَلَوْزَ ثُمَّ أَنْتَسَا تَلَمْ تَلَوْزَ مَعْنَاهُ مِنْ أَعَدَّ السِّلَاحَ لِعَدُوِّهِ جَدَّ
 مَهْرًا وَمِنْ شَيْءٍ إِسْتَعْدَادٍ يَصِيرُ اسِيرًا يَوْمَ لَا اسْتِعْدَادَ فِي الْأُمُورِ هـ
 وَيُقَالُ مِنْ نَامَا سَلَدِمِ الْمَنَى امْتِىَ إِذَا كُنْتُ أَبْيَا فِي هَذَا وَابْنُ أَرْضَايَ
 فِيهِ أَنَا تَرَاتِمَاكِ وَيُقَالُ السُّوزِ امْتِىَ إِذَا نَسِيَ كَلَامَهُ وَغَيْرُ امْتِىَ
 امْتِمَاكِ وَيُقَالُ التَّوْبِ امْتِىَ إِذَا نَسِيَ كَلَامَهُ وَغَيْرُ امْتِىَ يَقْطَعُ
 شَيْئًا مِنْ ذَنْبِهِ امْتِرَاتِمَاكِ الْمَنْقُوصُ مِنْهُ يُقَالُ امْتِنَا سُوْرَتِي
 إِذَا نَسِيَ سَائِمِي الْكَلَامِ وَالْخَرِيَّةُ تَقُولُ مِنْ امْتِنَا سُوْرَتِي امْتِىَ تَكَلَّمْتُ
 مَعَهُ وَقُلْتُ لَهُ كَلَامًا وَهَذَا الِيسْرِ قِيَاسُ امْتِرَاتِمَاكِ وَيُقَالُ امْتِنْدِ
 امْتِىَ إِذَا نَسِيَ اسْتِغْيَامِي وَأَصْلُهُ أَيَا ذِي نَادِغِ أَيَا ذِي نَادِغِ هـ

اَلْبُورُكَ قَرَشَتِي اَيَّ اَنَّهُ اَذْرَعَ الدِّيَّاسَ وَاصْلُهُ قَرَشَ الشَّيْبَرِ وَيُقَالُ اَلْاَنَّى قُرَشِي
 اَيَّ اَنَّهُ خَوْفُهُ وَاصْلُهُ قَرَشِي وَتَوَلَّهْمُ الدِّيَّاسُ اَعْلَى اَيَّ اَنَّهُ اَخْلَى الْمَكَانَ وَاصْلُهُ
 اَعْلَاقٌ يَبْزِي اَيَّ مَكَانٍ خَالٍ فَيَسْقُطُ اَخْرَجَ فِي الْكَلِمَةِ مِنْ ثَلَاثَةِ اَسْمَاءٍ اَلْبَتَّاءُ وَالتَّشْرُ
 هَذَا الْبَابُ اَنْ يَكُونَ فَعْلًا مُتَعَدِّيًا مِنْ فَاعِلٍ اَحَدُهَا اَمَرٌ وَالاُخْرَى مُبَاشَرٌ كَلِمَتَا
 وَبَعْضُهَا يَكُونُ فَعْلًا لَا زِمًا مِنْ ذَوَاتِ الْارْبَعَةِ فَيُلْحِقُ بِهِ التَّالِيَتَيْنِ خَوْفُهُمْ
 اَنْ سَمِي بِرِي اَيَّ سَمِي الْفَرَسُ ثُمَّ يُقَالُ اَرَاتَنِي سَمَرَتِي اَيَّ سَمَرِ الْخَيْلِ الْفَرَسُ وَيُقَالُ
 نَانِدَا الْكَلْبِ اَيَّ اَكْثَرَ الشَّيْءِ ثُمَّ يُقَالُ اَرَانِي كَيْفَ اَخْلَى اَيَّ اَكْثَرَ الرَّجُلِ مَا لَهُ ٥
 وَالْوَجْهَ الْاُخْرَى اَنْ يَكُونَ مَتَاعًا عَلَى حَيَالِهِ لَا يَرَادُ بِهِ شَيْءٌ مِنْ هَذِهِ الْمَعَانِي خَوْفُهُمْ
 اَرْتَقَرِي اَيَّ عَجَلِ الرَّجُلِ وَيُقَالُ اَعْلَانُ الْغَنِيِّ اَيَّ اَكْبَرِ الْعِلَامِ وَغَيْرِهِ ٥

هـ انقضى كتاب المصنف بحمد الله هـ

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

هَذَا كِتَابُ الْأَسْمَاءِ مِنَ الْمَثَالِ

بَابُ الشَّائِبِ يَتَّ الْمُدَوَّرُ مِنْ كُلِّ شَيْءٍ يُقَالُ مِنْهُ يَتَّ يَرْمَقُ
 اَيَّ لَيْسَ مَعِي دَرَاهِمُ مُدَوَّرٌ يَعْنِي صَحَائِبَ الْقَرْدَةِ وَمِنْهُ يُقَالُ يُونُكَ يَتَّ اَيَّ قَرْدَهُ وَ
 صَوْفُ يَتَّ الْعَزْلَةُ يَتَّ الطَّوْبِلَةُ الَّتِي يَرْبُطُ بِهَا الْخَيْلَ وَكَذَلِكَ الْجَبَلُ يُسَمَّى يَتَّ
 ت يَتَّ كَمَا هُنَا يَتَّ كَرْنُ اَخْجَارٍ مَخْصُوصَةٌ جُلِبَتْ بِهَا الْمَطْرُ وَالْخَمْرُ وَغَيْرُهَا مَعْرُوفٌ
 ذَلِكَ فِيهَا يَتَّ وَاعْيَانُ ذَلِكَ يَتَّ فَعَلَ ذَلِكَ لِاطْفَافٍ حَرِيْقٍ وَقَعَ هُنَاكَ

فَمَا الشَّيْخُ فِي الصَّيْفِ يَأْذَنُ اللَّهُ تَعَالَى وَلُفَا الْحَرِيقُ خَضَعِي رَ يَرَهُوَالْعُتَابُ
 يُقَالُ مِنْهُ أَنْكَ يَرَى أَقْتَى أَيْ سَالَ لَعَابُهُ يَرُ الْغَنَاءُ يُقَالُ أَلْ يَرِي بِطَلْحَى أَيْ أَنَّهُ
 غَنَى الْغَنَاءُ وَالْكَثْرَ مَا يَقَعُ هَذَا عَلَى الْغَزْلِ وَيُقَالُ أَرَى بِالْأَلْفِ عَلَى طَرِيقِ الْمُبَادَلَةِ
 شَرَّ الْمَقَلُّ يُقَالُ مِنْهُ يَشْرَبُ أَيْ عَلَفَ طَرِيٍّ وَيُقَالُ يَشْرَبُ عَلَى طَرِيقِ الْإِتْبَاعِ
 يَشْرَبُ الرَّجُلُ بِالْغَرِيهِ يُقَالُ مِنْهُ يَشْرَبُونَ يَشْرَبُونَ أَيْ أَرَدَمَ الْقَوْمُ وَيُقَالُ الصَّغُودُ
 يَشْرَبُ يُقَالُ أَرَبَ يَشْرَبُ أَيْ صَعُودٌ وَهَبُوطٌ أَيْ هَبُوطٌ أَرَبَ الْعَقَبَةُ قَى يَوْهُو
 سَلَاتُهُ الْقَصْعَةُ يُقَالُ مِنْهُ يَوْهُو عَلَى طَرِيقِ الْإِتْبَاعِ هُ يَوْهُو الصَّغُودُ
 الْأَرْضُ يَكُ الْحَمْلُ يُقَالُ مِنْهُ يَبْرِيكَ بُغْدَى أَيْ حَمْلُ مِنَ الْبُرُودِ وَتَوْغِيهِ
 لَا يَدْعِي الْمَاءُ يُقَالُ مِنْهُ جَفَرًا يَدْعِي غَيْرَ قَوَانٍ يَلُ السَّنَةُ يُقَالُ مِنْهُ
 يَبْرِيكَ لِحَتَّى أَيْ مَضَتْ سَنَةٌ مَ تَمَّ الْقَزَى يُقَالُ مِنْهُ كَوْزَا يَمْ تَشْتِي أَيْ تَع
 الْقَزَى فِي الْعَيْنِ تَمَّ الْأَفَاوِيهِ يُقَالُ مِنْهُ أَوْ تَمَّ أَيْ الْبُزُورُ وَالْأَفَاوِيهِ
 عَلَى طَرِيقِ الْإِتْبَاعِ وَلَا يَفْرُدُ تَمَّ يَزُ الْفَرْبُ يُقَالُ مِنْهُ قَوَى يَزِي أَيْ قَرَبُ
 الْقَمِ يَزُ عَنِ الْأَسَدِ يُقَالُ مِنْهُ أَرْسَلَانِي هُ وَيُقَالُ لَوْ جَارُ الثَّعْلَبِ
 وَمَا وَى كُلَّ ذِي نَابٍ مِنَ السَّبَاعِ يَزُ فِي الْمَثَلِ تَلَكُوا وَزِينَا أَوْ زَا
 أَذْوَ زِلْزَلُونَ مَعْنَاهُ إِذَا ضَمَّ الثَّعْلَبُ إِلَى وَجَارِهَا جَرَبُ يَضْرِبُ هَذَا فَمِنْ
 نَدَمُ قَبِيلَتِهِ تَمْ لَا بَدْلَهُ مِنْهُمْ وَقَالَ
 قُشْرَتْ قَمْعٌ تَرْلَى أَرَلَتْ تَشَى تَرْلَى أَرَلَتْ تَرْلَى يَنْقَابُ تَا كَسُوزُ

الْمَلْتَفُ وَقَدْ يُطْرَحُ مِنْهُ الْكَافُ يُقَالُ بِي بَعَاجٍ وَنُقَالَ يَكِي بِسَيِّئِ السَّيِّئِ
 الْمُنْرَاضِ وَمِنْهُ يُقَالُ تَوْنٌ يَكِي تَكٍ أَيْ خِطِّ الثَّوْبِ وَاحْعَلْ دَرَزَهُ مُنْرَاضًا
 مُشْتَرَهًا مُوَكَّرًا وَيُسَمَّى الدَّرَزِيُّ وَأَصْلُهُ يَكِي مِنْ هَذَا لَا الشَّيْءَ فِي
 الشَّيْءِ وَيُقَالُ لِنَوْعٍ مِنَ الْغَضَنِ يَكِي يُغَالِي جَبْرَ مُعْضَنٍ إِذَا أَصَابَهُ أُدْيٌ شَيْ
 سَقَّتْ مِنْ رَقَّتِهِ فَيَسْتَهْمُ بِهِ الطَّاعِي يُقَالُ أَنْكَسَرَتْهُ وَيُقَالُ لِلسَّرَاجِ يَلَا وَقَالَ
 تَكَرَّيْتُ أَشْقَاكَ بَرُّعًا لَا حَقَّوْ حَقَبَ ائِشْقَا قَلِي إِذْ بَوْرِي لَا ع
 يَقُولُ لَا تَصِلْ إِلَى الْأَمْرِ بِعِلَّةٍ وَانْظُرْ مَدْخُلَهُ وَقِفْ لَتَدْرُ كَيْفِيَّتَهُ فَإِنْ زَارَى
 الزَّيْدُ وَعَجَلَ اسْرَاجَهُ يَنْطَفِئُ السَّرَاجُ عَنْهُ مِنَ الْعِلَّةِ هُوَ يُلَوِّهُ وَرِبَاطُ الْأَفْلَاةِ
 إِذَا انْجَذَّ الْأَمْرُ مِنَ الرِّمَالِ تَرِبَطَ الْأَفْلَاةُ فِي حَبْلٍ وَاجِدَتْ حَتَّى تَدْرُ الرِّمَالُ هُوَ
 فِي الْمَرْعَى لِحُلْبَةٍ مَوْحَرَفٌ وَمَعْنَاهُ أَتَيْتَ هَذَا الْكَلَامَ وَحَفِظْتَ لِتَفْعَلِيَا
 أَتَيْتَ يُقَالُ عَنْهُ سَنَ يَزْغَلُ مَوْعِنَاهُ إِذْ هَبْتَ أَنْتَ أَنْعَمَ وَأَصْلُهُ قَوْلُهُمْ يَه
 وَهُوَ حَرْفٌ مَعْنَى نَعَمْ وَالْمِيمُ وَالْوَاوُ اسْتِفْهَامٌ يَنَاحَرَفُ وَمَعْنَاهُ ثَانِيَا
 يُقَالُ مِنْهُ نَسَاكَ لَدَى أَيْ جَانِبِيَا وَنَوْعٌ آخَرٌ يَبَاهُ إِلَيْهِ الْإِنْسَانُ
 حَاصَّةً وَرِوَا الطَّرِثُوثُ وَهُوَ نَبْتٌ يَصْبُغُ بَعْضُهُ فِي نَتَاجِ لُغَةٍ فِي الْقَاءِ
 الرِّكِيكِهِ يَوَالُغُهُ فِي يَفَافِي قَبِيلِهِ الْغَزِيَّةِ وَكَذَلِكَ لُغَةٌ فِي قَوْلِهِمُ لِلرُّوَضِ
 الدَّقِي يَفَايِزُ كَمَا سَنَتْ فِيمَا سَرَّانِ الْوَاوِ تُبْدَلُ بِالْقَا الرِّكِيكَةُ بَابُ
 فَعَلَلَتْ يَتَى السَّبْعَةُ فِي الْعَرْدِ وَمِنْهُ يُقَالُ يَتَى قَتَا كَوَلٌ أَيْ سَبْعَةٌ